

Западная Двина

Литературно-публицистический журнал

1(16), 2021 **Читайте в номере:**

Откликаюсь на разные имена...

Стихи известной украинской поэтессы Людмила Шарга о своих русских корнях, о цепкости человеческой памяти и прочности духовных скреп, об обострённой любви к малой Родине

С.Т.Р.А.Н.А

Пьеса молодого минского драматурга Анастасии Курулёвой посвящена гамме человеческих чувств и дефиниций, обуревающих сознание тех, кто стремится перевернуть мир, сделав его справедливее

Некоторые аспекты творчества двух прозаиков фронтового поколения Виктора Некрасова и Ивана Шамякина

Литературный критик Юрий Клеванец даёт читателю детальный разбор биографии и творчества двух авторов, показывая их сходство и различие

Помяни мя

В краткой истории одного детства прозаик Геннадий Синицкий окунает нас в щемящее прошлое главного героя своего рассказа

16+

ЗАПАДНАЯ ДВИНА

литературно-публицистический журнал

№1(16), июль-сентябрь 2021

Журнал основан в феврале 2004 года
Выходит – один раз в квартал

Учредитель — Республиканское общественное объединение

«Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь»

Издатель — Культурно-просветительское учреждение

«Литературный свет»

Директор и главный редактор

ЗАЙЦЕВ Олег Николаевич

Редакционная коллегия

С.А. Главацкий (Одесса)

А.Б. Горбунов (Минск)

Ю.В. Клеванец (Осиповичи)

В.И. Леонтьев (Бобруйск)

проф. О.В. Пуссинен (Хельсинки)

проф. В.А. Салеев (Минск)

к.ф.н. Л.И. Толчикова (Гомель)

проф. А.А. Яшин (Тула)

Компьютерная вёрстка

Инна Зайцева

Корректра

Екатерина Новикова

Адрес редакции: 220073, Республика Беларусь,
г. Минск, ул. Харьковская, д. 15 пом. 10
тел. +375 17 358 18 19, 204 79 77, моб. +375 29 652 60 01
e-mail: litsvet2008@rambler.ru, <https://literatursvet.wordpress.com/>

Подписано в печать 27.09.2021г. Формат 70x100 1/16

Уч.-изд.л. 11,13. Тираж – до востребования

Цена не фиксированная

Электронная версия сверстана на настольном
редакционно-издательском комплексе «Офисный»
с использованием программы Adobe InDesign

Рукописи, поступающие в редакцию, не возвращаются и не рецензируются.
Ответственность за авторскую принадлежность материалов несут их заявители.
При перепечатке материалов ссылка на журнал «Западная Двина» обязательна.

© «Западная Двина», 2021

Содержание номера:

Страничка главного редактора.....3

Поэзия

Олег ЗАЙЦЕВ. В наморднике пришёл к нам год двадцатый..... 170

Василий КОЛТУНОВ. День уходит, как третий лишний..... 10

Александра ЛЕСКОВЕЦ. Мне бы лучше рассудок слушать..... 4

Наталья ЛИТВИНОВА. Идёт по улице поэт..... 30

Иван НЕЧИПОРУК. Не говори со мною о войне 173

Людмила ШАРГА. Откликаюсь на разные имена 23

Калейдоскоп «Славянской лиры»: Лариса ЖЕЛЕНИС,

Наталья ШАБЛО, Елена ЛУЧНЁВА, Ирина ШЛЕМЕНКОВА,

Ольга ЛЮБАШИНА..... 132

Художественная проза

Анастасия АНТОНОВА. Как раньше. *Рассказ*..... 16

Алексей ГОРБУНОВ. Город. Девушка. Стаффаж. *Роман (начало)* 50

Геннадий СИНИЦКИЙ. Помяни мя. *Рассказ*..... 19

Литературная критика, литературоведение

Лола ЗВОНАРЁВА, Павел ПОЗДЕЕВ.

Герои и авторы русской литературы первой половины XX века

в свете архивных документов 37

Юрий КЛЕВАНЕЦ. Некоторые аспекты творчества двух прозаиков
фронтового поколения Виктора Некрасова и Ивана Шамякина 176

Художественный перевод

Анатолий МОЗГОВ. Переводы Бажены Мацюк..... 188

Драматургия

Анастасия КУРУЛЁВА. С.Т.Р.А.Н.А..... 150

Книжная полка

Юрий КЛЕВАНЕЦ. Аннотации на книги прозы Н. Хохлова «Жизнь
в наследство», драматургии О. Мельникова «Цугцванг» 191

В РУСЛЕ ПЛОНОВОДНОЇ «ЗАПАДНОЇ ДВИНЫ»

Наконец-то, свершилось! После десятилетнего «молчания» вновь обновил свой выход литературно-публицистический журнал «Западная Двина». Проект, который в таких муках рождался и становился на ноги в 2004 году, который так долго обретал своё лицо и своего читателя. А затем вынужденно, по банальной причине — отсутствие финансов — прекратил издаваться. Его уже начали узнавать и признавать соседи из России и Украины. Журналу нашлось место даже в «Википедии», а вот поддержки со стороны местных госструктур, увы, не было.

За те семь лет, которые «Западная Двина» выходила из печати, редакция успела не только сменить город пребывания, формат печати и дважды организацию-издателя, но и познакомить своего читателя с девятью десятками авторов из Беларуси, России, Украины, Черногории.

Сохраняя преемственность, редакция будет и впредь стремиться не только выдерживать 192-страничный объём издания, но и художественный уровень размещаемых произведений. Знакомить читателя «Западной Двины» не только с произведениями членов Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», но и наших коллег из дружественных российских и украинских писательских союзов. Да, и просто с творчеством друзей «Полоцкой ветви» из ближнего и дальнего зарубежья, которых за 27 лет её существования появилось немало.

Обращаясь к соратникам по Беллитсоюзу «Полоцкая ветвь» и всем другим литераторам, хочу попросить вас поддержать наше издание подпиской. Бумажные версии пока будут выходить только по спецзаказу с отдельной оплатой такой услуги. Но при наличии достаточного количества подписчиков бумажной версии редакция будет рассматривать переход на два варианта как электронный, так и бумажный.

Большая просьба также при отправке рукописей следить за качеством текстов, орфографией и пунктуацией. Не использовать для переноса строк нижний курсор, а использовать клавишу «enter». Не ставить дефисы вместо тире, использовать шрифт «Таймс нью роман», 14 кегль. Неряшливые рукописи редакцией к рассмотрению приниматься не будут.

В добрый путь, «Западная Двина»! И пусть твои страницы наполняют голоса талантливых и подающих надежды молодых поэтов, прозаиков, драматургов, звучат художественные переводы, поспевает литературная критика и литературоведение.

А нынешний номер журнала во многом будет посвящён членам жюри, победителям и финалистам восьмого Международного литературного фестиваля «Славянская лира-2021».

*Олег ЗАЙЦЕВ,
главный редактор*

ЛЕСКОВЕЦ

Александра Александровна

Выпускница БГЭУ, 32 года. Трудится оператором ПЭВМ в УЗ «Бобруйская городская поликлиника №3». Награждена дипломами: Международного музыкально-поэтического фестиваля «Интерреальность», литературного конкурса «У нашей памяти живе». С 2018 года – член РОО «Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь»». Финалист МЛФ «Славянская лира – 2018» в номинации «Поэзия», победитель в той же номинации МЛФ «Славянская лира-2021» по решению жюри.

Мне бы лучше рассудок слушать

Тяжелая работа

«Хоть пять минут покоя!» Но пришли.
«Не поднимусь! Мне тоже сон положен!»
– Профессор, тут парнишку привезли...
Осколочная бомба... Безнадежен.

Стоит сестра и молча ждет ответ.
А тишина звенящая такая...
«Профессору» седьмой десяток лет.
Вторые сутки сон не выпадает...

– Связист Большую землю запросил.
И самолет придет. Не отказали...
Вот только паренек совсем без сил...
– Зачем Большую землю вызывали?!

Зачем для безнадежных самолет?!
Кто дал приказ?! – и голос вдруг сорвался.

– Опомнитесь! Кругом война идет.
Еще один солдат отвоевался...

– Так жив ещё... – Надолго ли он жив?!
– Нет сил уже... Черт знает, что такое... –
И он продолжил, ярость усмирив.
– Через минуту буду, пусть готовят.

И он пришел. – А ну-ка дайте свет!
Нет керосина? Не моя забота!
Устроили мне тут могильный склеп... –
Так началась тяжелая работа.

И кто теперь расскажет, в чем секрет?
И где предел у этой грани тонкой?
Медикаментов мало, шансов нет.
Но мама не получит похоронку.

Целуешь душу

Мне бы лучше рассудок слушать.
Ты же все понимаешь сам!
Только снова целуешь душу,
Прикасаясь к моим губам.

Только снова, как откровение,
Переменит всю жизнь вокруг
Это жаркое притяжение,
Этот замкнутый тайный круг.

Как бороться и с чем, не знаю.
Но мне кажется на краю,
Что я тоже тебя спасаю,
Что я тоже тебя храню.

И какой тут рассудок слушать?
Как признаться? Почувствуй сам,
Что я тоже целую душу,
Прикасаясь к твоим губам.

Сценарист и актриса

Дубль за дублем.
Все незнакомо
За словом – слово!
Думаешь, трудно?
Нет. Но к такому
Я не готова.

И не пойму,
Что замышляешь?
Сад ли? Пустыню?
Свет или тьму
Ты отражаешь
В этой картине?

Прошлый ответ
Главная тема
У сценариста...
Сказано: «Нет!»
К черту проблемы!
Я же актриса!

Искры летят
Нужно молчать...
Странное чувство.
Но этот взгляд
Не замечать
Тоже искусство...

Странная месть...
Кто бы узнал?
Как не смеяться?
Ты умереть
мне начертал
Буду стараться...

Я не трофей:
Не окажусь
В сумраке спальни.

И от смертей
Не откажусь...
Ты – гениальный!

Советский человек

Меня пугает двадцать первый век.
Я ничего почти не понимаю.
Поговори, Советский человек!
Тебя сегодня очень не хватает.

Поговори и поддержи меня.
Всего страшнее в мире равнодушие.
Поговори у Вечного огня.
Не сомневайся, я умею слушать...

Мы вместе разберемся, наконец,
Куда пропали прошлого страницы.
Исчез внезапно человек-творец,
А нам остался только потребитель.

Никто ни в чем совсем не виноват...
Разрушена Советская эпоха.
На все теперь какой-то новый взгляд.
Когда все – вместе, разве это плохо?!

В твоём молчании чувствую укор.
Сама не знаю, от чего так больно...
Пятнадцать стран, пятнадцать «стран-сестер»
Нашли свой путь, и, кажется, довольны...

Но есть еще другая сторона:
Мир изменился как-то слишком быстро.
И слышится реальная война,
И поднимают голову нацисты...

Все кажется нелепым и смешным.
Ведь были сестры, а теперь соседи.
Ты не молчи, давай поговорим
О мужестве, о дружбе, о Победе...

И о любви со мной поговори.
Признайся честно, есть она на свете?
Ведь даже сердце некому открыть,
И ценят только лайки в интернете.
Меня пугает двадцать первый век.
Я ничего почти не понимаю.
Поговори, Советский человек!
Тебя сегодня очень не хватает...

Город

Город, как много в тебе современного...
Вечер.... Красиво сверкают огни...
Город, ты помнишь июль сорок первого?
Помнишь кровавые, страшные дни?

Тихо. В ночи раствориться мне хочется.
Что же так грустно, ведь все хорошо...
Помнишь ли, город, фашистские полчища,
Что за твоей приходили душой?

Падают звезды хрустальными вспышками.
Сколько тебе пережить довелось...
Помнишь ли, город, с какими мальчишками
В жутком аду попрощаться пришлось?

Был ты свидетелем марша победного.
Сильного духом вовек не сломать.
Помнишь, солдаты дрались до последнего,
Вырвав у смерти отсрочку опять?

Улицы сердцу родные, знакомые...
И аромат недосказанных слов...
Помнишь ли, город, потери огромные,
Помнишь подбитые танки врагов.

Помнишь ли, город, маневры военные?
Сколько во тьме воскресало надежд...
Помнишь ли подвиги эти нетленные,
Кровью залитый Днепровский рубеж?

Чувствую сердцем и чувствую нервами
Твердый ответ, и другому – не быть:
«Помню, конечно! Июль сорок первого
Я никогда не сумею забыть».

Двоякость

Это тебе я – змея подколотная,
Ведьма, мегера и все такое...
А для других я почти бесподобная.
Только никто меня не достоин.

Это тебе я – горячка безумная,
«Смесь приставучести и заразы».
А для других – ледяная и умная.
И командир – отдаю приказы.

Это тебя доведу до бешенства
Взглядом горячим, маниакальным.
Ну а другим в тайных снах мерещится
Взор мой задумчивый и печальный.

Это тебе моя внешность не нравится.
«Бледная кожа, глаза пустые...»
А для других я всегда красавица.
Только... Зачем они мне, другие?

К черту весь мир отослать мне хочется.
Ты же меня посылаешь к черту.
И не надейся, что все закончится.
Я человек непростого сорта.

Знаю, что мой. Никуда не спрячешься.
Кроме тебя никого не надо.
Ты не трофей, ты любимым значишься,
Я не могу прекратить осаду.

КОЛТУНОВ
Василий Васильевич

Родился в 1955 г. в г. Горки Могилёвской области. Закончил факультет физического воспитания Гомельского государственного университета. Печатался в литературном альманахе «Ратуша», автор четырёх сборников стихов: «Под созвездием Большой Медведицы» (2015), «По ту сторону счастья» (2016), «Последняя четверть луны» (2017), «Осенний Вертоград» (2021). Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Живёт в Витебске.

День уходит, как третий лишний

Домовой

В тёмном углу под лестницей
Жил по соседству страх.
Сестра, пребо́льшая сплетница,
Видела тень впотьмах.
Не было ей доверия,
Зная её грешки,
Что кто-то там намеренно
Прятался за горшки,
Грелся за печкой русской
В самый лихой мороз,
Песней под вьюгу, грустной,
Душу терзал до слёз.
В это мы только верили,
Ведь не слышал никто,
Как отпирал он двери,
Как уходил потом.
Часто, собравшись к вечеру,
С лавки стащив кожух,
Слушали мы доверчиво,
Лампу поставив в круг,
Как он скребётся, дразнится,
Чтобы пустили в дом,

Хочет кусочек к празднику
Пряника в Рождество.
Очень хотелось встретиться
С этим жильцом своим,
Тоська врала – ведь сплетница,
Что подружилась с ним.
Что никому не кажется,
Что это вправду – он,
Всё недосуг отважиться
Просто к нам выйти днём.
Строго вещала бабушка,
Чтобы к нему – ни-ни!
Вдруг, то бесёнок ряженный,
Где уж его, пойми...
И отругав за санки,
Что не очищен снег,
Чаю налив с баранкой,
Прятала в фартук смех.
Зимы кружили с вёснами,
Стала другой беда,
Стали давно мы взрослыми
В каменных городах.
Только до слёз так хочется,
Верить, придя домой –
За полночь стукнет форточкой
Маленький домовой.

Набросив мокрый плащ на плечи,
Рисует дождь закат мелками.
Остывший кофе, тёплый вечер –
Пестреет память узелками.

Часы споткнулись ровно в восемь
И побежали без оглядки
Встречать забывчивую осень,
Роняя жёлтые облатки.

Как в зазеркалье, в тёмных лужах
Огни назойливой рекламы.

Охрипший к вечеру, простужен,
Стучится ветер гостем в рамы.

Остатки смутного покоя,
Закрыты двери для порядка.
Мы никого не ждём с тобою,
Нам никого с тобой не надо.

И просто так мы в дом не пустим
И ни друзей, и ни знакомых.
Печенья крошки старой грустью
На серой скатерти для дома.

Разлитый кофе стынет в чашках,
Куда-то время исчезает.
И сбросив рваные рубашки,
В потёмках клёны догорают.

День уходит, как третий лишний,
Обозначив весь мир окном.
Подвенечные платья вишен,
Двор, умытый с утра дождём.

Как виденья, бесследно тают...
Вот улыбка, потом глаза...
И слова, словно с губ стекают,
Без которых уже нельзя.

Май вздыхает громами трубно,
И всё кажется неспроста,
Засыпается снова трудно,
Хоть уже досчитал до ста.

Обозначились дали чётко,
Время в Лету течёт рекой,
И трава по тропинкам щёткой,
Я во двор выхожу босой.

Ощущаю земли дыхание.
Собираю остатки дня,

Словно в чём-то твои признания,
Недошедшие до меня.

Смахнув с лица сомнений муки,
Взывал скрипач к душе смычком.
Дрожали нервно в страсти звуки,
Садилась птицей на плечо...

Трамваи лязгали металлом,
Басами спаренных колёс.
Глухую полночь ветры рвали
В чертоге падающих звёзд.

Рекламы сгустками алели,
И, в русло влившись, жизнь текла,
И только скрипка параллелью,
Сквозь спящий город пролегла.

День, пугаясь, прячется за ели,
На бинтах запёкшаяся кровь,
Паренёк в прокуренной шинели
Сочиняет строчки про любовь.
Дно траншеи вспахано снарядом,
Тишины кусочек и весна...
Ждёт домой любимого отрада,
И никак не кончится война.
Дразнит небо синее апрелем,
Третий час высотку держит взвод,
Пишет парень прямо на коленях,
На приклад приладив свой блокнот.
Лёг закат за рощу, догорая,
На ладонь израненной земли,
Вьюгою свинцовой играя,
На живых и мёртвых поделив.
В небе звёзды, словно карусели,
На земле утих смертельный бой,
Паренёк в простреленной шинели
Не закончил строчку про любовь.

Взводный взял блокнот из пальцев стылых,
Вслух прочёл в любви признанья ей...
– За тебя, любовь моя, Россия,
Не жалели жизни мы своей...

Пальцы дремлющих клавиш коснулись...
Что случилось потом – не пойму,
Вдруг семь нот, словно птицы, проснулись,
Заполняя собой тишину.

Закружили легко и привольно,
Удивляя собой белый свет,
Словно ветер июльский над полем,
Словно красок осенних букет.

Все открылось: и окна, и двери,
Зазвучали вокруг голоса,
И уже, в неземное поверив,
Окунулся весь мир в чудеса.

И всё новые, новые звуки
В сочетаньи немислимых гамм
Извлекали божественно руки
и дарили мелодию нам.

Грозил бедой, плескаясь в лужах,
Багряно-огненный закат.
Грачи кричали что-то дружно,
Роня сучья на асфальт.

Качал ветвями буйный ветер
Цеплявших небо тополей.
И мы дурачились, как дети.
И не хотели стать взрослей.

Года и вёрсты без начала.
Вся жизнь, как пройдена с конца,

Аллеей серою лежала,
Наполнив юностью сердца.

Весною пахло и апрелем.
Машин шуршание не в такт,
Летящих с крыш домов капелей,
В морозы прячась целый март.

Смеялись губы, грея руки,
Собрав в дыхание тепло.
Забыв, что где-то есть разлука,
Мы были вместе ей назло.

Следя так пристально за нами,
Малыш загадочно притих.
Шептал, смеясь, на ухо маме:
«Смотри... – невеста и жених...»

Осени спелой звуки.
Мыслей моих туман.
Хочу, чтоб сводили руки
Снова меня с ума.

Было ли то, что будет,
Нам лишь об этом знать.
Пьют с губ дыханье губы,
Не разучившись ждать.

Словно вино причастья,
Чтоб оступиться мог,
Снова я в грех, как в счастье,
И сохранил нас Бог.

АНТОНОВА Анастасия Юрьевна

32 года. Пишет стихи и прозу. Выпускница поэтических курсов Наталии Волковой и Мастерской писателя Анны Никольской. Участница семинара молодых литераторов в рамках «Беловских чтений» в Вологде в 2020 году. Прошла отбор на семинар молодых литераторов в Челябинске, который состоялся в апреле 2021. Победитель конкурса сценариев и идей для сценариев «Мы из детства», международного конкурса «Алиса-2020» в номинации «Стихотворения для детей». Победитель открытого конкурса МЛФ «Славянская лира-2021» в номинации «Малая проза» по версии жюри (3-е место). Проживает в городе Вязьма (Россия).

КАК РАНЬШЕ

– Тёмыч, у нас мальчик! – радостный папа вбежал в комнату.

Тёмычу, то есть мне, было всё равно, кто родится – я был бы рад и сестре, и брату. Папа очень хотел сына, а мама – дочь. А УЗИ, как мне объяснили, совершенно не хотело показывать пол до самых родов.

Брат родился! На том конце телефона, за три тысячи километров, две бабушки, слившись с одной трубкой, плакали так, как будто вообще только что узнали, что мама ждала ребёнка, и его рождение оказалось полным сюрпризом.

– Сделайте... (хлюп)... фотографию... (хлюп)... на крыльце роддома (хлюп-хлюп)... конвертик (хлюп)... с синей ленточкой (хлюп-хлюп)... как раньше-е-е-е... (хлюпы затопили канал связи).

Потом позвонила мама:

– Выписка завтра в два часа дня. Ради Бога, раздобудьте эту синюю ленточку! Я пообещала бабушкам, что будет «как раньше»!

На поиски синей ленточки были подняты силы всего нашего военного городка (не побоюсь сказать, всей нашей части). Искали на антресолях, чердаках и балконах, в кладовках, сараях и гаражах. Ни одной синей лен-

точки к вечеру найдено не было, зато нашлись два десятка мотков бельевой резинки (как новые!), дюжина шпагатов и один ветхий канат. Уже было решили, что папа купит атласную ленту в «большом» городе утром, как тётя Лена, мама моей подруги Аськи, принесла три капроновых рулона: два красных, один синий.

– Откуда? И зачем красные?

– Из прошлого века. От Верещагинской тройни остались. Маша ими помидоры подвязывала. Пусть на всякий случай будут.

Тётя Лена взялась постирать и погладить все три ленты.

Я остался ночевать у Аськи, а её родители до глубокой ночи помогали папе собирать кровать, гладить бельё и делать уборку.

Утром мы все составили список дел. Для тётя Лены – убрать неубранное и приготовить обед, чтобы немного разгрузить маму. Для дяди Юры, Аськиного папы, – купить два букета цветов и конфеты. Для папы и меня – забрать маму и брата из роддома в городе.

– А я?! – обиженно завопила Аська.

– Будешь мне помогать, – сказала тётя Лена.

– Я тоже хочу на выписку! Я уже приготовилась!

Аська приволокла в комнату сине-голубую связку воздушных шаров и победно смотрела на нас.

– А что, пусть едет с нами. И фотографии на крыльце роддома как раз сделает, – сказал папа.

В 12-30 наша маленькая делегация построилась у машины. Папа и я были «при параде» и с цветами, на Аське – платье, в косы вплетены две красные капроновые ленты (причёска «как раньше»), в руке – шары.

– Просто загляденье! – сказали тётя Лена и дядя Юра почти хором. – Ну, с богом!

Аська захотела сесть впереди, но папа сказал, что она с шарами весь обзор загораживает. Нехотя она пересела назад, но из-за шаров стало тесно нам вдвоём.

– Дядя Паша, а можно мы шары в окно вытащим? Поедем, как в День пограничника, только вместо флага – синие шары! И всем будет понятно, что мы едем в роддом за мальчиком! И все будут нам бибикать!

Папа согласился. Сначала шары держал я. Когда мы выехали на шоссе, нам и правда все бибикали: те, кто двигались навстречу – радостно, а те, кто были за нами – раздражённо, потому что шары не хотели ехать спокойно, а постоянно маячили перед машинами.

– Дай сюда, ты не так держишь!

Аська почти отобрала у меня шары, но как раз в этот момент папа решил резко перестроиться в правый ряд, и на секундочку мы оба отпустили руки... Этого было достаточно, чтобы навсегда попрощаться с шарами.

- Что ты наделала? – прошептал я.
- Это ты что наделал? – Аська зашипела.
- Аська! Нам каюк. Синяя ленточка тю-тю вместе с шарами!
- Ты дурак? Зачем ты её привязал?!
- Чтобы не потерялась!

Аська хлопнула себя рукой по лбу и помотала головой: мол, совсем ты, Тёмыч.

- Что теперь делать?
 - Думать! – Аська надулась и плюхнулась спиной на сиденье.
- Остаток пути мы ехали молча. Папа ничего не заметил.

На въезде во двор роддома Аська стала быстро расплетать одну из кос, затем свернула красную ленточку и засунула её в пакет на выписку.

Папа забрал пакеты, не обратив внимание ни на отсутствие шаров, ни на Аськино «преображение».

А затем мы ждали у крыльца роддома. Я решил, что очень вежливые мама с братом пропустили вперёд всех девочек, потому что банты на конвертах были либо красные, либо розовые. И вот, наконец, выходит мама, а глаза у нее на очень мокром месте. А с ней выходит медсестра с конвертом, перевязанным красной ленточкой! Я уже напрочь забыл про подмену ленты! Папа остановился как вкопанный с протянутыми букетами.

- Что, всё-таки девочка?.. – тихо спросил он.

Мама замотала головой и как-то зло посмотрела на папу.

– Папаша, принимай малышку, не задерживай очередь! – раздался весёлый голос сзади.

И папа принял «малышку».

- Иди скорей, я вас сфоткаю, – Аська толкнула меня к крыльцу.

Она успела сделать пару снимков, как тот же весёлый голос сказал:

– Девочка, иди к своей семье, сфотографирую вас всех вместе! Какая замечательная многодетная семья!

Аське и слова не успела вымолвить, как оказалась рядом с нами.

- Внимание... – предупреждает фотограф.

– Бедная женщина, тяжело ей придётся... Посмотри на старшенькую: голова растрёпанная – папа даже косы толком не смог заплести... – слишком громко раздалось из толпы ожидающих.

Щёлк-щёлк-щёлк! Вышла серия фотографий.

На этих фото у Аськи выпучены глаза, а папа, мама и я (и кажется, даже брат) смотрим на неё.

– Что будем делать с фотографией для бабушек? – спросил я, когда мы сели в машину и немного успокоились.

Подумав, папа ответил:

- Пошлём в черно-белом варианте. Как раньше.

СИНИЦКИЙ Геннадий Николаевич

Писатель-прозаик, журналист, член Союза писателей России, Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», победитель Международных литературных конкурсов: «Славянская лира – 2017, 2020», «Культура за зелёную планету – 2017», «Под небом рязанским – 2018, 2019», финалист конкурсов: «Созвездие духовности – 2018», «Ты сердца не жалея, поэт – 2020», «Псковская книга – 2019». Обладатель стильного пера «Русский Stil – 2019». За значительный личный вклад в сохранение исторического и культурного наследия района отмечен благодарностью председателя Глубокского райисполкома (Беларусь). Проживает в городе Невель (Россия).

ПОМЯНИ МЯ

— Тётя Лида, вот он, — Коля показал указательным пальцем на маленький ключик от замка сарая соседки, который та обронила ещё рано утром, впотьмах закрывая входную дверь в дровяник. Ключ лежал справа от порога, ниже стойки опалубки, вмятый калошами старушки в растоптанную слякоть, у стенки ветхого подворка.

— Ой, какой же ты глазастый, Николаша, — я уже битых полчаса здесь глаза выкатываю, спасибо тебе, — пойдём ко мне, я угощу тебя манником.

Предложенную порцию пирога малыш очень быстро и жадно умял за обе щёки, чем вызвал неподдельное изумление у женщины. Она знала, что Коля растёт в неблагополучной семье, но совершенно не ожидала увидеть в глазах пятилетнего мальчишки такой голодный блеск. Три месяца назад он вместе с родителями поселился здесь, на отшибе провинциального городка, в барачном доме на восемь семей, у заброшенного асфальтобетонного завода. Их переселили сюда по решению суда из добротной благоустроенной квартиры за неуплату многотысячного долга по жилищно-коммунальным платежам.

— Коля, ты что, голодный?

— Чуть-чуть, — сказал тихо мальчик и виновато отвёл в сторону глаза. Папа строго-настрого запрещал ему на что-либо жаловаться, особенно посторонним. Но ведь тётя Лида не посторонняя, подумал Коля, — она же вместе с нами живёт, в одном доме, только через стенку.

— Мама говорит, что я жаворонок, потому что раньше всех просыпаюсь. Они скоро встанут, и мы будем кушать макароны.

Соседка посмотрела на часы, что висели на стене между двух узких окон. Стрелки старых ходиков показывали без пяти минут десять. Бедный ребёнок, подумала тётя Лида, и тут же всполошилась:

— Голова моя садовая, уже десять часов, а почта сегодня до обеда работает. Надо успеть пенсию получить, — выходные длинные на носу...

Аккуратно закрыв за собой входную дверь, Коля на цыпочках пробрался по коридору и заглянул в комнату. Развалившись на всей площади раскладного дивана, родители продолжали спать, раскинув свои конечности в разные стороны.

Отец вернулся вчера поздно, принёс водку. Коля уже лежал на своей кровати в дальнем от входа углу, отгороженный от мира родителей трёхстворчатым шкафом. Заснуть никак не получалось, и он слышал их разговор.

— Сегодня электрики приходили, сказала мама, — грозятся свет обрезать, если не заплатим долг до конца недели.

— А с чего его платить? Ты ведь техничкой на полставки работаешь, а я слесарем — минималку получаю. Вкальваем, как проклятые, а с нас ещё три шкуры дерут. Цены столичные — зарплаты комичные.

— Дрова купить тоже не за что, а скоро холода. Если отапливать тенами будем, то никаких денег на электричество не хватит. Обрежут провода, а счётчик снимут.

— Пусть режут. Я провода на столб и сам закинуть смогу. Будем напрямую подключаться.

— Рано или поздно поймают, надо искать выход.

— Ну, давай второго ребёнка сделаем. Получим материнский капитал, халупу в деревне купим. Или давай, как цыгане, стругать потомство, а потом гуськом по кабинетам за льготами и пособиями ходить будем.

— Ладно-ладно, успокойся... Наливай, давай.

Коля всегда хотел, чтобы у него был маленький брат. Он завидовал другим семьям, где было много детей. Им было весело. Ох, как бы он заботился о младшем братишке. Мама назвала бы его Мишенькой, в честь своего отца. Она как-то говорила об этом вслух мечтательно. В сладких грёзах Коля уснул. А сейчас, сейчас ему очень хотелось кушать. От сладкого кусочка манника в животе разыгрался настоящий оркестр, настойчиво требуя

еды. Будить родителей было нельзя. Папа очень ругался, когда это происходило. Он очень уставал на работе, и ему надо было хорошо и спокойно отдохнуть.

На обеденном столе в окружении пустых бутылок стояла чугунная сковорода. Заглянув в неё, мальчик увидел несколько застывших макаронных перьев. Он очень любил эти толстые трубочки и всегда с наслаждением всасывал их в рот, даже если они были такими холодными, как сейчас. Облизав подушечки маленьких пальчиков, Коля поймал себя на мысли, что ему захотелось кушать ещё больше. Но сковородка была уже пустая. В этот момент его отвлек скрип дивана, на котором перевернулась на другой бок его мать. Из разреза её халата наружу выкатилась голая грудь. Мальчик заворуженно смотрел на тёмный сосок титьки и словно во сне плыл к нему всё ближе и ближе. Он помнил, что когда-то он постоянно сосал эту штуку, и чувство голода пропадало. Вот и сейчас он припал к материнской груди, но что-то было не так, — не так, как когда-то. Какой-то горький привкус вязал язык и сушил его рот. Как будто по команде, родители открыли глаза и впились двойным взглядом в лицо маленького Коли. От неимоверного страха мальчик протяжно закричал...

Откуда-то издали послышался тёплый и знакомый до боли голос:

— Коля, Коленька, что с тобой, дорогой мой, проснись?

Необычайным вихрем потоки сознания возвращали память в настоящую реальность.

— Что это со мной?

— Опять тебе кошмары эти снятся, кричишь во сне как сумасшедший. — Вон и ребёнка напугал.

Краем одеяла Николай вытер со лба горячий пот и сел на кровати. Его жена Светлана уже успокаивала проснувшуюся дочь.

— Господи, да что же это такое? Когда всё это закончится? Ведь тридцать лет уже прошло. Раньше как-то редко мучили эти воспоминания, а сейчас чуть ли не каждую неделю снятся.

— В церковь сходи. Покайся, исповедуйся, причастись... — сказала присевшая рядом супруга.

— Да не в чем мне каяться, Света.

Николай привлёк голову жены к своей щеке, поцеловал и тихо сказал:

— Прости меня, Светик. Замучил я вас своими проблемами.

— Сходи, Коля, сходи. Завтра Вселенская родительская суббота.

Пройдя мимо часовни городского кладбища, Николай направился в дальний угол боговой делянки. Не без труда, но он отыскал заросшую травой могилу матери. Он не был здесь, наверное, лет пятнадцать. Покосившийся на бок деревянный крест надо будет заменить, подумалось ему. Прибрав

разросшийся осот вокруг осевшего холмика, Коля присел на стоявший рядом пенёк от сгнившей скамейки. Память нехотя возвращала его мысли назад, в прошлое. Он с болью в сердце вспоминал, как тогда, будучи маленьким мальчиком, постоянно маялся с непреодолимым чувством голода. Эти постоянные загулы отца и потакания матери. Слёзы обиды на всё это нищенское существование. Голодные обмороки, после одного из которых тётя Лида вызвала карету скорой помощи. Больничную палату и врача, который не мог поверить в то, что в XXI веке дети пухнут от голода. А как через три дня после скудного рациона, к которому мало кто из больных вообще прикасается, на лице маленького Коли заиграл румянец, он стал бегать и прыгать, как все здоровые дети. Как со слезами на глазах мальчик просил врача не отпускать его домой к родителям... Потом была смерть матери от удара током, и угрызения совести у отца за оголённые электрические провода. Правда, позже он утонул где-то на рыбалке по пьяному делу, его тело так и не нашли. В итоге — интернат и очень ранняя взрослая жизнь.

— Я не виню тебя, мама. — Просто я понять не могу, за какие грехи мне всё это?

Коля поставил у основания креста стопку водки и накрыл её корочкой чёрного хлеба, а затем вытянул из пакета контейнер, открыл его и аккуратно положил на могилу несколько отварных макаронных перьев.

— Это для тебя, мама. Прости, что меня не было так долго. И вот ещё что: уже, став взрослым, я читал заключение о твоей смерти. Ты была на втором месяце беременности. Наверное, ты сама об этом не знала. Не обижай там Мишеньку. Я для него принёс небольшой подарок, и Николай заботливо усадил на могилу плюшевого медвежонка.

— Покойтесь с миром, родные мои, я всё равно вас люблю.

ШАРГА

Людмила Васильевна

Поэт, прозаик, публицист. Родилась в России. Живёт и работает в Одессе. Заместитель председателя Южнорусского Союза Писателей. Возглавляет отдел поэзии в литературно-художественном журнале «Южное Сияние». Редактор сайта, основатель и ведущая творческой гостиной «Diligans». Редактор «Одесской Страницы» журнала «Гостиная». Публикации в Одесской антологии поэзии «Кайнозойские Сумерки», Одесской литературной антологии «Солнечное сплетение», в альманахах «Меценат и Мир. Одесские Страницы», «ЛитЭра», «Соты», «Каштановый дом», «Свой вариант» и др., в журналах «Южное Сияние», «Дон», «Ренессанс», «Арт-Шум», «День и Ночь», в газетах «Литературная газета», «Литература и жизнь», «Интеллигент», в ряде интернет-журналов. Лауреат премий: «Русское Безрубжье», им. К. Паустовского.

Откликаюсь на разные имена

Приворотное зелье имени,
морок, дремлющий под рукой,
не сменять на покой – не выменять,
да и нужен ли он – покой.
Мята дикая – зелень та ещё –
неразгаданный оберег,
взгляда беглого лёд нетающий
белым пламенем из-под век.
Приворотное зелье имени:
морок, Мара, трава-плакун,
на единственную не выменять
десять тысяч неполных лун.
С губ стряхнуть бы, да успокоиться –

что там... карта не так легла,
но по кругу в крови глаголицей
бродит имя – иго – игла.
Распадается память надвое:
два пути – и ни одного
отворота и ни от глаз твоих,
ни от имени твоего.

Русинка

А просится – русинка –
девчонка из древних поверий,
вишнёвая косточка-бусинка
в моём родовом ожерелье.
Моя синевзорая пращурка –
глоток родниковой водицы,
легка и проворна – что ящерка –
славяночка-отроковица.
Не часто клонила головушку
и клала земные поклоны,
горчит твоя вольная кровушка
дымком половецких полонов.
Девчонка в рубашечке вышитой,
века меж тобою и мною,
да только по-прежнему слышу я,
как стрелы поют за спиною.
Никто до сих пор не ответил мне,
то явь или сон мой из детства?
То сердце болит иль отметина
калёной стрелы половецкой...

Вересень, я тебе гостя ли?
Стёрта меж нами межа
русской глубинки погостами,
где мои предки лежат.

Вересень, – росы да россыпи,
капля медовых чернил,

и ощущение взрослости
колкостью мокрой стерни.

Вересень – время антоновки,
солнечно-жёлто светясь,
тянется ниточкой тоненькой
дух её – с родиной связь.

Вереск цветёт.
Равноденствие.
Отзвук мечты, что сбылась...
Дом. Опустевшая детская.
Да у крыльца коновязь...

В памяти наше спасение.
Помнят – не жди, вороньё –
здешние ветры осенние
древнее имя моё.

Когда в колыбели чёрной
баюкает ночь луну,
душа, вздохнув облегчённо,
уверует в тишину,
и в дом, где траурным крепом
подёрнута зыбь зеркал,
давно забытое лето
вернётся издалека.
И в зеркале отразится
колодец с живой водой,
дощатые половицы...
Рябиновая юдоль.
...С вязаньем женщина в белом,
как водится – у окна.
И песня, что она пела,
доносится, чуть слышна...
Она ни о чём не спросит
меня,
и я промолчу,

а утром забуду вовсе –
довольно ночных причуд!
«...довлеет дневи...» припомню
и «Господи, даждь нам днесь...»,
но будет теперь легко мне,
ведь всё преходяще здесь,
устав от возни мышиною,
увидеть, оставив дом,
как снегом припорошило
рябиновую юдоль.

Двери настезь.
Вещи собраны
и дописана тетрадь.
Вспоминай меня по-доброму,
если будешь вспоминать.
Не залётным приключением –
летом каждый смел и юн, –
сумасшедшую,
ничейную,
непутёвую – твою.
Ворожейку синекрылую
не кляни и не теряй,
тайну, что тебе открыла я,
никому не доверяй.
Ты забудешь –
мне припомнится
свет твоих неярких звёзд,
у дороги за околицей
на семи ветрах погост.
Словно пеплом припорошены
придорожные кусты.
Там, среди могил заброшенных,
ни тщеты, ни суеты.
Холодок по краю катится,
разделяя навь и явь,
девочка в цветастом платъице
машет мне рукою...
я,

не боясь прослыть юродивой,
босиком иду на свет.
Есть такое чувство – родина,
даже если места нет.

Я почти не верю в то,
что сюда вернусь когда-то;
у окна – в цвету густом,
над сиреневым кустом
дремлет липа в два обхвата.
Чья-то память коротка,
а моя длинна, и сушит
неизбывная тоска
неприкаянную душу.
Так, бывает, в плен возьмёт,
так накатит временами.
Сладок этот старый мёд,
горький мёд воспоминаний.
Тешит трепетную грусть
маячок надежды зыбкой:
может, всё-таки, вернусь?
Есть же право на ошибку?
Я изверилась давно,
пряжу выпряла из грусти,
до земли веретено
память-пряслице опустит.
Нить тонка и неровна –
да крепка – другие рвутся,
эта ниточка одна
и поможет мне вернуться.
Обмелевшею рекой
с чередой заросшим руслом,
трактом иль тропинкой узкой...
стихотворною строкой
иль каликою с клюкой
с именем исконно русским...
Здесь река неглубока,
здесь высок желанный берег...

Я не верю.
Здесь пока мне ещё хоть кто-то верит.

Об этом написано столько,
что можно бы и не писать,
не склеивать мыслей осколки,
на ветер слова не бросать.
Утешиться бытом, работой,
а ночи оставить для сна.
Но вдруг открывается что-то,
чем неизлечимо больна.
Одни назовут это блажью,
другие похлеще – шиза,
а третьи ни слова не скажут,
все третьи – ни против, ни за.
«Ну что тебе снова неймётся,
не дышится и не живётся?» –
сама себя тихо спрошу
и тихо отвечу: «Спешу».
Спешу в никуда, ниоткуда,
не зная, кто мой адресат,
и не уповая на чудо,
живу, продолжая писать,
чтоб высветить в памяти строчку,
где дикая мята в цвету,
русиночку в белой сорочке,
смереку – по сторону ту,
где я опадаю иголкой
в студёное лоно ключа.
Об этом написано столько,
что впору смотреть и молчать...

Синий взгляд из-под косынки –
мой извечный оберег.
Смотрит девочка-русинка
с берегов нездешних рек.
Позови меня негромко,

тихо косу расплети.
Знаю там, у самой кромки,
наши сходятся пути.
Где-то есть покой и воля,
до седьмых дойду небес,
через маковое поле,
через сумеречный лес,
мимо логова мольфара,
мимо озера в бору,
где кувшинки-ненюфары
распустились поутру.
Где вода темнее ночи,
налита в озёра всклень...
Любит путника морочить
этот белый одолень.
Мимо берегов скалистых,
мимо синих полонин
проведи и от нечистых
сил меня оборони.
Лихо клятое в сторонку
заговором отведи...
Позови меня негромко,
и у самой-самой кромки,
если можешь, подожди.

ЛИТВИНОВА Наталия Всеславовна

Окончила Минский педагогический институт. Член РОО «Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь». Печаталась в журналах «Полоцкий летописец», «Западная Двина», «Полымя», в альманахах «Катарсизм», «Событиё», «Сердцебиение», в антологии «Полоцкий альбом», в сборниках «Город любви и надежд», «Берега», в альманахах «Славянская лира» (2014-2017 гг.). Лауреат открытых конкурсов и МЛФ: «Славянские традиции-2012», «Славянская лира-2020», «Созвездие духовности-2020», лауреат Республиканского конкурса «Литературная крона-2016», финалист Международных литературных конкурсов: «Славянские традиции-2016», «Интерреальность-2018», «Витебский листопад-2018, -2019 -2020».

Идёт по улице поэт

Однажды осенью
(триптих)

1

Тонкорунными туманами веет ночь над белой звонницей.
Анфиладами шафранными я иду вдвоём с бессонницей.
Тьма окутывает просини. Небо звёздами усеяно.
Я брожу по тихой осени и стихи шепчу рассеянно.
Ночь гуляет коридорами – независимая, праздная.
А в квартире – пыль за шторами, кавардак, посуда грязная...
«Жизнь жестка...» – банальной фразою отзовусь в гитарной струнности
И вослед за Франсуазою: «Здравствуй, грусть», – промолвлю в лунности.
Лезет в стих пустое, пошлое – псевдоискренне, обманчиво...
И ещё: звонило «прошлое» – нежно, вкрадчиво, заманчиво...

На вопросы окаянные где найти ответы точные?
Снова кружат мысли странные, смутно-мрачные, подстрочные...
Как же быть? Взмахну ресницами в горьком омуте сомнения...
А рассвет... мелькнёт зарницами – яркой искрой вдохновения!

2

Желтоглазая печаль приоткрыла в осень дверцу.
И прошлась измены сталь шрамом трепетным по сердцу.
Ложь... Предательство... Обман... Шрам на сердце незаметен...
И фырчит на кухне кран... Наплевать на шорох сплетен!..
Наплевать на «кто? когда? с кем? зачем? куда? откуда?..»
Стирка. Ржавая вода. И немытая посуда...
Кот мурлыкает. Бельё мирно сохнет на верёвке.
Ах, возможно, всё – враньё? Зависть? Вымыслы? Издёвки?..
Я в сомнениях опять... Хватит!.. Нервы на пределе!..
Только надо ль выяснять: что же там на самом деле?
Авторучкою листы испещряю понемногу...
Тьма окутала кусты, сад, калитку и дорогу.
Я вздыхаю. Кот мурчит. Блещут звёзды огоньками.
Ночь ноктюрнами звучит. А бессонница – стихами.

3

Театральной кулисой развернулся свод небес.
Арка скверика. Алисой я вхожу в Страну Чудес.
Тьма лиловым гиацинтом раскрывает лепестки.
Я брожу по лабиринтам у таинственной реки.
Ночь прокручивает ролик сквозь волшебный полумрак.
А навстречу – Белый Кролик: трость, часы, жилет и фрак!..
Жёлтый галстук и перчатки!.. (Это явь или во сне?)
И атласный лоск подкладки!.. И целует руку мне!..
Лапкой машет... Глазом косит... На манишке – кружева...
И галантно произносит благодарности слова!
– Но за что? – За поэтичность, за изящество строки.
(Старой сказки романтичность!) – Что вы... Мелочь... Пустяки..
Кстати, мелочь, а приятно... Розовеет край небес.
Ах, не хочется обратно! Я брожу в Стране Чудес.

Поэтический триптих
(акrostихи)

Марку Шагала

1

Шелестящие заросли тмина и жгучей крапивы.
Ароматы провинции. Ветхий забор. Огород.
Голубиное небо. Вечерней зари переливы.
Август. Витебск. Двадцатого века пятнадцатый год.

Лошадь щиплет траву в голубой глубине переулка.
У крылечка сгустился мистических сумерек свет.
Млечный месяц. Церквушка. И лучшая в мире прогулка –
Ах, та самая, с Беллой, прекрасной, как розовый цвет!..

Романтический образ влюблённых над Витебском старым
Кистью Марка Шагала вознёсся в заоблачность крыш:
Улетают любовники в небо пронзительным даром,
Звёздной пылью осыпав Венецию, Лондон, Париж.

А вослед за влюблёнными мчатся коровы и козы,
Хлипкий старый газетчик с библейской скорбью в глазах.
Абсурдивно пространство. Таинственны метаморфозы.
Рдеют смальтой витражную ангелы на образах.

Отблеск старого Витебска реет над вечной вселенной.
Васильки голубеют. Трепещется солнечный блик.
И парит над Землёй фантастичный, цветной, вдохновенный
Чародея Шагала сквозной
Ускользящий лик.

2

Милый старенький Витебск в начале двадцатого века!
Алых маков раздолье, ромашки, репей, васильки,
Резкий запах селёдки и чуть подгоревшего хека,
Керосиновой лампы блуждающие огоньки.

У окна приоткрытого – фикус и венские стулья,
Занавеска приподнята, в воздухе – трепет стрекоз...

Ах, Шагал-чародей, ты извлёк их из чудного улья,
Хрустнув веточкой липы на улице витебских грёз.

Абазур на цепочках, трюмо, табурет на пороге,
Разноцветные коврики, тканые половики...
Отчего же так сердце щемит от неясной тревоги,
Всеобъемлющей грусти, какой-то вселенской тоски?

И салфеточки в прошивах, и чуть потускневшие блюда,
Чёрный лак этажерки – обычная будничность, быт! –
У Шагала художника вдруг превращается в чудо.
Шёпот витебских домиков в толще веков не забыт.

Акварели заката пылают пронзительно-ало.
Грозовую чертою ощерился ночи излом.
А летучее время на дивной картине Шагала
Легкомысленно машет узорчатым синим крылом.

3

Мягкий сумрак окутал мансарды, кафе и бульвары.
Аметистовый вечер в тумане сиренево-рыж.
Расцветают фиалки. Гуляют влюблённые пары.
Краски сыплются с неба, как звёзды, на майский Париж.

У мольберта – Шагал. В лёгких пятнах – этюд вдохновенный,
Зарисовка с натуры: аллея, ветвей переплёт,
А красавица Эйфеля – стройная башня над Сеной –
Хрупкой барышней в платье из дымчатых кружев плывёт.

Арлекины и клоуны тянут абсент на террасе.
Расписные красотки пикантно влекут в «Мулен Руж».
О, богемная жизнь на Монмартре и на Монпарнасе!
Вернисажи художников странного улья – «Ля Рюш»!

И в палитре Шагала, на глади холстов повсеместно –
Через сад Люксембургский и сон Елисейских полей –
Удивительным образом вдруг проступает чудесно
Шелковистая синь куполов православных церквей.

Ах, загадочный Витебск, мистический город старинный,
Голубой, васильковый, небесно-таинственный свет!
Амальгамы зеркальные Сены и Витьбы былинной
Лёгкой нитью незримой связал
Ускользящий цвет.

Акrostих

писателю Владимиру Фёдорову

Вот знакомая с детства тропинка в лесу заповедном.
Луч заката мерцает в хвоинках смолистой сосны.
Ах, Россия, Россия, красавица в ситчике бедном!..
Дым печали клубится в туманах родной стороны.
И запутались тени в терновой трепещущей сетке.
Мимо ветхих избышек тропинка кружит и кружит.
И смородины чёрной тяжёлые душные ветки
Рассыпаются ягодой горьких безмолвных обид.
Флоксы пёстрым платочком мелькают в закатной багрови.
Ёлка тёмной вдовою стоит у калитки одна.
Домовой сиротливый, наморщив мохнатые брови,
Осторожно и жалобно смотрит мне в душу до дна.
Растревожено сердце картинами родины милой,
Окаянной, желанной,
Влекущей таинственной силой.

Акrostих

писателю Ивану Переверзину

Полынным ароматом горьковатым тревожно-душно тянет из окна.
Есенинским пронзительным закатом пылает осень, чувственно-грешна.
Разбойник-ветер рвёт листву хмельную, кружит октябрь в неистовом бреду.
Единственную, дивную, шальную в лесной сторожке исступленно жду.
Войдёт – и, словно древнее заклятье, затянет в омут, перстнями блестя,
Едва сползёт лазерное платье, шелками беспокойно шелестя.
Развесилась цыганскими кистями рябины спелой ягодная шаль.
Загадочными, тайными страстями расцвечена темнеющая даль.
И ночь скользит запретною дорожкой, и поцелуй неотвратимо жгуч.
Над плечиком серебряной серёжкой пленительно играет тёмный луч.
И время на часах остановилось. «Люблю... Люблю...» – в беспамятстве шепчу.
Вновь жизнь моя в трёх соснах заблудилась. Я вырваться хочу!.. Иль не хочу?

Ах, убежать бы от льняной сорочки, сорвавшись прочь с корсетного крючка!..
Но мир огромный снова сжат до точки, до чёрной бездны женского зрачка.

Акrostих

поэту Виктору Пеленягрэ

Всё казалось, что лету отказано будет в разлуке.
И жасмин будет вечно пьянящий струить аромат.
Кружевною листвою будут клёны протягивать руки.
Тихий вечер. Россия. Разнеженный август. Закат.
Облака разругались, полны истомы и лени.
Розов пышный шиповник, и яркое травы малахит.
Упоителен вечер. В тумане запутались тени.
Посмотри: у берёзы взволнованный Пушкин стоит.
Ежевика чернильна, и пурпурны капли малины.
Лёгких лодочных вёсел слышались всплески вдали.
Еле-еле дрожит золотая вуаль паутины.
Но ещё не коснулось злословье красы Натали.
Яхонт алой зари вспыхнул в камне резного колечка.
Голубы незабудки. Но близок уж августа край,
Ржавый лист, и дуэль, и проклятая Чёрная речка...
Эх, подруга-шарманка, «Разлуку», пожалуй, сыграй!

Акrostих

писателю и критику Вадиму Салееву

В чём ты, соль бытия? Расскажите мне, Чёрное море,
Ароматы магнолии, чашечка кофе гляссе,
Дуновение ветра, волна в бирюзовом узоре
И японская вишня, что скромно растёт в Туапсе.
Мягкий локон... и грусть (та, щемящая, рвущая в клочья!),
Утро в брызгах рассвета, цикады, заря в пол-окна,
Соска в губках ребёнка, пронзительных хокку трёхстрочья,
Алых бабочек стайка – мгновенья вспорхнувшего сна.
Лепестки олеандра, туманная знойная млечность,
Ежевичные капли чернил на ладони листа.
Ежедневные чайки, чинары и пенная вечность.
В чём ты, соль бытия? –
Улыбаясь, молчит красота.

Акrostих

поэту и переводчику Александру Гугнину

Грустящей дорогой уносится клин журавлиный.
Узорной парчою шуршит золотой листопад.
Горит над ручьём колдовской, несказанный, былинный,
Неясный, неяркий, ознобный осенний закат.
И странные образы видятся в дымке туманной:
Над дальним кладбищем – зловещая стая ворон,
У древней стены – будто нож заблестел окаянный,
А в зарослях – чей-то слышался жалобный стон...
Летит над холмом лёгкий купол старинной церквушки,
Евангельской кротостью в сердце вселяя покой.
Краснеют рябины. Заря. А вдали на опушке
Стоит Ярославна и тонкою машет рукой.
Ах, леший-закат! Я по-прежнему верую в чудо.
Неважно, что осень и возраст, и грусть, и дожди...
Душа не остынет в бесчувствии, в силах покуда
Развязывать узел платка
У тебя на груди.

Акrostих

поэту Григорию Певцову

Гитарный звон зовёт в тот век утраченный,
Рисуя мир таинственных глубин.
И красный шарф, узлом парижским схваченный,
Горит пожаром рдеющих рябин.
О, дивный голос, бархатный, бессребренный,
Распятый болью, искренностью жжёт.
И, позабытый, странный «век серебряный»
Юдолью новой истины грядёт.
Парят аккорды лестницею струнную,
Едва касаясь призрачных перил.
Вскипает память той дорожкой лунною,
Церквушкой белой, взмахом белых крыл,
Озёрной гладью в звёздной бесконечности,
Влекущим сном,
Утехой зова вечности.

ЗВОНАРЁВА
Лола Уткировна

Кандидат филологических наук, доктор исторических наук, академик РАЕН и ПАНИ, литературный критик и литературовед, главный редактор международного альманаха «Литературные знакомства», секретарь Союза писателей Москвы, действительный член Петровской академии науки и искусства, действительный член Российской академии естественных наук.

ПОЗДЕЕВ
Павел Григорьевич

Прозаик и публицист, заместитель председателя Союза писателей России, секретарь Правления СПР, кандидат юридических наук, лауреат Патриаршей премии-2021, всероссийских и международных литературных премий, фестивалей: «Русские мифы», «Золотой витязь», имени Николая Лескова, Александра Невского, Союза писателей России. Обладатель золотой медали имени Василия Шукшина.

**ГЕРОИ И АВТОРЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА В СВЕТЕ
АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ**

В российской художественной литературе на читательский суд постоянно выносятся реальные исторические события и личности людей, принимавших в них участие. Встречаются описания внешности давно ушедших персонажей, манеры их поведения, характеров, раскрывается степень их

влияния на общественную жизнь, рассказывается об их индивидуальных особенностях, повествуется о чертах, которые сформировали образ литературного героя. С другой стороны, и эти события, и участвовавшие в них конкретные фигуры, в особенности те, которые оставили значительный след в истории, многократно, в различных ракурсах отражены в документалистике. Интересно проследить, насколько точно удаётся авторам художественных произведений, использующим исторические источники, отражать документальную достоверность событий, создавать адекватные образы литературных героев, прототипы которых — персонажи исторических архивов. Художественные произведения, созданные на основе или с использованием документальных источников послереволюционного периода, в целом, соответствуют духу эпохи. Рассматривая их, мы убедились: исторические персонажи архивных документов, касающиеся первых послереволюционных лет, отображаются в литературе, в основном, правдиво и точно. Вероятно, это связано с тем, что художественное творчество того периода ещё сохраняло традиции XIX века, для которого характерно стремление к правдивой подаче фактографического материала.

Наиболее грубые искажения истины в литературном творчестве начались с середины 30-ых годов XX века, когда советские художественные произведения захлестнули *«идеологически выверенные»* пропагандистские штампы. В этот период появились одобренные советским партийным руководством произведения, воспевающие марксизм-ленинизм, *«верность избранному страной курсу»*. В те годы советская литература отошла от исторической правды, от сохранившихся документов, отражавших истинное положение дел. Многие известные писатели того периода поддержали губительный для российской культуры и для страны курс. Наша печать в 30-е годы XX века сыграла не меньшую роль в развязывании террора против собственных граждан, в формировании истерии страха и доношительства, чем органы ОГПУ-НКВД. Советские писатели нагнетали атмосферу репрессий. О тесной связи определённой части литературной публики с карательными органами вспоминал в 1934 году в Париже художник Юрий Павлович Анненков, работавший с руководителями молодого советского государства как портретист и организатор массовых праздников, — в основанной на документальных материалах и личном опыте «Повести о пустяках» он свидетельствовал: *«Член коллегии петербургской чрезвычайной комиссии... шагнув навстречу вошедшему...: «...Как парень свой вы всё это знаете, и мне нечего скрывать, что наибольший процент секретных сотрудников ЧК составляют... профессора, писатели, академики...»*.

Полистаем подшивки «Литературной газеты», начинающейся с 1934 года, а закончим 1937. Творческая интеллигенция в годы репрессий под-

держивала в стране обстановку подозрительности и страха перед несуществующим врагом. Именно такую роль сыграла, как выяснилось из архивных документов, ставших доступными в эпоху перестройки, в Союзе писателей БССР известная белорусская детская поэтесса Эди Огнецвет (Каган). Эта деятельность советских литераторов развернулась уже в начале декабря 1934 года — после убийства Леонидом Николаевым С. М. Кирова. 4 декабря *«вождь пролетарских писателей»* М. Горький первым заговорил со страниц «Литературной газеты» о необходимости хранить бдительность в рядах интеллигенции. *«Не могу не сказать, — настаивал он писателей, — успех врага говорит не только о его мерзости, но и о недостаточной нашей бдительности»*. То, что преступление совершил не какой-то маньяк-одиночка, а классовый враг, Горький установил сразу (не без чьей-то подсказки сверху). Ему вторил *«классик пролетарской поэзии»* Демьян Бедный: *«Конечно, мы должны уметь смеяться, но мы должны уметь смеяться так, чтобы врагу стало страшно от нашего смеха... Мы должны взбодриться и творить не расслабленно, не улыбочиво без толку, а решительно усилить нашу революционную бдительность на творческом фронте»*.

5 апреля 1935 года в редакционной колонке «О бдительности» говорилось: *«Классовый враг стремится проникнуть и в советскую художественную литературу ... протаскивает в своих произведениях в замаскированной форме... подлые троцкистско-зиновьевские контрреволюционные идейки... Он пытается проникнуть и в писательские организации, используя в своих враждебных нам интересах высокое звание члена Союза Советских писателей...»*. В качестве примера приведены выявленные газетой контрреволюционеры, пролезшие в ряды писателей, — С. Сергеев-Ценский, написавший «враждебный и клеветнический» рассказ «Поезд с юга», и Д. Амурский, выпустивший «контрреволюционное троцкистское произведение» — роман «Гордость».

«Литературная газета» образца 30-х постоянно требовала, чтобы писатели, сохраняя революционную бдительность, следили за чистотой рядов и выявляли затесавшихся контрреволюционеров. 20 августа 1936 года газета заявила: *«Совершенно очевидно, что не все ещё агенты Троцкого, Зиновьева и Каменева и их хозяев выявлены. Бдительность — вот что требуется от нас!»* Артём Весёлый, будущая жертва системы, газете поддакивал: *«И в нашей партийной писательской организации с большевистской бдительностью обстояло далеко не благополучно... при обмене билетов выявлен ряд двурушников, примиренцев, активных врагов партии»*. В следующем номере Всеволод Вишневский поставил вопрос о проверке состава Союза писателей: *«Надо знать все 3000 членов нашего ССП... Тщательно придёт-*

ся изучить все звенья нашего Союза и его аппарата. Мы добьёмся теперь того, что индивидуальное изучение работы, быта, творчества писателей поставим как следует». Драматург Владимир Киршон, расстрелянный в 1938 году, заявил ещё более однозначно: есть ещё невыявленные враги среди писателей. Их надо выявить и беспощадно уничтожить. Необходимо «уничтожить гадину!» М. Розенталь высказал даже сожаление: врагов в Союзе писателей разоблачает НКВД, а не партийцы — литераторы, и призывал их исправить это положение. Примерно такого же содержания заметки Г. Шторма, Л. Сейфуллиной, В. Гусева, С. Ващенко, З. Хацревина, Б. Лапина.

В шпиономании писатели зашли далеко. 1 февраля 1937 года Я. Эйдельман требовал создания «такой атмосферы, которая парализовала бы всякие попытки вредительства в области идеологии», призывал «не ограничиваться патетическими фразами о бдительности». А. Эрлих 15 мая подчёркивал: многие враги народа уже разоблачены, но «очередь за остальным мусором». Активное участие принимали писатели в создании необходимого властям общественного мнения на проходивших в 30-е годы судебных процессах над троцкистами. В газету поступали сотни писем, в которых литераторы требовали «наказать убийц», «оторвать головы бешеным собакам империализма», «раздавить гадину». «Литературная газета» эти письма охотно публиковала. По поводу решения суда над Зиновьевым, Каменевым и другими Агния Барто 27 августа 1936 года писала: «Каждый из нас переживает глубочайшее облегчение от того, что они расстреляны, что их не будет уже на Земле... Жалкие, презренные гады! Наш героический народ, ведомый гениальным Сталиным, к счастью всего трудящегося человечества, не задумываясь, растоптал гадюк. Они не будут отравлять воздуха нашей героической страны!».

Когда 23 января 1937 года начался суд над троцкистским «параллельным» центром» (Радек, Сокольников, Пятаков и др.), «Литературная газета» поместила огромное количество писем, в которых известнейшие писатели — И. Бабель, С. Маршак, Ал. Толстой, Ю. Олеша, Ю. Либединский, М. Шагинян — умоляли советское правительство «немедленно расстрелять фашистских псов». Известные поэты сочли возможным выразить это требование в стихах («ЛГ» от 26 января): «Наш гнев ужасен и прекрасен, // Мы свой вердикт произнесли. // И тот вердикт единогласен: // Стереть их всех с лица земли» (А. Безыменский). «Подлые шпионы и бандиты // Радеками тёрлись возле нас. // Может быть, ещё не все добиты — // Крепче руки и острее глаз!» (Е. Долматовский).

Если рассматривать вклад советской интеллигенции (в частности, писателей) в пропаганду господствующей тоталитарной идеологии, то, вероят-

но, его следует признать неопенимым. Сущность участия в этом писателей метафорично и вдохновенно отобразила ещё в 1934 году Мариэтта Шагинян («ЛГ» от 4 декабря): *«Доведём нашу любовь к социализму, нашу преданность делу партии до такой предельной глубины в нашем искусстве, где политика сливается с лирикой»*. Призыву Шагинян писатели, судя по газетным материалам, следовали неукоснительно. Нет ни одной публикации, идеологическая направленность которой отступала бы от общепринятой сталинской. Достаточно в этих материалах и мракобесия. 24 января 1935 года в газете «Правда» напечатана статья Д. Заславского «Заметки читателя», в которой роман Достоевского «Бесы» называется *«контрреволюционным романом»*, *«знаменем политической реакции»*. Максим Горький статью поругал, но в 1936 году возглавил борьбу с акмеизмом, формализмом, символизмом, находившую на страницах газеты отражение и поддержку. Усердно потрудились писатели и на ниве привития советским людям не любви ко всему западному, ненависти к русской эмиграции. В номере за 11 ноября 1935 года Илья Эренбург писал: *«Есть воздух, в котором дохнут птицы, вянут цветы. Это воздух зарубежных стран. По-прежнему кликушествует там Бунин, выпустивший книгу «Окаянные дни», полные звериной ненависти к Советской стране; занимается «чёрной и белой магией» Мережковский; Куприн не имеет отношения к литературе; невероятно опустился Бальмонт...»*. Весь мир думал иначе: Бунин, Мережковский и Куприн в 1933 году были выдвинуты на Нобелевскую премию. Всем названным выше материалам можно предпослать слова М. Горького, часто служившие в газете названием рубрики: *«Если враг не сдаётся — его уничтожают!»*

Творческая интеллигенция активно участвовала в создании культа личности Сталина, Ворошилова, Кагановича, поощряла и поддерживала карательные методы деятельности органов НКВД. На фоне всеобщего славословия в адрес Системы, хор которого в материалах «Литературной газеты» нарастал из номера в номер, восхваления Сталина и его *«верных оруженосцев»* дошли до крайней точки. Рядом с именем Сталина художники слова ставили всегда самые красочные эпитеты, такие, как *«вождь всех времён и народов»*, *«зоркий и сильный горный орёл»*, *«великий всадник мировой революции»*. 10 мая 1935 года после короткой и невыразительной речи Сталина на выпуске *«академиков красной армии»* М. Казаков писал: *«Наш Сталин гениальный ум и большое сердце социализма. Он — подлинный великий инженер человеческих душ, строитель чувств...»* В. Луговской: *«Последняя речь Сталина — одно из величайших высказываний в мировой истории»*, П. Маркиш: *«В них (выступлениях Сталина.— П. К., Л. З.) сверкнула та вершина, во имя которой велись гражданские войны...»* Б. Пильняк: *«А*

писатели? Кто из писателей может погордиться, что его слово равно сталинскому?»

В откликах по поводу суда над очередной «троцкистской бандой» Ю. Олеша 26 января 1937 года восклицал: «Они покушались на Сталина!.. Мерзавцы, жалкие люди, шпионы, честолюбцы, завистники, хотели поднять руку на того, кому народ сказал: Ты сделал меня счастливым, я тебя люблю... Отношение народа к Сталину рождает в сердце такое же волнение, какое рождает искусство. Это уже песня!». И. Бабель выступал аналогично: «...гений Сталина олицетворяет ясность, простоту, беспредельное мужество и трудолюбие... Как никогда очевидна теперь безмерная правота нашего правительства. И преданность наша ему обоснована и безгранична». Судя по газетным материалам, примерно с середины 1936 года у писателей возникает трудно объяснимое стремление защитить Сталина и его окружение от врагов своим телом. 20 августа газета писала: «Железной стеной оградим наших вождей, нашего мудрого любимого учителя, нашего отца — товарища Сталина». Н. Огнев сказал прямо: «Охраняйте жизнь вождей! Берегите то, что нам дороже всего». А правление Союза писателей Украины, выполняя волю всего коллектива республиканских литераторов, 27 августа 1936 года выразилось ещё более решительно: «Обращаем свои горячие слова священной любви к Вам, родной наш Иосиф Виссарионович, любви к партии. Советские писатели... станут грудью на защиту дорогой Вашей жизни... наш любимый вождь, учитель, вдохновитель и Друг».

Представляет исторический интерес: писатели не только поддерживали органы НКВД в проведении карательной политики, но подталкивали их именно к такой работе. Уместно привести выдержку из решения общего собрания писателей Москвы, состоявшегося в декабре 1934 года: «Писатели поручают Московскому Совету добиться того, чтобы все органы пролетарской диктатуры, призванные охранять и оберегать государственную безопасность, с большевистской страстностью и энергией, с неусыпной революционной бдительностью вели беспощадную борьбу с классовым врагом, с контрреволюционным охвостом... Мы всецело одобряем решение советского правительства от 1 декабря 1934 года о порядке прохождения дел о террористических организациях и террористических актах против работников Советской власти. Мы горячо приветствуем приговор Верховного Суда о расстреле группы белогвардейских террористов в Ленинграде, Москве, Киеве и Минске. Мы требуем суровой революционной расправы с контрреволюционными выродками».

27 августа 1936 года «Литературная газета» поместила «Приветствие общего собрания московских писателей Наркому Внутренних дел СССР,

генеральному комиссару государственной безопасности Г. Г. Ягода и всем славным чекистам-наркомвнудельцам». Наряду с пышными словами в адрес «героического наркома» там говорилось: *«Мы гордимся вами (чекистами.— П.К., Л.У.), вашей верной самоотверженной работой, без промаха разящей врага... Всеми мыслями, всем сердцем нашим мы с вами...»*

Творческая интеллигенция по сути поставляла органам НКВД людей, которые, по её мнению, должны быть репрессированы. Кого из литераторов травил Союз писателей, те впоследствии и были репрессированы. 24 января 1935 года в «Литературной газете» появляется корреспонденция А. Селивановского «Сигнал», повествующая — в Свердловске появилась группа молодых писателей, *«замкнутая законспирированная группа»*: Ручьёв, Кушум, Реут, Троицкий, Хорунжий, Корольков. Автор сообщает: эти молодые люди пишут безыдейные вещи, богемствуют и хулиганят, прославляют белогвардейщину. Точнее назвать этот материал не «Сигналом», а «Доносом». Однако главная задача «Сигнала», вероятно, не только разоблачение «законспирированной группы». Автор делает вывод: по идеологической направленности группа схожа с творчеством Павла Васильева, Бориса Корнилова, Ярослава Смелякова — *«хулиганов и богемщиков»*. Судьбу этих трёх мы знаем — первые два погибли в ежовских застенках, Ярослав Смеляков дважды сидел в лагерях. Оба раза — по доносам товарищей-писателей. Напомним: из-за доносов юной поэтессы Эди Огнецвет пострадало несколько белорусских классиков. Писала известная детская писательница и переводчица доносы и на отца Станислава Шушкевича, в результате которых тот был репрессирован на четырнадцать лет, а ведь мать Станислава Шушкевича считала её лучшей подругой (на этот печальный факт в биографии Огнецвет сегодня указывает даже Википедия).

24 апреля того же года писатель Д. Мирский, делая обзор поэзии за 1934 год, отметил: Б. Корнилов страдает *«от отсутствия широко обоснованного революционного мировоззрения... Нет сколько-нибудь глубокого понимания борьбы между большевиками и кулачем»*. Рассуждая о творчестве Павла Васильева, Мирский выразился с сожалением: *«Знаменитость этого поэта — печальный эпизод в истории нашей литературной жизни... Эпигон Клюева и Клычкова, акмеистов, Бунина и Сельвинского... поэт с кулацкой сущностью. Увлечение Павлом Васильевым свидетельствует не только и не столько о притуплении классовой бдительности, сколько о полном притуплении чувства настоящей поэзии и о катастрофической безвкусице»*. Подобные материалы, разносящие в пух и прах *«кулацкую сущность»* Корнилова, Васильева и Смелякова, появлялись постоянно. 15 октября 1936 года «Литературная газета», сообщая об исключении Б. Корнилова из Союза писателей, анонсировала своё политическое кредо

так: *«Перед Союзом писателей стоит задача борьбы с чуждыми настроениями и проявлениями классово-враждебных влияний, очищения наших рядов от врагов...»* Врагом Советской власти Бориса Корнилова первым назвал Союз писателей.

Подобным преследованиям и гонениям из номера в номер подвергались: Артем Весёлый, Борис Пильняк, Иван Катаев, Всеволод Иванов, Сергей Сергеев-Ценский, Александр Безыменский, Борис Пастернак, Ольга Берггольц, Пётр Перковский, Юрий Либединский, Николай Горелов, Владимир Киришон — обвинённые в принадлежности к агентуре Троцкого, Авербаха, международного империализма или сионизма, кулацкой сущности, классовой близорукости, проталкивании враждебных идей, декадансе и идейном разложении, шпионаже в пользу самых разных государств и, конечно, в клевете на советскую действительность. И проходят чередой авторы этих политических доносов, одни — люди вроде бы известные, обласканные высочайшим расположением, славой, другие — вероятно, хотевшие попасть в эту когорту.

А вот ещё один пример. Речь пойдёт о литературном образе широко известной в историографии фигуре «Лёвы Задова» — участника гражданской войны Льва Николаевича Зиньковского. Во всех советских литературных источниках он фигурирует как одесский бандит, совершивший ряд уголовных преступлений. Прочитываем сцену из третьего тома *«Хождений по мукам»* Алексея Толстого, где Рощин прибыл в махновскую вольницу Гуляй-поле: *«Сейчас же вошёл, несколько переваливаясь от полноты, лоснящийся, улыбающийся человек в короткой поддёвке, какие в провинции носили опереточные знаменитости и куплетисты...»* *«А ну, подивись на меня, — не слушая его, сказал человек в поддёвке, — я Лева Задов, со мной брехать не надо, я тебя буду пытать, ты будешь отвечать...»* Что побудило его написать о Задове именно в таком ключе? Может быть, ко времени создания романа чекист Л. Н. Зиньковский-Задов был уже объявлен врагом народа и расстрелян? Алексей Толстой описал слова и действия начальника контрразведки повстанческой армии лютого и беспощадного батьки гуляйпольских бандитов анархиста Нестора Махно. А внешность Льва Задова нарисована у Толстого правильно: огромный мужик с круглой лысой головой, толстой шеей, широченный в плечах. В общественном мнении сложился образ Левы Задова как кровавого бандита и костолома. В гораздо более доброжелательном ключе как верный сподвижник Махно, самоотверженно ухаживающий за тяжело раненым командиром, Задов изображён в *«Повести о пустяках»*, написанной в Париже, художника-эмигранта Юрия Анненкова в пространном *«Письме батьки Махно к приятелю»*: *«... не становясь на ногу, совершенно не сядясь, я без чувств лежал, охраняе-*

мый и доглядываемый Левой Зиньковским... Меня в это время Лёва Зиньковский на руках переносил из тачанки на крестьянские дороги, которые повстанцы достали...»

Он родился в 1893 году в местечке Весёлое Бахмутского уезда Екатеринославской губернии Украины в большой еврейской семье, где было одиннадцать детей. Жили бедно, отец Юдель Гиршевич Зодов крестьянствовал на двух десятинах земли. Из-за бедности Лев не получил хорошего образования. Он закончил два класса начальной еврейской школы – хедера. Рос сильным и уже с семи лет, когда семья переехала в Юзовку (ныне Донецк), зарабатывал деньжата на мельнице, позднее устроился каталом в доменный цех металлургического завода. На заводе приобщился к революционной работе, вступил в партию анархистов. Наверное, его широкую и свободолюбивую натуру привлекло в этой партии то, что в её концептуальных основах прописана свобода каждой личности, отсутствие над ней всякой власти и ненужность государства – аппарата насилия над притесняемым народом... Он распространял нелегальную литературу, организовывал митинги и стачки, с 1910 года по заданию партии занялся добычей средств для партийной кассы — экспроприаторской деятельностью, грабежом и разбоем. В составе *«летучего отряда»* совершил налёты на дома богатых людей, на почтовую контору, на железнодорожную кассу в Дебальцево... В 1913 году после одного из *«эксков»* был арестован и отправлен на восьмилетнюю каторгу. Отбывал наказание в Екатеринославе и Луганске. В феврале 1917 года его освободила революция. Возвратясь домой, в Юзовку, поступил опять на доменный завод, работал старостой цеха. А в сентябре 1917 года трудящиеся Юзовки избирают Льва Задова членом городского Совета рабочих депутатов. Когда в феврале 1918 года возобновились боевые действия с Германией, он уехал на фронт, вступил в Красную Армию. Воевал под командованием старого друга анархиста Максима Черняка против войск Австро-Венгрии и УНР. Начал рядовым бойцом, а к концу лета 1918 года, под Царицыном, стал командиром боевого участка, служил в повстанческой армии Нестора Махно начальником контрразведки.

Алексей Толстой и другие советские авторы не могли знать: на протяжении длительного времени Задов сотрудничал с органами ВЧК – ОГПУ, а с 1924 года стал официальным сотрудником. За проявленное мужество при выполнении сложных боевых заданий получил много наград от советской власти. Литераторы, писавшие о нём, не имели доступа к секретным документам. Отсюда и однобокость в подаче литературного материала. Подлинные документы о нём обнаружены одним из авторов этого доклада в 1989 году в архиве КГБ Украинской ССР (Киев) и опубликованы в конце того же года в газете «Труд». Эти материалы послужили основанием для реабилитации Задова-Зиньковского в 1990 году.

Современная историография до сих пор грешит тенденциозностью. Каждое время заставляет современников-исследователей отражать себя в нужном ему ракурсе. Эпоха, в которой довелось нам жить, не способствовала появлению историков объективных: царство социалистического реализма и партийного подхода заставляло ко всем событиям относиться однобоко — негативно или комплиментарно. Другой подход исключался: историки были в системе приводных ремней к государственным жерновам, в которых перемалывались правда, судьбы людей, кости героев, пытавшихся остановить молохи социального террора. Особенно это может касаться событий Октябрьского переворота, гражданской войны, коллективизации, «красного террора», переломных моментов новейшей истории — такие периоды требовали соответственной для власти исторической трактовки.

Незаконным было почти всё. Мы признаем это сейчас. И сталинский «Краткий курс истории партии» — для нас лишь источник знаний о датах событий, но никак ни об их сущности. Вряд ли найдётся хотя бы один мало-мальски осведомлённый в истории человек, который бы не знал: в июле 1918 года партия левых социалистов-революционеров-интернационалистов, именуемых левыми эсерами, совершила мятеж против советского правительства с целью захвата власти. Для этого эсеры убили германского посла Мирбаха в надежде, что Германия ответит возобновлением войны с Россией, прерванной заключением Брестского мира, а это поможет левозеро-серо-ской партии захватить власть. Ситуацию спасли, как это подаётся в традиционной интерпретации, ВЧК, её Председатель *«железный рыцарь революции»* Феликс Дзержинский.

Интересно замечание знаменитого портретиста, автора портретов и Ленина, и Троцкого, и Дзержинского, Юрия Анненкова, обнаружившего: *«В русской революции сосуществовали две мимические линии: первая, ленинская — в улыбке... Вторая линия — от Троцкого: пронзающая острота взгляда, символизирующая непреклонность и бдительность революции... Лицо Ленина обращено к светлому будущему, лицо Троцкого повернуто в сторону врагов. Влияние Ленина велико: улыбались, как могли, вожди, наркомы, полпреды, особо ответственные работники... Ястребиная мимика Троцкого получила распространение преимущественно в военной среде и в партийных низах: секретари комячеек, следователи ГПУ, рабкоры, управдомы, дворники. Кроме того, наметилась ещё средняя, синтетическая линия: так Феликс Дзержинский улыбался по-ленински, бородку же стриг под Троцкого, создавая таким образом новый тип «добродушного Мефистофеля»...»*

Профессионально занимаясь историей, возьмём на себя смелость заявить: утвердившаяся в советской историографии схема тех событий, их ис-

токи, течение и последствия не соотносятся с реальностью. Они сфальсифицированы. Мы утверждаем: мятежа левых эсеров, якобы состоявшегося 6-7 июля 1918 года, не было; всё это было провокацией, продуманной и осуществлённой группой лиц под руководством Л. Д. Троцкого; документы того периода, отражающие действительность, скрыты от общественности, события длительное время преподносились общественности в извращённом виде. Эта история — цепь политических интриг, их цель теперь очевидна: скрыть от литературы и прессы реальные пружины состоявшихся событий, завуалировать смертельное противостояние в структурах советской власти, сохранить за правящей верхушкой власть любой ценой.

Во имя достижения этой цели советская историография на протяжении десятилетий скрывала подлинные причины убийства сотрудниками ВЧК, возглавляемой Ф. Дзержинским, немецкого посла графа Мирбаха — натравить Германию на правительство Ленина и возобновить военные действия против России. Летом 1918 года в правительственных кругах России сложилась тяжёлая ситуация. Она усугублялась мало внешне заметным, но отчаянным противостоянием двух смертельно воюющих друг с другом группировок в самом правительстве: ленинской и другой, во главе с Троцким. Суть этого противостояния заключалась в обыденной вещи: они отрабатывали интересы противоборствующих геополитических финансово-олигархических группировок. Группа Ленина работала на германо-австрийский капитал, группа Троцкого — на частные финансовые и государственные круги США и стран Антанты. Господина Бронштейна-Троцкого, прибывшего в Россию из Америки, тепло провожали и напутствовали люди Моргана и Рокфеллера, а президент США Вильсон лично (!) выхлопотал ему американский паспорт.

Опубликовано уже достаточно материалов, свидетельствующих: покушение Фаины Каплан на вождя организовал ближайший сподвижник Троцкого Яков Свердлов, величайший и хитроумнейший интриган. В ближний круг Троцкого, кроме Свердлова, входили Н. Бухарин, К. Радек, Л. Каменев, Г. Зиновьев, Ф. Дзержинский, многие высшие военные. Чтобы убедиться в отношении Дзержинского, обратимся к мнению И. Сталина, неплохо знавшего истинные взгляды соратников. Выступая 2 июня 1937 года на Военном Совете Наркомата обороны, он сказал: *«Дзержинский голосовал за Троцкого, не только голосовал, а открыто Троцкого поддерживал при Ленине против Ленина. Вы это знаете? Он не был человеком, который мог оставаться пассивным в чем-либо. Это был очень активный троцкист, и всё ГПУ он хотел поднять на защиту Троцкого. Это ему не удалось»*. Может быть, в этом и кроется загадка внезапной смерти Дзержинского летом 1926 года. Сразу после его смерти началось уничтожение троцкистов, а потом и самого Троцкого в 1940 году.

Политические интриги группы Троцкого-Свердлова-Дзержинского отличались высоким уровнем исполнения и выполнялись продуманно и грамотно, сопровождалась хорошо организованными пропагандистскими кампаниями. Инсценирована этой группой попытка свергнуть советскую власть партией левых социалистов-революционеров (левых эсеров) — по своей сути политическая военная провокация. В результате большевики достигли цели, к которой давно стремились — партию левых эсеров изгнали из состава советского правительства. Активная пропаганда этой провокации, положительный облик которой успешно сформирован в документах того времени, в советской прессе, литературе и кино, привела к её поддержке общественностью. Нельзя сказать: все советские архивные документы, отражающие те или иные события и воплотившиеся в литературе и искусстве, содержат только историческую правду. О погибших гражданах, работавших при немецкой оккупации в условиях подполья в годы Великой Отечественной войны, полную достоверную информацию установить невозможно. Частично она умышленно искажена или уничтожена Гестапо, частично — затерялась, частично — запутана различными источниками. В подобной ситуации оказался писатель Александр Фадеев, не до конца разобравшийся в обстоятельствах подпольной работы и гибели патриотической организации «Молодая гвардия», действовавшей в годы войны в Краснодоне. Он ошибочно определил роль и значение подпольщиков, их вклад в борьбу с фашистами, драматически неверно предположил, кто из них предатель. Это тяжело сказалось на памяти героев Краснодона и на судьбах незаслуженно пострадавших людей.

Наш вывод: писателям, журналистам, драматургам, литераторам при создании художественных произведений, в которых упоминаются те или иные исторические персоналии или события, необходимо тщательно сверять их со всеми возможными документальными источниками.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Красная книга ВЧК. Т.1, 2-е изд.— М.: Политиздат, 1989.
2. Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии, 1917- 1921. / Сборник документов. — М.: Госполитиздат, 1958.
3. Толстой А. Н. Хождение по мукам. — М.: АСТ, 2018.
4. Шамбаров В. Свердлов. Окультизмные корни Октябрьской революции. — М.: Алгоритм, 2013.

5. Сахаров В. А. На распутье. — М.: Издательский центр «Аква-Терм», 2012.
6. Сопельняк Б. Три покушения на Ленина. — Москва, Молодая гвардия, 2005.
7. Кренёв П.Г. Мятеж, которого не было. Неизвестные страницы советской истории. — М.: Вече, 2015.
8. Млечин Л. Ленин. Соблазнение России. — СПб.: Питер, 2012.
9. Подшивка «Литературная газета» за 1934-1937 годы.
10. Кренёв П. Г. Рассекреченный Задов // «Труд» — № 74-75 — 1989.
11. Тимирязев Б. Повесть о пустяках. — М.: МИК, 2001.

ГОРБУНОВ

Алексей Борисович

Родился в 1974 году в Минске. Имеет два высших образования (филологическое и экономическое), окончил аспирантуру. Работал журналистом, видеоблогером, главным редактором. В настоящий момент — прозаик, драматург, по совместительству поэт. Занял первое место в номинации «Малая проза» на Международном литературном фестивале «Славянская лира-2020». Автор рассказов, повестей, пьесы и двух романов. Член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь», секретарь Секции художественной прозы.

ГОРОД. ДЕВУШКА. СТАФФАЖ

«Моисей (мир Ему) встретился с Иблисом на тропе горы Синай и сказал: «Иблис, что помешало тебе поклониться?»

(Мансур аль-Халладж «Китаб ат-тавасин»)

Стаффаж — второстепенные элементы композиции, создающие фон или среду для основных фигур и подчёркивающие их значение (из определения)

Пролог

В будущем каждый должен был иметь в собственности кусочек пляжа. Праведники — песчаного южного. Грешники — каменистого или заполярного. Но этого не случилось. Вместо прибрежной полосы всем досталось по пять минут сомнительной славы.

* * *

Берег моря. Белый струящийся сквозь пальцы песок. Крики невидимых из-за яркого солнечного света чаек. Безветрие. Еле слышимый шелест волн, набегающих на пляж. Аромат соли и йода. Юность мира.

На пляже сидит седой, гладковыбритый старик в узких синих плавках.

На животе — гармошка из складок загорелой кожи. Возможно, в прошлом он активно занимался спортом или был веганом и много медитировал. Искушения миновали его. Или — он не поддался им.

Мы не знаем его возраста, профессии и имени.

Перед стариком — глиняный сосуд и деревянная доска, ограниченная низкими бортиками. На деревянном дне начерчены горизонтальные линии. Но никаких надписей, по которым можно понять, что означает странная шкала, нет. Среди линий уже лежат несколько десятков цветных кубиков, с круглыми белыми углублениями на поверхностях — от одного до шести на каждой.

Игра в кости? Такая же старая, как населяющие мир люди?

Задумчиво глядя в морскую даль, старик достает из горшка еще четыре кубика, трясет их в руке и бросает на доску. Кости со стуком ударяются о деревянную поверхность, сшибаются с теми, что лежат между линий, и становятся частью цветного, хаотичного узора, не имеющего закономерностей.

Старик пару мгновений смотрит на результат броска, хмурит брови и набирает в кувшине новую партию из четырех костей, бросает и их. Один из лежащих на доске кубиков от удара вылетает в песок и застывает в нем, наполовину скрытый округлыми частичками кварца.

На лице старика удивление. Он закусывает нижнюю губу, а потом тихо произносит в сторону моря:

— Уничтожая что-либо, созданное не вами, не связываете ли вы свою судьбу с уничтоженным?

Волны безразлично шумят. Крика чаек больше не слышно.

ЧАСТЬ I. Боец

«Пусть уж мерзкий мышиный король насытится сахарными человечками, лишь бы не трогал Щелкунчика»

(Эрнст Теодор Амадей Гофман)

Глава 1. Девятнадцать — это ворона

«Что мне деревья в поле? Я имею дело с людьми в городе»

(Сократ)

— Дэвушэк, будэш дэлат голый сэлфи, дам па жопа мэтлой! — разда-лось сзади.

Ава испуганно обернулась. Позади нее, опираясь на рабочий инстру-

мент, стоял азиат в ватнике, нестиранных штанах и кирзовых сапогах. Видимо, вышел из-за ближайшей могилы.

— Я не по этим делам! — бросила девушка и ускорила шаг.

— Тэбя прэдупрэдыл, — кладбищенский рабочий смотрел вслед Аве. Высокая, стройная, в коротеньком, облегающем платьице. Ноги точеные. Ветер играет длинными светлыми волосами.

Ава дошла до тринадцатого участка и свернула в боковую аллею. Последний летний месяц оказался щедр на градусы — айфон утверждал, что сегодня плюс двадцать пять. На солнце — больше. Но в аллее чувствовались прохлада и сырость. Пахло землей, прелой листвой и пряными травами. Старые деревья, как в неухоженном парке, сплелись кронами в подобие живой арки. Но, самое главное, сюда не доносился постоянный гул машин, преследующий жителей города круглые сутки. Широкая лесополоса надежно отделяла посетителей погоста от шума моторов.

Девушка провела ладонью по цветкам бессмертника, росшего у края аллеи, и поднесла пальцы к лицу. Именно желтые, издавлека похожие на мартовские мимозы, цветы распространяли вокруг себя терпкий аромат.

Почему Ава любила гулять по кладбищу? Уж точно не из стремления сделать шокирующие фотографии. История этой любви длинная и немного запутанная.

Ава с пеленок росла гуманитарием — любила читать, рисовать и петь. А вот с математикой было не очень. Когда дело доходило до цифр, на голову словно опускалась пелена. Девочка на протяжении всего урока математики могла смотреть на примеры, но решить их — увы. Цифры казались пустыми и безжизненными. Учительница сначала ругала Аву за невнимательность и неумение сосредоточиться, потом решила поговорить с родителями. Шутка ли? По всем предметам отлично, и только по математике тройка с сильной натяжкой. И это в третьем классе. Что будет дальше, когда пойдут геометрия и физика?

— Я бы вам рекомендовала нанять репетитора по математике, — учительница обескуражила маму Авы. — За тот уровень знаний, который нужен девочке, много денег не возьмут. Но если вы сегодня упустите этот вопрос, через год-два будет поздно.

— Где ж я найду репетитора по математике для девятилетнего ребенка? — робко запротестовала родительница.

— Не вы первые и не вы последние, — успокоила учительница и протянула заранее подготовленный листик с телефоном.

Репетиторша оказалась сухой, строгой дамой с завитыми, подкрашенными синькой волосами и старыми очками на гигантском орлином носу. Звали ее очень царапающе — Роза Карловна. Условие, поставленное на-

поминающей ведьму синевлаской, — занятия будут проходить на ее, репетиторши, территории. Благо жила она недалеко от дома Авы. Всего в двух кварталах.

Направляясь к Розе Карловне, девочка часто представляла себя Красной шапочкой, которую родители отправили к бабушке. Мимо проходили незнакомые взрослые, кусты сирени и жасмина в палисадниках напоминали лесные чащи. В первый раз даже не обошлось без волка — с поводка сорвалась огромная серо-черная кавказская овчарка и с лаем бросилась на Аву. Девочка замерла, зажмурилась от страха глаза, и... ничего. Собака стояла поблизости и с интересом ее обнюхивала.

Ава рассказала о произошедшем репетиторше.

— Не бойся, — глухо отчеканила Роза Карловна. — В городе хищники меньше и безопаснее, чем в лесу. Город всех учит трусливости, а заодно выживанию.

— А если бы она меня съела? — Ава смотрела на репетиторшу распахнутыми глазами.

— По теории вероятностей это практически невозможно, — сухо заметила Роза Карловна. — Пойдем!

— Куда? — удивилась Ава.

— В парк. Это через дорогу.

— Зачем?

— Там легче дышится, и голова будет лучше соображать. А тут... сама чувствуешь. Старушечье амбре.

В квартире репетиторши и в самом деле стоял запах перлового супа, из шкафов доносились ароматы нафталина и лекарств, а еще — местами пахло сушеными травами и котами.

Роза Карловна и Ава вышли из подъезда, пересекли проезжую часть с трамвайными путями и оказались на городском кладбище. Репетиторша указала девочке на бетонный столб с жестяной табличкой. На ржавом металле белой краской было выведено «19».

— Какое это число? — спросила Роза Карловна.

— Один, девять... — Ава оцепенела от страха перед жутким миром цифр, но выпалила. — Девятнадцать?

— Правильно, девятнадцать.

В этот момент на указатель приземлилась жирная ворона и, раскрыв рот, будто хотела отдышаться, принялась осматриваться по сторонам.

— Девятнадцать — это ворона, — тихо произнесла Ава, наблюдая за огромной серо-черной птицей.

— Что ж? — нахмурила брови Роза Карловна. — Возможно, ты права.

Похоже, репетиторше ассоциация птицы с числом пришлась по душе,

потому что единица стала краном, двойка — предсказуемо лебедем, тройка — крылом бабочки. Используя язык образов, Ава за несколько занятий не только выучила все цифры, но и научилась составлять из них числа.

Роза Карловна усаживала девочку на скамейку у какой-нибудь из ухоженных могил и, показывая на памятник, просила назвать год, в котором родился усопший.

— Девятнадцать — ворона — двадцать один — лебедь пьет воду из-под крана. В тысяча девятьсот двадцать первом году, — скороговоркой произносила Ава и смотрела в улыбающееся лицо репетиторши, обрамленное синими, вьющимися локонами.

Ава делала успехи. Знак сложения каким-то чудом превратился в ступеньку лестницы, ведущей наверх. Знак вычитания стал острым ножом, способным разрезать все, даже кран. Деление превратилось в дырочки в поверхности, через которые в число попадает вода и изнутри разрушает его на части... Получилось приручить даже хитрый икс — он стал досками, которыми забит проход в подземелье замка, скрывающее сокровища.

На каждом занятии Роза Карловна водила Аву на кладбище. Если шел дождь, они прятались под одним зонтом, если наваливалась метель — прогуливались по дорожкам и стирали с памятников налипший снег, чтобы добраться до чисел.

Учительница в школе не могла нарадоваться. По математике Ава из бесперспективного аутсайдера превратилась в уверенную хорошистку. Нет, потягаться с участниками олимпиад она еще не могла, но пару раз умудрилась получить отлично по достаточно сложным темам.

Однажды в феврале Роза Карловна и Ава как всегда гуляли между могилами, прикрываясь огромным черным зонтом репетиторши. Мокрый снег падал тяжело и плотно, прилипал к одежде и сапогам.

— Что больше — двести семьдесят девять или триста семнадцать? Только не торопись, подумай хорошенько, — сказала Роза Карловна и вдруг замерла, вытянулась. Ава еле успела поймать падающий зонт.

Несколько мгновений девочка со страхом смотрела на репетиторшу и наконец спросила:

— Что с вами? Вам плохо?

— Ничего-ничего, — Роза пару раз махнула ладонью, словно пыталась вбить воздух в землю. — Это давление. Уже лучше.

Следующего занятия не было. Роза Карловна умерла через сутки. Ночью, во сне. Так бывает, когда человеку восемьдесят четыре. Крендель и форточка.

Узнав о смерти репетиторши, Ава долго плакала, прижимаясь к маме, а потом оторвала зареванное лицо и спросила:

— Если бы я тогда ответила, какое число больше, Роза Карловна осталась бы жить?

— Какое число? — глаза у мамы были грустными.

— Триста семнадцать.

— Больше какого?

— Больше, чем двести семьдесят девять.

— Ох, — произнесла мама и обхватила голову Авы. — Не знаю.

В сказках, которые любила читать Ава сказано, что ведьма перед смертью передает свой дар ученице. Магии нужен новый дом, и этим домом становится разум преемницы. Но это в сказках.

В реальности Роза Карловна была, возможно, единственной, кто мог обучить девочку-гуманитария математике. В мире, где для многих людей точные науки — та еще пытка и ненужный балласт, умение считать и мыслить логически можно легко назвать ведьминым даром.

К шестому классу Ава стала круглой отличницей несмотря на то, что число девятнадцать для нее по-прежнему оставалось черной вороной, а минус девятнадцать — белой.

В восьмом — Ава сначала прочитала готический роман «Франкенштейн, или Современный Прометей», а затем биографию его создательницы, Мэри Шелли. Выяснилось, что маленькая Мэри потеряла мать еще во младенчестве, поэтому все свое свободное время проводила на ее могиле. Там она читала книги, встречалась с женатым поэтом Перси Шелли и наконец приняла решение бежать с ним.

Ава была ошеломлена. Получается, что для девушки из приличной семьи совсем не зазорно часами бродить по кладбищу? И ничего уникального в прогулках с Розой Карловной между могил не было? Скорее всего, репетиторша знала историю Мэри Шелли и использовала это знание в педагогических целях.

Ава рассказала об английской писательнице маме, и та ответила:

— Не вижу ничего странного. Количество сюжетов ограничено. Поэтому история имеет привычку повторяться. Правда, с некоторыми вариациями.

— Какими?

— Сама поймешь, когда подрастешь и накопишь больше жизненного опыта. Главное, не принимай на кладбище решение о замужестве.

— Где же его принимать? — засмеялась Ава.

— В ресторане, в парке, в театре. Да, хоть в библиотеке, — серьезно ответила мама. — Кладбище — не лучшее место для этой цели.

Очарованная мрачной историей Мэри Шелли и ее друзей, Ава упростила отца сделать специальную книжную полку в виде плоского дерева. Между

кустистыми ветвями она расставила различные издания «Франкенштейна», сборников стихов Перси Шелли, романа «Вампир», который приписывался Джону Полидори. И, конечно же, там стояли фолианты и книжицы со стихами лорда Байрона. Единственное издание, которое Ава так и не смогла отыскать ни в магазинах, ни у букинистов — двухтомные «Воспоминания» поэта. Те самые, где в первом томе он откровенно и подробно рассказывает о любовной связи с создательницей Франкенштейна.

То ли благодаря занятиям на кладбище, то ли еще по какой-то причине — готика оказалась близка Аве. Она часто пыталась представить себе июнь 1816 года, который называют годом без лета. Температура была близка к нулю. Все время ливня лил дождь, напоминая о грехах человечества и всемирном потопе. Спасали лишь запасы вина и страстные движения среди смятых простыней. Даже бывший император Франции в тот год впал в депрессию, отказался от прогулок и начал диктовать мемуары.

В это время на швейцарской вилле ненадолго пересеклись пути четырех человек: самой Мэри, ее гражданского мужа Перси Шелли, лорда Байрона и врача Полидори. Однажды бессонной ночью, когда дождь барабанил в разбухшие ставни, а вино по вкусу стало напоминать воду, Байрон предложил каждому из присутствующих написать по страшному рассказу. Так в мир, из сырого и мрачного 1816-го, шагнули Франкенштейн с его трупным детищем и вампиры, увиденные в алкогольном бреду Байроном и Полидори.

Просвещенные современники долгое время не признавали авторство Мэри Шелли, приписывая его мужу. Пусть и гражданскому. Не было тогда в Англии безумцев, которые бы согласились с дикой мыслью, что женщина способна написать книгу. Тем более, такую жуткую. Между тем, Мэри придумала не только рукотворное чудовище, но и страшную эпидемию, которая в начале двадцать первого века начнет выкашивать человечество. Но это уже другая история.

Когда Ава повесила на стену портрет утонченной красавицы с длинными золотистыми локонами, школьная подруга Дин-Дин поинтересовалась:

— Это ты на Хэллоуин?

— Нет, это английская писательница Мэри Шелли, — захохотала Ава.

— Похожа на невесту.

— Да ну!

О свадьбе Ава тогда не думала, но начала гулять по кладбищу. Теперь одна. Странное это место. Не деревня, но и не город. Место, где нашли свой приют мертвые, но иногда проводят время живые. Точка, в которой сливаются истории людей из разных миров, поколений и стран. Мир, где даже математика не в силах сопротивляться.

Оглядываясь по сторонам — не скрывается ли где прилипчивый работник-азиат — Ава подошла к могиле с белым мраморным памятником. С фотографии на нее смотрела молодая и улыбающаяся Роза Карловна. Такой Ава ее никогда не знала, но ведь должна же была репетиторша когда-то ходить на свидания, смеяться, целоваться и ответить «да» на предложение руки и сердца. Сейчас не у кого спросить, случилось ли это среди могил или в библиотеке. Ведьмин дар содержит знания и мастерство, но не память о событиях давно минувших дней.

— Спасибо, Роза Карловна, — прошептала Ава и положила к памятнику букет из свежесорванных бессмертников.

«Нет, — подумала девушка. — Кладбище — не лучшее место для того, чтобы сделать предложение. Да, похоже, Игнат и не торопится с ним. Хочет для начала стать чемпионом, или как этот титул называется у них, в боях без правил?»

Так уж получилось, что в самобытной системе счисления Авы нулем был могильный холм. Из него в разные стороны уходили положительные и отрицательные числа. Целые и дробные. От него разлетались вороны. Черные — в небо. Белые — в могильную тьму. Не может же в царстве мертвых ворона иметь обычные цвета, никто ее там не приметит. А вот цвета снега — очень даже. И вороны там носятся как угорелые и пугают всех своим трескучим, могильным карканьем:

— Бойтесь! Бойтесь! Бойтесь!

Глава 2. Жалость — тоже страх

«Бил с таким расчетом, чтобы не видно было людям»

(Михаил Шолохов «Тихий Дон»)

— Вырвиглаз, ты что?! Боишься? — хохотал коренастый, бородатый тренер Умаров. — Иди, становись на колени.

— Не боюсь, — покраснел двухметровый мускулистый гигант с тонким ежиком светлых волос и голубыми глазами; вышел из строя.

— Капу надел? — стал серьезным тренер.

Гигант разжал кулак, в котором лежало изогнутое пластмассовое приспособление для защиты зубов в бою, вставил его в рот и кивнул головой.

— Игнат, пошел, — махнул рукой Умаров.

Гигант вышел в центр зала и бухнулся на колени. С двух сторон к нему

подскочили бойцы и принялись лупить ногами. Игнат сначала качнулся назад, потом, защищая голову, выставил вперед мускулистые руки, затянутые в боксерские бинты.

— Активнее, — заорал тренер. — Это не тайский массаж. Работаем.

Удары ногами стали быстрее и сильнее, Игнат только успевал ворочать корпусом, чтобы выставить блок.

— Активнее, — подстегивал Умаров. — Вырвиглаз, ты боец или обиженный?

Игнат внезапно упал на спину, одновременно почти прижал к голове мускулистые ноги и сделал ими резкое движение вперед. Ступни коснулись поверхности пола, в то же мгновение Игнат оказался в приседе, вскочил и стал в боковую стойку. Противник справа успел нанести ему удар ногой в район почек, но рука Игната уже пошла в голову бойцу слева. Кулак с глухим хлопком впился в защитный шлем — нападавший рухнул на пол. Обратным движением Игнат попытался достать локтем противника справа, но тот отскочил в сторону и прикрыл голову руками.

— Стоп! — скомандовал Умаров. — В уличном бою вы все мертвы. Вырвиглаз, скорее всего, получит нож в спину. Ты, — тренер указал на лежащего на полу. — Поедешь в больницу со смещением костей лицевого черепа. Судьбу третьего предсказать не берусь. Но перелом позвоночника обеспечен.

Строй из десяти бойцов молчал. Игнат смотрел в пол, восстанавливая дыхание.

— Вырвиглаз, повторяем, — крикнул Умаров. — Следи за реакцией! Пропустишь всего один удар в голову и до больницы можешь не доехать.

Светловолосый гигант снова опустился на колени, двое противников в шлемах начали медленно приближаться к нему с разных сторон.

* * *

Спортивная форма насквозь промокла от пота. Руки и ребра болели. Умаров никому не давал спуску — сказывался боевой опыт.

— Вырвиглаз, не в голову бьют, а сквозь нее. Ты что — школьница?! Давай тогда не бить будем, а удары обозначать! Строй на корточки, побежали по залу. Пять кругов!

В конце тренировки Умаров скомандовал:

— Упали на маты.

Бойцы обессиленно повалились, и только Игнат присел на корточки. Тренер заметил, хмыкнул, но ничего не сказал. Раздолбай раздолбаю — рознь. Одних нежелание подчиняться правилам быстро и жёстко губит,

другим наоборот помогает штурмовать вершины. Похоже, Вырвиглаз был из вторых. Жизнь покажет.

— Каждый должен разбудить в себе волка. В бойце должен жить волк. Воин не может показывать страх, не может сомневаться. Пока не ударите, не узнаете — принесет удар победу или нет. Бывают ситуации — приходится пропустить выпад противника, чтобы свалить его. Если внутри есть сомнения, никогда не одолеете страх. Обычно нет времени, чтобы сидеть и выжидать удачного момента. Нужно атаковать, и вам придется атаковать. Но пока внутри нет волка, нельзя подняться над собой, над человеком. Все свободны. Тренировка окончена.

Усталые бойцы побрели в душ. Кто-то шаркал борцовками, кто-то тряс руками, чтобы снять напряжение — Игнат шел ровно, высоко подняв голову.

— Вырвиглаз, — позвал тренер. — Подойди.

Игнат приблизился, остановился в двух метрах, посмотрел сверху вниз.

— Работай жестче. У тебя все есть — сила, рост, техника, — по-отечески заговорил Умаров. — Но надо жестче, резче, агрессивнее. Когда выходишь на поединок, представляй, что перед тобой не друг Руслан, а козел, который ударил твою женщину, твою мать, твою бабушку. Твоего ребенка.

При слове «ребенок» в глазах Игната проскользнуло что-то безумное, словно он вспомнил, как его маленького кто-то беспощадно лупил.

— Покалечу, — процедил он.

— Кукольный театр, — развел руками тренер. — Ты сначала покалечь, а потом будешь мне об этом рассказывать.

— Потом поздно будет.

— Слушай, — Умаров положил руку на плечо парня. — Забудь все, чему тебя учили. Человека не так просто покалечить или убить. Тем более, если он этого не хочет. А ни один боец этого точно не желает. У тебя большая проблема! Уйди от жалости. Жалость — это тот же страх. Преодолей его. Действуй. У тебя самый большой волк внутри. Вожак. Главное — разбудить. Без этого о чемпионатах можешь забыть. Понял?

— Понял.

— Свободен, — Умаров убрал руку с плеча парня, и тот пошел в раздевалку.

Из-за разговора с тренером Игнат пропустил начало веселья, которое царило между шкафчиками с одеждой. Низкорослый, по пояс голый Зейналов бегал по раздевалке с горящими глазами и спрашивал у каждого:

— Придешь, брат?

Игнат с удивлением посмотрел на Зейналова, который занимался в клубе всего полгода, и тихо спросил у Руслана:

— Что происходит?

— Ринат женится. Всех зовет на свадьбу.

Игнат ничего не ответил и начал стаскивать мокрую от пота одежду. В этот момент к нему подскочил Зейналов с протянутой рукой:

— Придешь, брат?

— Приду, — буркнул Игнат и, игнорируя протянутую руку, пошел в душ.

Новичок так и остался стоять с протянутой рукой, удивленно глядя вслед удаляющемуся гиганту.

— Не обращай внимания, Ринат, — сказал Руслан. — Его тренер отчитал. Херово ему.

— А-а-а, я думал — обидел чем.

— Брось. Пока он сам не решит обидеться, никто его не обидит.

Игнат закрыл глаза и подставил избитое тело под ледяные струи воды. Думал об Аве. О ее мягком, обнаженном теле. Когда они вдвоем в душе, девушка прижимается всеми своими нежными выпуклостями, тянется жадными губами вверх, хочет близости. Ее рука...

— Братан, ты чего с Ринатом так безжалостно, — прервал приятные мысли Руслан.

— Жалость — тот же страх, — повторил Игнат слова тренера и открыл глаза. — Норм все. Жить будет твой Зейналов.

— Так свадьба у человека, радуется.

— Пускай радуется. Мне-то что?

— Жесткий ты, — отступил на шаг Руслан. — Сам жениться еще не надумал?

— Сначала я стану чемпионом мира, потом подумаю. Заодно и достойных кандидатур станет больше.

* * *

Свадьба Зейналова проходила в двухэтажном загородном доме, больше похожем на китайскую пагоду. Большая, закручивающаяся по углам крыша лежала на десяти квадратный колоннах, между которыми архитекторы построили этажи с резными наличниками. Получилось что-то славянско-азиатское.

Аву с собой Игнат не взял. Нечего потенциальной супруге светить голыми коленками и аппетитной задницей перед стадом пьяных мужиков разных возрастов и национальностей.

Высокий, мускулистый Игнат в приталенном темно-синем костюме стоял в шеренге друзей жениха и флегматично смотрел по сторонам. Это ваш праздник, я всего лишь — почетный гость. Он эффектно выделялся даже на фоне бойцов. Только Руслан мог посоперничать с ним в росте, а в

уверенности, наверное, лишь Умаров. Но тренер идти на праздник отказался: свободное время он проводил в зале, оттачивая технику. Да и пить для мусульманина — грех.

Временами Игнат ловил на себе заинтересованные взгляды присутствующих женщин и мысленно составлял рейтинг. Вне конкуренции, конечно же, была супруга у брата невесты. Высокая, с огненно-рыжими волосами и небесными глазами. Обтягивающее, розовое платье с вырезами подчеркивало узкую талию и широкие бедра. «Идеальная самка, — от нечего делать размышлял Игнат. — И что она нашла в плюгавом муже-очкарике? Брат невесты, вроде бы, какой-то юрист. Может, и получает большие гонорары, но как мужчина вряд ли представляет из себя что-то большее, чем пузатый мешок с жиром и геморроем».

— Ничего такая, — Игнат ткнул в бок Руслана и легко кивнул в сторону рыжей.

— Мне больше вон та нравится, — Руслан повел подбородком в сторону школьной подруги невесты, худощавой блондинки с большими губами и пышным бюстом.

— А-а-а, сиськи явно с силиконом.

— Хороший повод проверить, — подмигнул Руслан.

— Проверь, — Игнат переключил внимание на двоюродную сестру Зейналова, пухленькую дюймовочку с кукольным личиком. «Интересно, чтобы мы смогли поцеловаться, она должна стать на стул, или я — опуститься на одно колено?» Представив эту картину, Игнат вдруг фыркнул — словно к шпичу нагибаться, чтобы лапу пожать.

— Ты чего? — удивился Руслан.

— Ничего. Мошка в нос залетела. Чихнуть захотелось.

— Мог бы заплевать костюмчик Бульдога, — хохотнул Руслан.

Бульдог, боец с лысой головой и выпяченной челюстью, одетый в черный фрак, только пальцем пригрозил:

— Смотрите, пацаны. Дошутитесь.

— Ладно тебе, — махнул рукой Руслан.

Когда выездной регистратор закрыла папку с документами, на которых молодые оставили подписи, вновь испеченная жена обернулась к толпе гостей и крикнула:

— Ну что ловите? — затем снова отвернулась и швырнула через голову небольшой букет из белых и бежевых роз, перевитый цветными лентами.

Десятки рук взметнулись вверх, но всех опередил Игнат — он просто вскинул правую руку и немного потянулся вперед. Одна из лент оказалась надежно зажата в стальных пальцах гиганта. Некоторые девушки продолжали прыгать, пытаясь вырвать зависший над ними букет, по толпе прошел недовольный гул.

Игнат сделал неуловимое движение пальцами, словно вращал в ладони рукоятку ножа, перехватил букет за стебли. Повернулся и протянул цветы двоюродной сестре Зейналова, рядом с которой стоял. Дюймовочка смутилась, но приняла букет и сразу же поднесла его к лицу:

— Какие ароматные! Спасибо.

Девушка была смущена, другие гости смотрели на нее с завистью, а Зейналов крикнул:

— Игнасио — настоящий джентльмен!

Игнат ничего не ответил, опустил руку вниз и хотел приобнять дюймовочку за талию, не получилось — рука смогла дотянуться только до лопаток. Девушка смущенно посмотрела на него.

— Оставил бы себе, — хохотал стоящий рядом Руслан.

— Мне пока рано, — спокойно ответил Игнат. — Сначала титул чемпиона.

Через пару часов гости устали и напились. Отцы жениха и невесты, в белых рубашках с приспущенными узлами галстуков, стояли обнявшись и горланили песню о человеке, жаждущем выйти в поле с конем. Матери устроились в шезлонгах под раскидистой яблоней и швырнули в траву туфли на каблуках. Зейналов с женой непрерывно целовался под крики: «Горько!»

Бодрый Игнат стоял у стола с бокалом минералки и наблюдал за происходящим.

— Слушай, Зейналов — это же азербайджанская фамилия? — спросил он у Руслана.

— С какой целью интересуешься?

— Чего они все так пьют, как не в себя?

— Пацаны говорили, наш Зейналов — татарин.

— Понятно, — равнодушно произнес Игнат и двинулся гулять по участку.

Густые кусты жасмина за домом шевелились так, словно в них запуталась корова. Только виднеющиеся снизу костюмные штаны и подол платья дюймовочки говорили, что среди отцветшего жасмина идет страстная дуэль темпераментов.

Игнат приблизился к зарослям и рукой с бокалом отвел ветви в сторону. На него, как на жирафа, уставились два раскрасневшихся, перепуганных лица. Одна дужка очков съехала с уха плюгавого юриста, от чего покрытые конденсатом линзы были похожи на оградительную ленту поперек багрового от страсти лица. Дюймовочка с размазанной по подбородку помадой выглядела не лучше: такая же разгоряченная, с широкими от ужаса глазами и сползшей к ребрам бретелькой платья. За долю мгновения Игнат оценил симпатичную девичью грудь с большим коричневым соском.

«Она же еще почти ребенок, — мелькнула мысль в голове парня. — Это великовозрастное, женатое животное — извращенец. А извращенцев и педофилов нужно карать».

— Грех это! Женатый мужик с малолетней родственницей, — ладонь гиганта наотмашь ударила юриста в лоб.

— Ох-хо! — выдохнул плюгавый и повалился в кусты, ломая ветви.

— Ой! — вскрикнула дюймовочка, следя за оседающим телом кавалера.

— Кыш отсюда! — скомандовал ей Игнат.

Девушка мгновенно спрятала грудь, провела руками по растрепанным волосам, будто хотела одним движением поправить всю прическу и, теряя туфли, бросилась прочь.

— Так-то, — сказал Игнат и направился дальше, размышляя: «Вот как люди живут? Юрист, женат на красавице, свои дети есть, и совращает в кустах ребенка, девочку, которая только что стала его родственницей. Разница в возрасте у них лет пятнадцать — она ему в дочки годится! Зачем жениться, если потом малолеток по углам зажимать? Если бы не я, неизвестно что бы сейчас происходило. А если бы она забеременела?»

Высокоморальный, но немного сумбурный ход мыслей Игната был неожиданно прерван. Он дошел до веранды, временно переоборудованной под сцену с красноволосым, татуированным дрыщом-диджеем. Пространство разрывали ритмы техно, но гости почти не танцевали — от жары и выпитого силы у них быстро закончились. Лишь под садовыми деревьями, сбиваясь и покачиваясь, вытанцовывали три женщины с бокалами. Одна из них была рыжеволосая. Игнат приблизился.

— Можно с вами потанцевать? — поинтересовался он у жены юриста-педофила.

— Конечно! — с энтузиазмом отозвалась танцевавшая рядом толстушка в черном вечернем платье, но тут же утратила интерес — чувствовалось, что гигант сверлит взглядом рыжеволосую.

Жена юриста стрельнула снизу-вверх пьяной синевой глаз и расплылась в улыбке. Игнат сдержанно улыбнулся в ответ.

— Ловко ты букеты ловишь, — сделала комплимент женщина.

— Год тренировался, — серьезно произнес Игнат.

— Не поняла, — она подвинулась ближе. В ноздри Игнату ударил аромат разгоряченного женского тела.

— Говорю, тренировался долго.

— А-а-а, — рыжая одарила Игната понимающей улыбкой. — Ты — молодец!

— Как тебя зовут?

— Марина. А тебя?

Когда усадьбу накрыла ночь, разрываемая сполохами стробоскопа и

светом луны над ближайшим лесом, Игнат и Марина оказались далеко от остальных гостей, у старого, пахнущего креозотом столба линии электропередач. Вряд ли бы Марина могла утром вспомнить, как туда попала. Но то, что происходило в темноте, она наверняка запомнила.

Губы болезненно отзывались на все новые и новые поцелуи Игната. Ей одновременно хотелось этого мускулистого гиганта, но мешала сидящая где-то на краешке сознания заноза: «Я — замужняя женщина». Руки Игната, сильные и нежные одновременно, скользили по мокрым от пота женским бедрам, закатывая вверх платье. Марина несильно толкала их вниз и, когда губы на миг оказывались свободными, тихо шептала:

— Ну что ты!.. Что ты!

Женщина то сводила, то разводила бедра, пытаясь выскользнуть из железных объятий, но у нее ничего не получалось. Через пять минут она сдалась, полностью отдаваясь страсти. Моментально мускулистые руки сначала скрутили платье вверх, а потом швырнули его в жесткую траву.

Игнат и Марина так и не перестали целоваться...

Глава 3. Акционист акционисту ВОЛК

«Человек, распорядившийся возвести... Китайскую стену, был... император Ши Хуан-ди, который приказал сжечь все книги прежних времен»

(Борхес)

Миша Бобруйский — художник и непризнанный гений — создавал в мастерской очередной живописный шедевр.

Из-за жары на Мише были только перемазанные красками тренировочные штаны и треуголка из газеты «На страже Родины». Умение сворачивать различные головные уборы из газетного листа, когда-то широко распространенное во многих странах мира, к нашему времени почти повсеместно утрачено. Потому, что газеты мало кто читает, а кепки продают по символической цене или дарят в качестве сувениров.

Если бы сторонний наблюдатель решил внимательнее присмотреться к мастерской, он бы заметил, что вторая треуголка, чуть меньшего размера, была надета на голову сидячей статуи девушки, достающей занозу из ступни. Скульптура возвышалась на полу, в нескольких метрах от мольберта, среди смятых листов бумаги, кусков пенопласта и пустых, напоминающих сушеный перец, тюбиков краски.

На белоснежном, квадратном холсте Миша провел извилистую серую

линию, похожую на гусеницу, которую переехал самокат, и отошел назад. Сторонний наблюдатель, не задумываясь, назвал бы картину: «Смерть сперматозоида», — или даже: «Я просто проверяю, какую линию дает эта кисть». Но Миша упорно называл полотно словом «Смущение».

Бобруйский почесал нос, оставив на нем полосу из краски. После чего лицо Миши стало отдаленно напоминать еще неизвестную антропологам разновидность аборигенов. Иссиня-черная бородка «настоящий испанец». Смуглое лицо. Римский нос с благородными очками в тонкой золотистой оправе. И белая полоса поперек носа.

— Дерьмо! — веско сказал Миша, несколько минут разглядывая творение. — «The time is out of joint».¹

Он отложил кисть, закурил и подошел к распахнутому окну.

В последние годы картины продавались не очень. Можно сказать, почти не продавались. Было несколько старых, проверенных покупателей, которые или брали что-то новое время от времени, или заказывали портреты родственников. Подарить бабушке на восьмидесятилетие изображение в массивной позолоченной раме — идеальный вариант. И старушке приятно, и родным память — была вот Вера Цезаревна: и статная, и умная, и добрейшей души человек. Или — ростовой портрет ребенка. Это не фото на смартфоне, сразу видно, что родители любят чадо и готовы вкладывать в его развитие деньги.

А вот творчество — то, ради чего Бобруйский учился годами, портил зрение, не спал ночами — никому не было нужно. Сегодня художник — это скандал. И начало этой тенденции положено достаточно давно.

Безобразия начались еще в 1917 году, в разгар Первой мировой, когда Марсель Дюшан явил публике писсуар. Обычный с виду, с монограммой автора на белой поверхности. Правда, работа имела более-менее художественное название — «Фонтан». До нашего времени произведение не дошло, но спустя почти девяносто лет было признано величайшим художественным творением двадцатого века. С тех пор понеслось...

Через полвека с небольшим Марина Абрамович шокировала Европу перформансом «Ритм 0», позволив зрителям делать со своим телом все, что им заблагорассудится. Поначалу любители прекрасного опешили, но потом осмелели: перемещали покорную художницу в пространстве, срезали бритвами с нее одежду, втыкали в кожу шипы роз. Интеллектуалы и эстеты за какие-то пару часов утратили все моральные рамки и превратились в диких зверей. Абрамович прославилась. Хотя и называет этот перформанс одним из самых жутких в своей жизни.

Уже в нашем веке акционист Петр Павленский продолжил опасные эксперименты с социумом и телом. Прибил себя за мошонку к брусчатке Крас-

¹ Неточная цитата из Шекспира. В оригинале: «The time was out of joint» — «Распалась связь времен».

ной площади. Акцию «Фиксация» он назвал метафорой апатии в обществе. Само общество метафору, конечно же, не оценило. Но Павленский прославился.

Бобруйский загасил окурок в банке с водой и вернулся к картине «Смущение». Он думал: «Кто увидит в этом смешении белых и серых тонов обнаженную женщину, прикрывающуюся руками? Кто поймет, что это всего лишь смущение, которое не перешло в стадию стыда, потому в нем нет ни одной капли розового или красного? Кто способен оценить шедевр и повесить его у себя в гостиной?»

Миша не мог дать ответ ни на один из этих вопросов. А за аренду мастерской нужно было платить. Как — и за краски, холсты, сигареты, еду в холодильнике! Искусство без денег не существует, а вот деньги без искусства — запросто.

Бобруйский нервно расхаживал по усыпанному мусором полу мастерской. В компании друзей или в кругу семьи он никогда не показывал, что у него проблемы с финансами или продажей картин. Всегда улыбчивый, спокойный и рассудительный Бобруйский выглядел, как художник из рекламы, у которого все на миллион. Долларов или евро, каждый мог решать сам. Но оставаясь наедине с собой или напиваясь с друзьями, Миша временами становился нервным, задумчивым или, что совсем уж невероятно, агрессивным.

Взгляд Бобруйского остановился на распечатанной на струйном принтере статуэтке совы без перьев. Безобразный монстр с гребнистым черепом, складчатой кожей, похожий то ли на пришельца, то ли на динозавра, только с клювом и крыльями.

Ведь вылитый динозавр! Может быть, написать новый учебник палеонтологии? В нем можно утверждать, что гигантские ящеры вовсе не вымирали. Потому что их и не было. Динозавры — это наши птицы. Не зря интеллект воронов не уступает умственным способностям некоторых представителей человеческого рода. Можно начать утверждать, что гигантские кости древних ящеров, которые ученые находят в земле, — вовсе не кости, а фрагменты древних статуй. Почему они выглядят, как остатки живой материи? Ответ очевиден — тогда были такие художественные вкусы. Никому не были интересны птицы-художники, которые создавали статуи из дерева или камня. Да и как ты создашь изваяние из камня, если в запасе у тебя только клюв и крылья? А вот огромная статуя из биоматериалов, генетический урод, который не проживет и суток — произведение искусства древних птиц. Почему одинаковые виды динозавров находят в разных частях света? А вы не знали, что художники создают копии своих работ, а птицы еще и летают? С континента на континент — тоже.

Когда полет мыслей Бобруйского дошел до слов «копии произведения», глаза Миши стали сначала грустными, а потом злыми. За всю свою жизнь, за полвека с хвостиком, он не продал ни одной копии. Оригиналы — да, но ни разу никто не явился к нему с обыкновенной человеческой просьбой: «Миша, я видела ваше полотно в гостинной подруги. Это — ах! Нет слов. Нарисуйте мне такое же. Эта сиреневая линия в верхней трети картины не дает мне покоя. Как висит вверх ногами?!»

Шутки шутками, но Бобруйский был не только мастером средств художественной выразительности, но еще и самобытным философом, глубоко чувствующим жизнь и ее несовершенство. В одной из своих дневниковых записей, а он вел дневник, Миша написал:

— Человечество всегда стремилось спрятать сакральное, придать ему таинственность. Недаром в храмах разных религий есть места, куда непосвященный ступить не имеет права. Харам, или как там говорят арабы? Это легко объяснимо, ведь толпы паломников легко разберут в гербарии или на закладки для книг растение, описанное в древних текстах, растащат по песчинке храм или затрут кроссовками мозаики, по которым ступали стопы великих. Поэтому для верующих существует определенный религиозный мейнстрим, а для посвященных — толика знаний или артефактов, позволяющих выделиться в этой массе. Между тем, человечество почти не задумывалось над другим. Если есть часть веры для избранных, невидимая для широких масс, фактически табуированная, то у нее должна быть противоположность. И она есть! Это половая жизнь и все, что с ней связано. Веками плотские отношения считались и до сих пор, в некоторых религиях, считаются чем-то не то что запретным, а тем, что необходимо всячески ограничивать. К примеру, сексом можно заниматься только для продолжения рода. Понятно, что с первого раза не всегда получится, но почему не пользоваться своим телом, когда и где желаешь, если оно твое? Тем более, если это занятие доставляет удовольствие, поднимает настроение, заставляет двигаться вперед. Но... Ограничения. Запрет. Харам. Только избранные могут себе позволить прелюбодеяние: греховодники всякие и проститутки крашенные. Так и получается, что основной массе позволено лишь нечто усредненное, ограниченное с одной стороны пеленой, скрывающей тайные знания, а с другой — пологом кровати, за которым творится неизвестно что (главное, чтобы СМИ и соседи не узнали). Получается, религии сами сакрализуют интимную сферу человека. Возводят обычный, в принципе, акт любви в разряд тайны.

Эта идея настолько взволновала Бобруйского, что он пытался обсудить ее с друзьями, знакомыми и даже супругой Варварой. Но супруга подобного вальтерьянства не оценила, а после пьяного Мишиного признания о записи в дневнике еще и потребовала предъявить этот самый дневник.

— Как можно прожить с женщиной почти тридцать лет и скрывать от нее, что ведешь дневник?! — в бешенстве орала Варя, швыряя предметы на пол. — Что ты от меня прячешь?

— Варечка, милая, ничего я не прячу, — стойко оправдывался Миша.

— Какая я тебе варечка? — накручивала себя супруга. — Быстро показал свои записи.

Бобруйский был вынужден отдать жене скетчбук в переплете из затертой кожи, с таинственным словом «LIV»¹ на первой странице.

— Что значит «liv»? — прошипела Варя.

— Что я жив и здоров, — примиряюще улыбнулся Миша.

— Разве это слово так пишется?

— А что я ошибся? — прикинулся дурачком Бобруйский.

— Тебе виднее! — супруга яростно листала дневник.

— Варечка, что ты пытаешься найти в моих записях?

— Откровения про нашу с тобой половую жизнь. Или твою половую жизнь без меня!

Бобруйский отвернулся в сторону и хохотал, зажав рот огромной ладонью. Заодно похвалил себя за то, что хранил остальные пятьдесят три тетради в мастерской, под стопкой испорченных холстов.

Варя так и не нашла в дневнике ничего порочащего ее честь или доброе имя семьи. Мало того, она умудрилась спокойно заснуть на плече Бобруйского, прочитав только двенадцать страниц.

Конечно, никакой крамолы в дневниках Миши не было: одни размышления о смысле жизни, о творчестве, о человеческих качествах. Но обсуждать с супругой философские темы Бобруйский больше не решался. Кесарево кесарю, а Божие Богу. Или как там было сказано у Святого Марка?

Для бесед о парадоксах мироздания больше подходил Мишин друг и вечный собутыльник, журналист Артур Курбанов. Толстяк и тряпка. Артур прозябал за копейки в редакции, где даже главный редактор был чуть богаче церковной мыши. Поэтому пили всегда за счет Бобруйского. Ну да и Бог с ним. Главное, чтобы человек был хороший. А вот этого у Курбанова было не отнять.

Лет десять назад сразила Артура хвороба непонятной этиологии. Любое движение причиняло резкую боль, словно он умудрился ущемить сразу все нервы в своем дебелим теле. Будто растянули его в разные стороны то ли конями, то ли тракторами, а потом передумали казнить. Может времени не хватило или поняли, что ошиблись, что не представляет Курбанов из себя никакой ценности, даже для заплечных дел мастеров.

Врачи, кстати не особо-то бились над тем, чтобы выяснить причину болезни. Так, прописали обезболивающие, электрофорез и двенадцать занятий лечебной физкультурой. Курс таблеток скрюченный Курбанов, под

¹ LIV — арабское число «54» написанное римскими цифрами.

надзором жены, пропил. Со второй процедуры электрофореза сбежал пить пиво и больше не вернулся, а в физкультурный зал поликлиники только заглянул, заходить не стал.

Между тем, болезнь отступила сама. Однажды проснулся Артур, а боли как рукой сняло. Этот факт медики тоже объяснить не смогли. Разве что тем, что пациент перерос хворобу. Именно так пошутил участковый терапевт, но под хмурым взглядом Курбанова смутился и молча закрыл больничный.

Однако, как оказалось, болезнь не прошла даром. Что-то переключилось в голове у Курбанова — он заразился идеей поиска Бога. Свято уверовал, что Бог живет не где-то на небесах, а бродит среди своих творений и совершает чудеса.

Бобруйский подозревал, что во всем виноват просмотренный Курбановым во время временной нетрудоспособности фильм «Новейший завет»¹. Возможно, в состоянии телесного недуга Артур слишком близко к сердцу принял некоторые сцены в картине?

Но Курбанов всячески протестовал:

— Фильм тупой и плоский, как пересушенный на сковородке блин! Плагиатор твой Дормель — эту тему еще Достоевский в притче «Великий инквизитор» поднимал.

— Ну Достоевский мало какие темы не поднимал, — примирительно говорил Миша. — Те темы, которые он не поднимал, потом Набоков доподнял.

— Хватит хохмить, — махал рукой Артур. — Я чувствую, что прав. И я найду его!

Курбанов, похоже, немного тронулся. Мог часами бродить по улицам, заговаривать с незнакомцами, следить за теми, кто казался подходящей кандидатурой. Подобное поведение еще сильнее ухудшило финансовое положение и семейную жизнь Артура. Жена Курбанова, когда ей подруги рассказали о странности мужа, только пальцем у виска покрутила и издала звук, похожий на свист.

Зато Бобруйский нашел в Артуре не только собеседника, но и в определенной мере единомышленника, с которым можно было обсуждать неинтересные другим вопросы.

* * *

Стоя перед полотном, которое он называл «Смущение», Бобруйский вдруг подумал, что даже друг Артур не понял бы художественного замысла, а, может быть, вообще бы принялся смеяться и поносить работу.

¹ «Новейший завет» — фэнтезийная комедия бельгийского режиссера Жако ван Дормеля, вышедшая на экраны в 2015 году.

Пару минут Миша размышлял над концепцией, а потом уверенно произнес:

— Time to be a Hero¹, — схватил картину двумя руками, занес над головой и обрушил на голову мраморной статуи девушки, достающей занозу из ступни.

Боа из обрывков полотна явно бы помешало живой девушке избавиться себя от дискомфорта, но в эстетическом плане выглядело достаточно ново и смело.

— Вот, — задумчиво произнес Миша. — Так и рождаются великие шедевры. Чисто случайно.

Глава 4. В начале была рюмка

«Нужно уметь закрывать скучную книгу... уходить с плохого фильма... и расставаться с людьми, которые не дорожат тобой»
(Александр Грин)

— Пытаясь встретить Бога среди людей, ты рискуешь нарваться либо на самозванцев, либо сам знаешь на кого, — авторитетно заявил Миша Бобруйский, наливая самбуку Артуру. — Так можно просто исчезнуть, как будто тебя и не было. И кто станет тебя искать? Жена, коллеги, уголовный розыск?

Артур вздрогнул, потянулся за рюмкой и уронил на пол вилку. С тяжелым вздохом — шарообразный живот давал о себе знать — нагнулся, поднял столовый прибор и подул на него с разных сторон.

Курбанова раздражали не только поверхностное мышление друга, но и алкогольные пристрастия Миши. Они любого могли довести до кариеса и сахарного диабета. Почему нужно пить только сладкие спиртные напитки? Это для Артура оставалось главной загадкой в широкой Мишиной душе.

Виски «Далвини Молт» или «Вудфорт Резерв», коньяк «Аралат «Ахтамар» или «Бехеровка», «Джим Бим «Хани» или «Куантро». Миша постоянно выставлял на стол что-то настолько же экзотическое, насколько и приторное. Конечно, в наше время и водку без сахара не найти, но все хорошо в меру.

Миша, моложавый франт пятидесяти пяти лет, в жилетке, бабочке и изящных очках, выдержал паузу. Он полюбовался на собственное отражение в стеклянных дверцах югославской стенки, стоящей напротив стола, и поправил прическу.

¹ «Время быть героем» (английский).

— Ну, дружище, дернем, — наконец произнес Миша и сжал рюмку в огромной ладони землянички.

«Все почему-то думают, что у художников изящные и вялые кисти рук, — думал Артур. — На практике это не так». В руке Миши легко помещался грейпфрут больших размеров, а уж силы ему было не занимать. По его рассказам, еще во время учебы в академии Бобруйский занимался тем, что натягивал на подрамники холсты своим однокурсникам. Из любви к искусству натягивания и из симпатии к женскому полу.

Выпили. Закусили квашеной капустой. Обычной, с тмином. Супруга Миши уехала к маме, а он, приглашая в гости Артура, заявил, что дома всё есть, и ничего нести не надо. Как оказалось, под «всё есть» Миша подразумевал огромную эмалированную бадью с капустой и небольшой кусочек сала. И еще полный бар крепких спиртных напитков. Все сладкие.

— Ну, как? — спросил Миша, блаженно закатывая глаза.

— Богомерзко!

— Почему? — расплылся в улыбке Миша.

— Закусывать самбуку квашеной капустой — все равно, что посыпать пирожные черным перцем и есть их с селедкой.

— Ничего, — продолжил блаженно улыбаться Миша. — Это только в начале. Потом пойдет нормально.

Он был непробиваем, поэтому Артур сменил тему:

— Если пить столько, сколько мы, можно однажды исчезнуть и без помощи сам знаешь кого. Жена называет меня толстым дурнем, не знающим меры в пьянстве.

— Тю-ю-ю! — то ли присвистнул, то ли пропищал Миша. — Инстинкт напиваться такой же древний, как и желание бегать за самками.

— Мне кажется, последнее чуть древнее.

— Не знаю – не знаю! Даже человекоподобные мартышки выискивают в джунглях ямки с забродившими плодами и устраивают пир.

— Мартышки-женщины тоже?

— Все, — огромная рука Миши потянулась за бутылкой, чтобы налить еще.

— Почему же мужчины пьют чаще и больше?

Самбука медленно полилась в рюмки.

— Потому что самцы-мартышки понимают — браги на всех не хватит, и отгоняют самок по праву сильного. Это поведение закрепляется в памяти поколений и генах, — авторитетно заявил Миша.

Логика в рассуждении была.

— Зачем же тогда изобрели водку? — поинтересовался Артур.

— Для удешевления процесса. Ну, давай! По третьей, чтобы наши женщины нас любили!

— А мы отгоняли их от забродивших яблок.

— Сечешь, — засмеялся Миша.

Выпили по третьей. Квашенная капуста хрустела на зубах и примиряла с действительностью. Артур откинулся на спинку дивана и принялся рассматривать вышитую икону, висящую около шкафа. Над головой Иисуса огромным зонтиком нависал невнятный нимб из золотистых ниток, больше похожий на мухомор с точки зрения муравья.

— Такие картины моя бабушка называла гобеленами. Раньше на них изображали оленей с ветвистыми рогами. На фоне дубовой рощи, — заключил Артур.

— Супруга вышивала.

— Талант у твоей супруги, — откровенно соврал Артур.

— А то. Если бы ты видел, как она однажды вышила золотую осень, ты бы захотел себе такую же.

— С оленем?

— Не-е-ет, просто деревья, — Миша с восторгом рассматривал вышитого Христа.

— Тогда поясни мне, почему здесь висит не золотая осень, а Бог?

Мишина голова медленно, как башня танка, повернулась в сторону Артура, но выражение лица осталось все таким же, улыбающимся:

— Потому что Бог должен быть везде.

— Согласен. Мне даже кажется, что Бог должен быть где-то среди нас. Стоять с нами в очередях, орать во время футбольных матчей, помогать старушкам переходить улицу.

Миша протянул руку к кастрюле с капустой, на миг закрыв ее ладонью.

— Очень правильно мыслишь, мой друг. Ты все еще ищешь Бога среди нас?

— Пытаюсь, — вздохнул Артур.

— Расскажешь, если найдешь, — улыбнулся Миша.

— В последнее время меня тревожит другое.

— Что? — Миша посерьезнел и стал похож на профессора, принимающего экзамен.

— Если по земле бродит Бог, то может бродить и дьявол.

— Все может быть, дружище. Но его ты, как я понимаю, повстречать совсем не хочешь.

— Нет, — ответил Артур.

— То-то и оно. На планете, где живут почти восемь миллиардов человек, можно легко спрятаться. Кроме того, представители добра и зла, скорее всего, носят маски.

— Какие?

— Любые, — Миша снова разлил по рюмкам самбуку. — Седого старца с посохом. Девки, покрытой татуировками. Майора, мечтающего стать генералом. Ребенка с куклой... Ладно, не туда мы с тобой забрались. Давай выпьем. Четвертый, кстати, — за мужиков.

* * *

Таксист вел машину так, словно хотел угробить и себя, и пассажира. Резко уходил в повороты, проскакивал светофоры на желтый, перестраивался перед самым носом у других водителей.

— Может быть, у вас что-то случилось в жизни? — поинтересовался Артур.

— Не понял.

— У вас, как бы это выразиться, очень агрессивная манера вождения.

— Многие так говорят, — не обиделся таксист. — А что?

— Страшно.

— Серьезно? — обернулся таксист, и Артур пожалел, что затеял этот разговор — с такой манерой вождения обороты назад были чистым самоубийством.

Возникла мысль — попросить таксиста остановиться. Но проехали еще только полпути, поэтому Артур сжал зубы и достал мобильник, чтобы отвлечь себя чтением новостной ленты.

— Вы сами кем работаете? — таксист решил продолжить беседу.

— Журналистом.

— Ого! Пишете передовицы о новых коровниках и о старых звездах эстрады?

— Пишу о проблемах в семейной жизни, — нехотя ответил Артур.

— Хах! И в чем главная проблема семейной жизни?

— Честно?

— Нечестно я и сам могу, — весело огрызнулся таксист, и машина с визгом повернула налево.

— В том, что у мужа не стоит. А если стоит, то на другую, — вздохнул Артур и снова пожалел, что ввязался в разговор с водителем, потому что от хохота таксист скрючился за рулем.

— Ну вы даете! Вот это я понимаю, честный ответ. Поймите, есть же «Виагра».

— Во-первых, она достаточно дорого стоит, во-вторых, не будете же вы пить «Виагру» каждый день. В-третьих, она не всегда приводит к желаемому результату.

— Как это?

— Один мой знакомый перед свиданием выпил две таблетки, вышел из подъезда и решил поехать на общественном транспорте. Лучше бы такси вызвал. Когда он выходил из троллейбуса, пришлось повесить на крючок ниже пояса плащ, чтобы не смущать входящих.

Таксист усмехнулся, повернул голову назад и кивнул:

— Это случаем не с вами произошло?

Артур покраснел и сдвинул ноги. Дальше ехали молча.

Выйдя из машины, Артур достал пачку сигарет и закурил. Огромная луна висела над соседним зданием. С детской площадки доносились пьяные крики гуляющей молодежи. В воздухе пищала невидимая летучая мышь. Над головой еле слышно шелестела листва. Таксист развернулся, зачем-то мигнул фарами и умчался на новый заказ.

На душе было тяжело. Нет, история с двумя таблетками «Виагры» была не про него, хотя и произошла в реальности. Но в чем-то водитель оказался прав: в последнее время в квартире Артура, в шести разных местах, хранилась «Виагра». На всякий случай, вероятность которого стремилась к нулю. Сексуальная жизнь в семье давно угасла, как догоревшая свеча, оставив после себя горьковатый запах истлевшего фитиля. Поэтому, когда три года назад главный редактор предложил Артуру вести рубрику «Семья: семь бед — один совет», он согласился.

Однако личная жизнь за три года не улучшилась. Жена пилила Артура за небольшую зарплату, за растущий над брючным ремнем живот, за слабую половую конституцию и за еще целый список мелких и крупных грехов.

С детской площадки донесся громкий девичий визг и хлопки, будто кто-то не очень сильный лупил кого-то массивного и безразличного по спине или по груди. Артур бросил окурочок на землю и растоптал его.

* * *

— Катерина, я вернулся, — крикнул Артур, в узком коридорчике стаскивая с ног запыленные, трескающиеся по бокам ботинки.

— Нагулялся? — ради приличия поинтересовалась жена. Через раскрытую дверь комнаты были видны только полные, ухоженные ноги.

— С Мишей душевно посидели.

Супруга ничего не ответила, и Артур прошлепал в ванную, где умыл багровое лицо, швырнул рубашку и носки в корзину с грязным бельем и посмотрел на себя в зеркало.

— «Свет мой зеркальце скажи...» — Артур процитировал Пушкина и осекся. Из зеркала смотрело отекавшее лицо с густой сеткой морщин вокруг покрасневших глаз.

Смотаться бы в Турцию — только без жены — позагорать, искупать-

ся. Ракия там мерзкая, конечно, зато бесплатная. Завести небольшую интрижку, встряхнуться. Может, и в сексуальном плане что-нибудь перепадет. Хотя на что лететь? Отложенной на черный день сотки баксов будет явно маловато. Взять что ли кредит в банке? А как потом отдавать? На что жить?

Артур похлопал по объемному животу и опустил голову вниз, чтобы посмотреть на половой орган, но кроме огромного волосатого пуза ничего не увидел. Пришлось засунуть руку в трусы и проверить наощупь.

Артур поморщился — в школе они называли такое положение дел «зеркальной болезнью», и преследовали бедного Мешкова, который уже тогда был похож на героя из фильма «Три толстяка»: тучного, медлительного, с частями тела, вылезаящими из вечно узких рубашек.

— Мешков, а как лечится зеркальная болезнь?

— Не понял!

— Конечно, не понял, — у тебя же мозги жиром заплыли!

После этих слов разъяренный толстяк долго гонялся за одноклассниками, но сам факт того, что можно кого-то унижить, в те годы казался чем-то само собой разумеющимся. На втором курсе университета Мешков спрыгнул с крыши двенадцатиэтажного общежития. Говорили, что из-за несчастной любви.

Тогда Артур воспринял эту новость без эмоций. Спрыгнул и спрыгнул, каждый сам Икар своего счастья. Лишь лет двадцать спустя, когда Артур работал над статьей про рост суицидов среди подростков, внутри заскребло-зашевелилось. Он скурил не одну сигарету, размышлял над тем, что сейчас принято называть буллингом, и осознал весь трагизм судьбы Мешкова. Впервые стало противно за свое поведение — Артур даже в церковь ходил, покаялся; не помогло. Есть вещи, которые нельзя отмолить. Он скривился от воспоминаний, вздохнул и вышел из ванной.

Катерина лежала перед включенным телевизором, но смотрела в экран айфона и улыбалась.

— Что тебя так веселит? — Артур лег рядом с женой на заскрипевший диван, потянулся, чтобы поцеловать.

— Фу-у-у! Вонючий, — мягкая и теплая ладонь уперлась в щеку, отталкивая. — Еще и небритый. Курбанов, ты с каждым днем все больше опускаешься.

Артур обиженно дернулся, сел спиной к супруге и уставился в геометрический рисунок ковра. По телевизору шла передача об африканских хищниках. В полутемной комнате было душно, пахло парфюмом. Жена хохотнула.

— Можно тебя спросить? — хрипло произнес Артур.

— Спрашивай, — весело отозвалась супруга.

— У тебя кто-то появился?

Повисла пауза. Артур ожидал услышать все, что угодно. От: «Пить надо меньше!» — до: «Что за бред?!» Однако Екатерина, не меняя веселого тона, ответила:

— Тебе-то что?

— Хотел передать ему «Виагру», — ляпнул Артур и сразу же пожалел.

— Поверь, ему она не нужна, — захохотала супруга.

Глава 5. У Бога были и слово, и молчание

«Ты дал Кальтенбруннеру власть, ибо всякая власть от Бога...»
(Гадеуш Боровский)

Игнат и Ава гуляли по раскаленному городу. На фоне спортивного гиганта девушка ростом метр восемьдесят казалась невысокой, даже миниатюрной. Она постоянно щурилась, и Игнат часто ругал ее за то, что она ходит без солнцезащитных очков. Может испортить зрение. Ава отшучивалась, что вечно забывает их дома. На самом деле, щурилась она потому, что за последние два года зрение упало из-за постоянного чтения. Но носить обычные очки при Игнате Ава не решалась. Он не любил очкариков, ботаников и умников с бородами, называя их неполноценными извращенцами.

Прохожих почти не было. Лишь гонял на самокате малыш в синей кепке, и сидели на лавочках в тени бабушки, похожие на мешки картошки, в тапках и косынках.

— Как свадьба? — поинтересовалась Ава.

— Нормально, — пожал плечами Игнат. — Я же тебе звонил в полвторого, когда разъехались. Понапивались все.

— Так сильно все упились? На свадьбе?

— Почти все. Кроме меня, — равнодушно ответил Игнат.

— И девушки? — удивленно взглянула Ава, поправляя волосы.

— Я за ними не следил. Но они тоже шатались.

— Ты у меня просто молодец, — Ава обхватила Игната за талию. Идти сразу стало неудобно, и парень высвободился.

На площади перед библиотекой, у фонтана, построенного еще в послевоенное время, собралось с десятков человек. Они, затаив дыхание, слушали старика в выбеленной льняной рубахе с распахнутым воротом и шляпе из соломы с большими полями, а тот читал по смятому листку бумаги:

— У Бога были и слово, и молчание. Бог выбрал слово. И появился мир. Обжигающее солнце, комариные сумерки и беспроглядная ночь. Бушую-

щее море, непостоянство ветра и гранитная твердь. Кольшущееся разнотравье, стремительный бамбук и загадочный тис. Гибкая сколопендра, юркая крыса и поджарый волк. Только что созданный Адам уединился и долго рассматривал тело, теребя непонятный кусок плоти, которого не было у женщины. В это время обнаженная Ева блуждала по лесу, чтобы хоть чем-то себя занять, и нашла ямку с закисшими яблоками. Из чернотурых осклизлых плодов выполз змей с блестящими глазами и скрылся в густой траве у подножия дерева. Ева набрала и принесла мужу странных земных плодов. Тот отведал угощение, почувствовал легкое головокружение и подмял под себя мягкое женское тело. Так появилось человечество. Оно изобрело колесо, зубную щетку и обосновало понятие греха...

Люди вокруг заплодировали. Ава тоже захлопала в ладоши. Игнат снисходительно посмотрел на нее, а затем дернул за рукав:

— Пойдем.

— Тебе не понравилось? — шепотом спросила Ава.

— Бред какой-то. Что это вообще такое?

— Литературные чтения. Сегодня читает публицист и философ Петь Валетов. Вот он, — Ава махнула рукой в сторону человека в соломенной шляпе. — Чтения здесь проводятся каждую субботу.

— Зачем? — удивился Игнат.

— Ну, люди иногда пишут стихи или прозу, а потом делятся друг с другом написанным.

— Эта толпа пенсионеров — писатели? — развеселился парень.

— Конечно. Может быть, в ней есть несколько любителей изящной словесности, но, в основном, — да, писатели. Ты их как-то иначе представлял?

— Вообще никак не представлял, — равнодушно ответил Игнат.

— Почему? — спросила Ава и тут же отругала себя за дурацкий вопрос.

— Они мне не интересны, — буркнул Игнат. — Особенно пятый валет.

Пару минут помолчали. Затем Ава поинтересовалась:

— Ты прочел книгу Стефана Цвейга, которую я давала?

— Неа. Времени нет, — честно ответил Игнат.

— Я же тебе ее еще на Новый год дала!

— И?

— Сейчас август.

— И? — смеялся Игнат.

— Там же новеллы коротенькие. Про любовь. Ты обещал, что прочтешь, — капризно напирала девушка.

— Ни-че-го я те-бе не о-бе-щал, — по слогам произнес Игнат.

— Обещал! — настаивала Ава.

— Если обещал, прочту. К пенсии.

Ава промолчала. Приблизились к зданию старой библиотеки.

— Фу-у-х! Дошли, — выдохнула девушка и подергала ворот платья. — Жара!

— «In principio erat Verbum»¹, — прочитал Игнат слова, выбитые на высокой, каменной арке у входа.

— Это латынь, — благоговейно заметила Ава.

— Вижу, что не английский.

Ступая по шербатым гранитным плитам, молодые люди сделали шаг из солнечного лета в холодный полумрак. Внутри пахло старыми книгами и кофе.

— Почему в библиотеках всегда так темно? — спросил Игнат. — Должно быть наоборот. Удобнее читать.

— Что значит — темно? — отозвалась еле видимая Ава.

— Темно, как в подземелье, как в...

— Продолжай... — обрадовалась Ава неожиданной игре в слова.

— У строителей не хватает денег на окна? Или библиотеки должны быть похожи на внутренность печки? — недовольно спросил Игнат.

— Возможно, в последнем твоём вопросе уже содержится ответ, — вздохнула Ава. — Люди часто считают, что все их беды от греха знаний и время от времени жгут библиотеки. Концы прячут в воду — бумажные знания выметают огнем. Помнишь у Умберто Эко — чтобы скрыть пропажу ценного манускрипта, устроили пожар в библиотеке?

— Не знаю я никакого Умберто Эко, — Игнат разозлился.

Ава легонько коснулась его локтя. Игнат всегда раздражался, когда чувствовал, что знает меньше подруги.

В кармане Игната зазвучала танцевальная мелодия, и он достал айфон. В темноте библиотеки ярко светилось надкушенное яблоко на задней, стеклянной панели. Молодой человек перевернул гаджет, сбросил звонок и засунул устройство обратно.

— Кому ты понадобился в субботу? — Ава стала грустной.

— Да так, — махнул рукой Игнат и сделал еще один шаг в темноту.

Внезапно он больно схватил Аву за руку, притянул к себе и сжал в объятиях. Требовательный язык раздвинул губы девушки и проник внутрь. Из-за бугристых мышц Игната возникало ощущение, что ее обнимает не парень, а разогретая на солнце мраморная статуя. И хотя Ава никогда не обнималась со статуями, это сравнение ей нравилось. Она чувствовала себя хрупкой и незащищенной. В такие моменты Игнат полностью властвовал над ее телом.

Несколько минут они жадно целовались. За это время глаза постепен-

¹ «В начале было Слово» (латынь).

но привыкли к сумраку библиотеки. Слева проявилась стойка для регистратора, за которую кто-то остроумный поставил человеческий скелет. Справа — шкаф для бумаг со стеклянными дверцами, заклеенными белыми листами бумаги.

— Жутковато, — сказала Ава. — Как в домике колдуньи.

— Как в домике маньяка, — хмуро ответил Игнат.

Из темного коридора они прошли в огромный зал библиотеки, ярко освещенный лучами солнца, падающими из узких окон, расположенных в верхней части стен. В ниспадающих вниз столбах света плавали пылинки. Было тихо и душно.

— Ты литсексуал? — внезапно спросила Ава Игната.

— Литература меня не возбуждает.

— Литсексуал — человек, у которого сексуальное желание вызывают герои книг.

— Серьезно? — брови Игната удивленно поднялись. Опять извращения.

— Ты бы с кем из книжных героинь хотел переспать?

Игнат задумался, но не смог вспомнить ни одной героини, кроме бабки, которую зарубил топором какой-то ботаник-педофил наоборот, поэтому ответил:

— Они все пыльные.

— Вижу, что в твоей верности можно не сомневаться.

— Пока я в библиотеке — можно.

Ава погладила друга по каменным ягодицам:

— Свинёнок.

— Что мы здесь забыли?

— Второй том дневников Байрона. Это английский поэт, уже мертвый.

— Он тебя возбуждает?

— Перестань, — улыбнулась Ава. — Он жил двести лет назад.

— Его стихов нет в интернете?

— Мне нужна бумажная книга, — упрямо произнесла девушка и направилась к сотруднику библиотеки — мешкообразному, курносому старику с седыми бакенбардами и в залатанном свитере. Образ довершали очки в толстой оправе.

Игнат отошел в сторону. Минуту он наблюдал за изящной, длинноволосой Авой, склонившейся к персонажу, похожему на циркового клоуна, одним видом вызывающего отвращение.

«Клоуны, — думал Игнат. — Сами по себе мерзкие создания, как и обезьяны. Коверкают человеческую природу, вызывают беспричинный смех и еще, говорят, из канализации за детьми охотятся. Пеннивайзы».

И этот поэт. Баран или как там его? Зачем он моей девушке? Жил непонятно сколько лет назад, явно не наш, а приезжий. Наверное, на африканца,

как этот... Пушкин, похож. И теперь его читать? Ладно там стихи еще, в рэп переложить можно. Но воспоминания? Что он такого в жизни сделал? Египет завоевал? Королеву соблазнил? Миллионером стал? Явно же стихи писал и жен чужих сводил.

Игнату стало не по себе. Вдруг, пока он с рыжей той кувырчался, Ава тоже с каким-нибудь писателем отрывалась. Пусть даже с тем стариканом в соломенной шляпе пчеловода.

Петь Валетов. Это его мама родная так назвала? Что от людей с таким именем ожидать можно? Только извращений всяких? Он же читал там что-то про Адама, насилующего Еву по пьяни. Или они были мужем и женой? Да какая разница! Все мужчины — насильники и извращенцы, а женщины — проститутки. Марина же звонила через два дня, хоть я и не оставлял ей номер. Просила встретиться. Зачем? Уводить ее у мужа-очкарика я не собирался. А что было, то было. Не надо напиваться. Пусть теперь мучается. Но даже это доказывает, что сегодня нельзя никому доверять. Плешивый, трясущийся старец может оказаться еще тем козлиной и соблазнить чужую девушку или жену, как очкарик малолетку в кустах.

Игнат сощурился, затем полностью закрыл левый глаз, в который попал солнечный луч. Так оказалось легче представлять, что седой педофил-библиотекарь помогает студентку-спортсменку, стараясь увлечь ее за покрытые паутиной книжные полки. Там он обязательно совратит чужую жену или надругается над невинным телом девушки. Игнат чувствовал, как внутри закипала неконтролируемая ярость.

Все они, очкарики, на одно лицо. Вроде дохлые на вид, а стоит отвернуться — уже рассказывают твоей девушке сказки о баранах и на ее грудь похотливо поглядывают. Вон — смотрит ей в сиськи, делает вид, что она высокая! И как вообще нужно относиться к этому старчески-очкастому сброду? Умаров говорил, что жалость — это страх. Но жалость бывает к Руслану, если ему хорошенько в голову въедут. А эти со стекляшками для глаз никогда жалости не вызывали. Значит, их вообще можно давить, как лягушек!

Игнату захотелось подбежать к лохматому Пеннивайзу и пнуть его ногой в спину. Смотреть, как он грохнется на пол, разобьет очки, будет возмущенно барахтаться и подниматься на ноги. Нет, лучше — сжечь всю эту мерзкую богадельню. Что там Ава говорила про очищение огнем?

Когда Ава со стариком направились за стеллажи, Игнату пришлось приложить максимум усилий, чтобы не сорваться с места.

Нет! Хватит проблем из-за хулиганства. Отец из дома выгонит, если узнает, что Игнат подрался в библиотеке. Да и с кем здесь драться? С этим старым пердуном? Пусть пока себе бродит, рассыпая песок по стертому полу.

Чтобы отвлечься от захватывающих мыслей о расправе над очкариками и их гнездом, Игнат достал айфон и разблокировал. Несколько минут назад набирала Буська.

Понятно, что Ава знает, кто ему звонит, но всегда делает вид, что ничего страшного не произошло. Интересно, ждет свадьбы, чтобы потом скандалы устраивать? Или — уверена в своем превосходстве? А Буська знает, что Игнат гуляет с Авой, поэтому и набирает. Чтобы подергать. Коварные дурочки.

Ярость в душе уступила место приятному осознанию — его хотят сразу обе. Не каждый может похвастаться таким вниманием девушек, как он. Хотя и не каждый может похвастаться такой рельефной мускулатурой, как у него.

Игнат пару раз перевернул айфон в руке и спрятал в карман.

Сегодня моей девушкой будет Ава. А Буська пусть отдыхает, приучается к порядку и ждет своей очереди. Девушек, как и собак, нужно дрессировать. Примерно так говорил отец: «Жену нужно воспитать под себя».

Смысл этой фразы долго оставался непонятен. Но в последние годы стало ясно — между дрессировкой и воспитанием можно ставить знак равно. К чему приучишь свою будущую жену, так она и будет вести себя в последующие годы. Либо примется постоянно тебя пилить, либо привыкнет к своему месту. К примеру, на прикроватном коврик. Только так.

Ава вернулась из-за полок, приблизилась к Игнату. За ней семенил гнусный старикашка. В руках у девушки была темная книга в потертом переплете. Таким место на мусорке, а не в женских руках. «А может бросить Аву? — пронеслось в голове. — Зачем мне жена в очках? Похожая на бедную учительницу».

— Есть второй том воспоминаний, — Ава потрясла книгой перед лицом Игната. Глаза ее светились от счастья.

— Поздравляю, — натянуто улыбнулся парень.

Девушка уловила это настроение:

— Что-то случилось?

— Случилось. Подумал, что будет со всем этим б... богатством, если кто-то решит поджечь библиотеку?

— Что вы, молодой человек? — задрезжал из-за спины Авы голос клоуна в побитом молью свитере. — Кому в голову придет дикая мысль — поджечь библиотеку?

— Мир не без добрых людей, — процедил Игнат, чувствуя, как лицо цепенеет от превосходства над этими убогими.

Старик-библиотекарь от изумления приоткрыл рот. Он пару секунд смотрел на посетителя, покусывая синеющую губу, и наконец произнес театральным голосом:

— Молодой человек, великий Гейне говорил: «Там, где сжигают книги, будут гореть и люди».

— Знаю я ваших фашистов, — буркнул Игнат. — Гитлер, Гиммлер, Гейне!

— Как?! — обескураженно воскликнул клоун. — Гейне жил за сто лет до Гитлера и Гиммлера. И вообще он был еврей!

Ава схватила Игната за руку и потянула к выходу из библиотеки. В глазах у девушки набухали слезы.

Глава 6. Умвельт,¹ или место встречи не назначено

«Два человека должны быть друг другу
необходимы»

(«Июльский дождь», Марлен Хуциев)

Кафе — место, где вы тратите деньги на кофе, чай и сладости, а в благодарность оно крадет ваше время. Незаметно и вероломно.

Артур ненавидел кафе. Он не понимал людей, которые купят чашечку эспрессо, откроют ноутбук и полдня смотрят с отрешенным видом в окно. Скорее всего, персонал кафе тоже без особой любви относился к одиночным постояльцам.

Но сегодня, в день аванса, Артуру кафе показалось самым подходящим местом для посиделок. Визит в ресторан или поездка к другу Мише могли подтолкнуть к многодневному запою. А в ситуации, в которой Артур оказался из-за семейных проблем, запой мог легко закончиться летальным исходом. В кафе же можно было посидеть за копеечной чашкой кофе, поглазеть на посетителей, отвлечься от собственных проблем.

Супруга даже не стала объясняться после признания о любовнике. Просто перестала разговаривать, а через несколько дней заявила, что подала на развод и будет жить у другого. Вот и «семь бед — один совет».

Заведение называлось «Piacere»². Владельцы кафе постарались придать ему итальянскую аутентичность. Стены, отделанные искусственным камнем. Сводчатые потолки и арочные окна. Вежливые официантки и белые скатерти. Дубовая мебель и мягкие стулья. Напротив Артура на стене висела гравюра Дюрера «Грехопадение человека». Не сама гравюра, конечно,

¹ Умвельт — часть окружающего мира, которую мы способны осознать. Всё остальное — умгебунг.

² «Очень приятно» (итальянский).

а фотокопия. И не до конца было понятно, какое отношение она имеет к заведению?

На гравюре Адам, напоминающий Джима Моррисона в последние годы жизни, обнимался с Евой, похожей на Венеру Боттичелли. Змей, как и положено, сползал с дерева. Чуть ли ни четверть изображения занимал гигантский барсук, который шел по своим делам. Сюжет незамысловатый, но топовый.

— Почему это висит здесь? — поинтересовался Артур у официантки.

— Картина входит в наш стайл бук. Будете еще что-нибудь заказывать?

— Да. Яблоко.

— Не поняла.

— Яблоки есть?

— Нет. К сожалению, нет.

— Тогда повторите эспрессо.

— Пару минут.

Артур вышел перекурить, вернулся обратно и продолжил изучать барсука на гравюре. В проходе появилась девушка на высоких каблуках, в вечернем платье с большим вырезом. У нее была пышная прическа, чем-то напоминающая голову медузы-горгоны, которая перемудрила с плойкой.

— У вас свободно? — поинтересовалась незнакомка, обдав Артура ароматом парфюма, как волна, бьющая о берег — сыростью.

— Нет. Я жду.

— Как жаль, — томно произнесла девушка на каблуках, окидывая собеседника лъстящим взглядом. — Вашей избраннице повезло.

— Я жду Бога.

— О, как! — незнакомка споткнулась и с удивлением приблизила к Артуру лицо. Сквозь аромат парфюма пробился запах перегара.

Артур поморщился:

— А вы, наверное, проститутка?

— Я твой бог, — захохотала гостья и упала на стул за столиком. — Угостишь просекко?

— Угощу, — ответил Артур, рассматривая самозванку. Ее лицо скрывал толстый слой макияжа. На губах — ярко-красная помада. А вот цвет глаз узнать было сложно. Они казались водянистыми: то ли серыми, то ли голубыми, то ли вообще зелеными.

Официантка поставила перед Артуром чашку кофе, осуждающе посмотрела на гостью.

— Бокал просекко для девушки, — нейтральным голосом бросил Артур, и официантка исчезла.

— Не для девушки, а для твоего бога, — показала белые зубы незнакомка.

— Доказательства есть? — Артур отпил горький кофе, игнорируя лежащий на блюде пакетик с сахаром.

— От отсутствия доказательств до атеизма — один шаг!

— Как и от атеизма до веры.

— Хитер! — женщина закатила глаза. — Или — безумен. Кто станет ждать Бога в этой дешевой забегаловке, когда через пару кварталов есть хорошее кафе?

— Какую забегаловку могу себе позволить, в такой и сижу. Ты тоже материализовалась здесь, а не там.

— Оттуда изгнали, — собеседница кивнула головой так, что показалось — пышный стог волос сейчас упадет на столик, накроет его, а пряди окажутся у Артура в чашке.

— Изгнали профессии ради?

— Ради человеческого равнодушия.

— Красиво говоришь.

— Как умею.

Официантка принесла бокал просекко, покрытый конденсатом.

Гостья сделала большой глоток и заметила:

— Так ты значит насмотрелся фильма «Новейший завет»?

— Не люблю его.

— Почему?

— Любовник Катрин Денев там похож на гориллу.

Женщина захохотала так громко, что люди за соседними столиками оглянулись.

— Почему же ты решил, что Бога можно встретить среди людей?

— Как минимум, один раз он здесь уже был.

Мало быть красавицей. Нужно быть самой красивой. И чтобы это признавали другие. Иногда встречаются женщины, за ночь с которыми отдашь все, но нам что-то мешает: страх, воспитание, недостаток времени. Но случается, что мы попадаем в ситуации, когда перед нами сидит «ангел чистой красоты», а ничего не хочется.

— Ты давно ищешь Бога по ресторанам? — поинтересовалась женщина.

— Лет пять-семь.

— Идея странная сама по себе, ты не находишь?

— Я верю в то, что Бог ходит среди людей.

— Почему? — незнакомка наклонилась к Артуру.

— Во-первых, мы сотворены по его образу и подобию, а значит — он легко может смешаться с толпой. Во-вторых, сидеть где-то в наблюдательном пункте, в космосе, одиноко и скучно, а на земле, куда не ступи, что-нибудь да происходит.

— Почему ты уверен, что Бог не является Папой Римским или Далай-ламой?

— Ну... они не совсем обычные люди. У них святость и власть.

— Но всякая власть от Бога. И святость, кстати, тоже.

— Согласен. Но такой вариант слишком банален. Мне кажется, Богу ближе простые люди. Ведь Иисус проповедовал среди бедняков, а не лез к первосвященникам или во дворец к прокуратору.

— Забавно, — женщина смотрела на Артура с легкой грустью. — Но я так и не поняла, какие у тебя ориентировки, что ли, для поиска? Что подскажет тебе, что ты нашел Бога. Вряд ли он сам признается в этом.

— Вокруг него должны происходить чудеса, ведь он не может отказать себе в том, чтобы их творить. Например, посмотрел Бог на человека, и тот отходит в сторону, а через мгновение на место, где он стоял, падает бетонный столб. Это и есть чудо: значит, Бог где-то рядом.

— А если ты сам Бог?

— И ищу Бога?

— Ну надо же тебе чем-то заняться. Ходишь — ищешь самозванцев, типа меня. И маску слегка поехавшего головой надел, чтобы люди не догадались.

— Нет. Я не он.

— Честно скажу, загрузил, — нахмурила брови незнакомка и сделал еще один глубокий глоток. — Пойдем ко мне, у меня есть виски и жареная картошка.

Артур вздрогнул и замотал головой.

— Ты красивая, но у меня нет денег.

— Врешь, — женщина почти легла на стол. — Если нет денег, в кафе не ходят. Учитель?

— Журналист. Пишу о проблемах семейной жизни.

— Вау! — собеседница откинулась на спинку стула. — Мне кажется, у тебя самого проблемы с личной жизнью.

Артур несколько мгновений пристально смотрел на женщину, потом ответил:

— Так уж получилось. Жена ушла к другому...

— ...спортивному, успешному, богатому. И, самое главное, он не страдает херней в виде поиска Бога в кафе, верно?

Артур сжал зубы и промолчал. Собеседница допила просекко, покрутила бокал в руках и назвала сумму.

«Хорошо живут эти путаны, — думал Артур. — Моей зарплаты хватит только на два визита к ним. Отдать ей все деньги? Есть отложенная сотка. Отложенная на что?! На похороны, на визит к стоматологу? На черный день? Какой день будет чернее сегодняшнего?»

— Эй! Ты что завис? — подергала столик женщина.

— Дорого.

— Ладно. Уговорил. Для хорошего человека пятидесятипроцентная скидка. Идешь?

На улице собеседница взяла Артура под руку, словно женщиной был он, а не она, и почти поволокла куда-то вдоль дома во дворы.

— Разве учителя тоже ходят к проституткам? — поинтересовался Артур, чтобы что-то спросить.

— Не поверишь, ходят. Но не все поголовно. И не называй меня больше проституткой.

— А как?

— Я — Ирина.

— А я — Артур.

— Рада знакомству.

— Я думал учителя не такие, что они блюдут моральные нормы.

— Пфф! Мне кажется, ты слишком долго был замужем и утратил связи с реальностью.

— Был женат, — запротестовал Артур.

— В твоем случае вернее будет сказать — был замужем. Людям важнее избавиться от сексуальных проблем, чем блюсти моральные нормы. Вопросы?

— Священники к тебе тоже ходят?

— Так, стоп! Допрос окончен, — Ирина быстро провела клиента мимо сидящих на лавочке старушек и толкнула в подъезд.

В лифте она уперлась грудью в Артура, закинула голову и закусилась нижней губой. От близкого соседства с незнакомкой и предчувствия непривычного секса он почувствовал смутное пульсирование ниже живота. И в этот же момент в мозгу появилась и начала расти мысль: «Не получится. Ничего не получится. В самый ответственный момент он подведет».

— Опять куда-то провалился, — усмехнулась Ирина. — Ты как пришелец — все время ускользаешь в другое измерение. Боишься в первый раз?

Артур пожал плечами. Ему было страшно и интересно одновременно. Никогда еще он не пользовался сексуальными услугами за деньги. И тут он почувствовал, что женская рука стала осторожно поглаживать его между ног.

Вопреки ожиданиям, квартира совсем не походила на логово разврата. На стенах не висели плети, наручники и костюмы из латекса. Обычное недавно отремонтированное жилье: натяжные потолки, покрытые штукатуркой стены, на полу — ламинат.

Ирина швырнула сумку на пол, к шеренге туфель на каблуках, искомандовала:

— Душ — направо, кровать — налево.

— Может я без душа? — проворковал Артур.

— Без душа можно за полную стоимость, а пятидесятипроцентная скидка подразумевает, что на душ и некоторые другие неудобства ты уже согласился.

Артур вышел из ванной и, прикрывая причинное место руками, пошел в спальню.

— Ложись в постель. На столике — маленький подарок от фирмы.

В спальне стояла огромная кровать, на которой уместились бы человек десять-пятнадцать. Двое не ней смело могли заниматься спортивными соревнованиями: борьбой сумо или игрой в сквош. Кроме лежбища в комнате стояли два прочных, железных стула и невысокий стол из грубых, неотесанных досок. В углу, около зашторенного окна, помещение пронзал металлический шест.

Артур присел на краешек кровати и уставился на столешницу. Ее покрывал слой порнографических журналов, поверх которых неровно стоял расписной китайский поднос с рюмкой коричневой жидкости и таблеткой на блюдце. По запаху содержимое рюмки напоминало виски. На синей поверхности ромбовидной таблетки красовался оттиск: «VGR 100».

Из окна потянуло холодом. Артур поежился, поджал пальцы ног, затем резким движением закинул в рот таблетку и залпом выпил спиртное.

В коридоре раздалось цоканье каблуков и на пороге появилась Ирина в красно-черном нижнем белье с кружевными оборками, огромными бантами и аксельбантами. Артур почувствовал возбуждение.

— Тебя же продует, — воскликнула женщина, прошла к шторам и, толкнув через них пальцами, захлопнула форточку.

Артур сидел на кровати сторбленный и неуверенный в себе. Без одежды Ирина оказалась еще более привлекательной и какой-то спортивной. На руках выделялись бицепсы, на животе — кубики пресса. Женщина подошла вплотную к Артуру и встала перед ним на колени.

— Ничего не бойся. Сейчас ты будешь на высоте, будешь самым лучшим любовником в этом городе.

— Я и не боюсь, — неуверенно произнес Артур.

Ирина ловко скользнула мимо него на кровать и похлопала ладонью по простыне. Клиент расправил затекшее в скрюченной позе тело и лег рядом. Рука сама потянулась к кубикам пресса. Ирина почувствовала это и напрягла живот.

— Нравится?

— Никогда не видел такого у женщин. Это после операции?

— Это после долгих лет тренировок, — засмеялась Ирина. Ее рука проникла в пах Артура. — Какой хороший мальчик, какой красавец.

Хозяйка легко перевернула гостя на спину, села сверху и положила его руки себе на грудь.

* * *

Обессиленный Артур с подушкой, заботливо подложенной Ириной под голову, лежал на спине и смотрел в серебристый, блестящий потолок.

— Понравилось? — нежно спросила хозяйка.

Он кивнул. Так хорошо ему не было со времен молодости. Лет двадцать — двадцать пять. Захотелось сделать что-то приятное женщине, которая раскинулась рядом. Артур положил ладонь на твердое, мускулистое бедро и погладил его.

— Ах, — произнесла Ирина.

— А тебе было хорошо?

— Еще бы, — уверенно ответила проститутка. — Так хорошо мне не было уже много лет.

— И мне, — рассеяно признался Артур, продолжая поглаживания. — Мы идеально подошли друг другу. Ни с одной из женщин у меня так не получалось. Страстно. Легко. Многократно.

— Женщины просто не смогли понять, какой ты великолепный любовник.

Артур засмеялся и похлопал себя по животу.

— А вот спортом тебе бы не мешало заняться, — заявила Ирина. — Говорю тебе, как человек опытный.

Она перевернулась на кровати, положила голову на мужскую грудь и провела кончиком ногтя вокруг пупа клиента.

— Могу тебе гарантировать — как только ты похудеешь, многие бабы станут смотреть на тебя по-другому.

— Ира, мы теперь с тобой друзья или любовники?

— Будут у тебя деньги, будем и друзьями, и любовниками. Не будет денег, извини. Ходи ищи Бога.

Глава 7. «Пустое место не бывает свято»

«Каб того высокого, красивого... да спарить с синеглазой — ладный бы плод дали»

(Владимир Зазубрин «Щепка»)

Игнат захлопнул дверцу холодильника, а потом с силой ударил кулаком в стену. Костяшки у основания указательного и среднего пальцев прошила боль. Бить кулаком в стену больно и иногда опасно. Попробуйте, если не

страшно. Игнату страшно не было, ему было противно. Однако правильный удар — не всем кулаком, а только двумя костяшками — вернул утраченное равновесие. Все-таки, бить не разучился.

Когда они с Авой вышли из библиотеки, это дерзкое животное закатило истерику, обвинив его в невоспитанности, тупости, жестокости и даже в фашизме. Кем-кем, а фашистом Игнат себя не считал. Тупым и невоспитанным — тоже.

Для некоторых воспитанность — шиза, связанная с книгами, знанием тысячи слов, которыми обычные люди не разговаривают, и часовыми беседами ни о чем. У Авы красивое тело и в постели она более страстная, чем Буся. Но у Буси в голове почти нет мусора. Нет, конечно, есть: всякие ноготки, ночные клубы и эти... палетки, что ли. Палетки-балетки. Все они головой ударенные. Но Буся никогда не позволяла себе закатывать истерики на улице, при посторонних, словно он не красавец-спортсмен, а задроченный лузер. Надо Аву на место ставить, надо. Бросать пока что жалко... Хотя? Из-за какого-то Байрона его так унизила. Из-за другого мужика!

Игнат выпил полстакана холодного апельсинового сока. Напряг мышцы пресса, провел по кубикам рукой и поставил стакан на стол. Несколько минут постоял у стены — затылок, лопатки, ягодичы и пятки прижаты к поверхности. Для формирования правильной осанки.

В комнате Игнат достал айфон, сфотографировал хорошо очерченный бицепс на фоне тренажера. Пришло время подпитаться чужими положительными эмоциями. Но фотографии в Инстаграме недостаточно, нужен какой-никакой текст. С этим сложнее, чем с фото. Или нет? Что он тупее этой овцы, Авы? Сама еще приползет прощения просить. Кстати, пусть тогда на коленях просит. Слабовольная эгоистка. Точно! Вот станет на колени, поцелует руку и пусть клянется своим здоровьем, что будет послушной.

Представляя, как Ава стоит на коленях и по-собачьи смотрит на него, Игнат закрыл глаза. В этот момент он и понял, что нужно написать. Пальцы заскользили по поверхности айфона:

— Книги и религия — для слабаков. Они считают себя дураками и читают книги. Они думают, что религия поможет решить проблемы. Настоящий человек держит судьбу в своих руках. И сам решает, как себя вести, как поступать и как говорить. ЗОЖ — это сила! Деньги — это сила! Уверенность — это сила!

Пост с фотографией бицепса и правильной философией появился в ленте. Сразу же кто-то поставил лайк, но у Игната уже не было времени смотреть, кому там понравилось его творчество. Он подхватил сумку со спортивной формой и побежал на тренировку.

Ава сама не знала, почему пришла в зоопарк. Два часа назад она поссорилась с Игнатом. Он повел себя чудовищно по отношению к старику-библиотекарю. Говорил запредельные вещи. «Не нравится, промолчи или улыбнись из вежливости», — повторяла мама. Но, похоже, Игнат приревновал. То ли к книгам, то ли к библиотеке, то ли к работнику пенсионного возраста. Хотя на этом старике и держится все книгохранилище, это он помог быстро отыскать воспоминания Байрона.

Стоило ли так злиться на Игната? В нем еще не отыграл юношеский максимализм. Перегорит. Перебродит. Поумнеет. Она и сама могла сдержаться. К чему эти слезы? Эта истерика? Кому от них стало легче? Сама виновата! Но что нужно было сделать? Промолчать? Не заметить? Сгладить?

Обнимая обеими руками взятую в библиотеке книгу, Ава стояла перед пустым вольером для львов. Большие кошки не показывались, но с десятков посетителей ожидал их появления. Внезапно из большой дыры в деревянной загородке вышел лев. Прямоугольная буханка на маленьких ножках, спереди украшенная пучком шерсти. Царь зверей неуклюже спрыгнул на землю, широко зевнул, демонстрируя грязно-желтые клыки, несколько мгновений без интереса смотрел на людей за решеткой, а потом запрыгнул обратно на помост и скрылся в дырке перегородки. Даже не рыкнул. Толпа разочарованно разошлась.

Ава побрела по узкой асфальтированной дорожке с указателями, на которые она не обращала внимания. Дорожка привела к одноэтажному строению с вывеской «Серпентарий».

— Ой, — испугалась девушка, вспомнив, что означает это зловещее слово, но вошла внутрь.

Под номером один в серпентарии был то ли аквариум, то ли застекленный вольер, на земляном полу которого, в лучах подающего из окна солнца, шевелился клубок кобр. Шесть из них подняли головы с небольшими капюшонами и, слегка покачиваясь, смотрели в разные стороны. Другие прятались внутри клубка. Ава почувствовала приступ тошноты и пошла вдоль полок. На них стояли прозрачные емкости с большими и маленькими пресмыкающимися, названий большинства из которых она не хотела даже знать. Некоторые из обитателей серпентария выглядели устрашающе, другие больше походили на потерявшую форму ливерную колбасу.

— Девушка, вам чем-то помочь, — донесся сзади мужской голос.

Ава обернулась. К ней приближался парень в форме служителя зоопарка. Высокий и немного сутулящийся из-за этого. Светлые вьющиеся волосы собраны в пучок на макушке, глаза голубые и очень ясные.

— Я... я... — начала мямлить Ава, потом мысленно отругала себя за это и отчеканила. — Я заблудилась.

Парень улыбнулся, обвел рукой емкости со змеями и сказал:

— Тут сложно заблудиться. Всего два прохода.

— Да? — удивилась Ава и повернулась к террариуму с отполированными толстыми ветвями внутри. С самой верхней ветки на нее внимательно смотрела длинная зеленая змея. Чешуйки листовенного цвета были обведены черным контуром, спину украшал орнамент из черно-оранжевых пятен. Взгляд рыбий, немигающий.

— Ядовитая? — спросила Ава, чтобы выйти из глупого положения.

— Для людей нет, — по-детски улыбнулся служитель.

— Такая длинная, пестрая и не ядовитая?

— На человека ее яд практически не оказывает воздействия. В отличие от мышей или ящериц. Зато она умеет летать.

— Как это? — вздрогнула Ава.

— Не бойтесь. В террариуме не полетит, — опять улыбнулся служитель.

— Но в дикой природе способна пролетать двадцать метров и больше.

— У нее есть крылья?

— Почти. Она заползает на дерево повыше и оттуда прыгает вниз. Раздувается в средней части и планирует, извиваясь в воздухе.

— Ужас! — Ава удивленно рассматривала зеленую ленту с глазками. — Ее, наверное, так и зовут, летающая змея?

— Это райская украшенная змея. Ее иногда ошибочно называют райской древесной змеей, но правильно будет украшенная.

— Та самая?

— Какая та?

— Ну... — замялась Ава. — Которая Еве яблоко подсунула в райском саду.

— В райском саду ученые еще не побывали. Поэтому не подкажу.

Ава кинула последний взгляд на ярко-зеленую змею, обошла служителя и направилась к выходу. У самых дверей парень нагнал ее:

— Девушка, а давайте познакомимся!

Ава хотела ответить, что не знакомится на улицах, но узкие проходы серпентария на улице совсем не походили. Скорее, на коридоры кунсткамеры с сотнями змей, пожизненно закупоренных в стеклянных саркофагах. Поэтому она обернулась, протянула ладошку и сказала:

— А давайте! Меня зовут Ава.

— Егор, — огромная, теплая рука легонько сжала ладонь девушки. — Вы есть в соцсетях?

— У меня есть парень, — ответила Ава и высвободила руку. — Но я к вам как-нибудь зайду.

Ава быстро зашагала по асфальтированной дорожке к вольеру со львом.

— Зачем? — донеслось ей вслед.

— В смысле? — обернулась девушка.

— Почему зайдете? Вы же смертельно боитесь змей!

— Сегодня я узнала — в серпентарии можно встретить не только их, — улыбнулась Ава.

* * *

Игнат молотил по груше короткими сериями — джеб, правый прямой, джеб, правый прямой. Отскок. И снова — джеб, правый прямой... Шум спортзала вокруг постепенно исчез. Только удары, один за одним. Казалось, натренированное тело, из которого вылетали руки, не могло устать. Об огромном напряжении свидетельствовала только испарина на плечах и капли пота, слетающие на пол. Дыхание оставалось ровным.

Игната не интересовали ни поднимающаяся температура, ни скачки давления, ни мнение окружающих. Его телу нужно было выплеснуть в сторону груши все, что накопело внутри. А там скопилось много всего: и ярость к старику, и обида на Аву, и желание доказать, что реальный, земной мир, в котором он живет, лучше и эффективнее, чем придуманный очкастыми умниками его образ.

Нанесенные обиды стали стимулом к яростной атаке на грушу. В тот момент, когда руки ритмично молотили по кожаному мешку, было не до обид. Джеб, правый прямой, джеб, правый прямой...

— Игнасио, спортивный инвентарь порвешь! — рука тренера Умарова легла на плечо парня, но тот отскочил в сторону и стал в стойку, готовый атаковать.

Глаза Умарова потемнели:

— На кого бросаешься?!

Игнат остановился и поднял руки в знак того, что извиняется.

— Ну ты зверь! Совсем страх потерял, — улыбнулся Умаров, принимая извинения. — Кто тебя сегодня укусил?

— С девушкой поссорился, — Игнат снова стал хмурым.

— Ты? Не верю! За тобой девки должны толпой бегать. Цветы дарить! — засмеялся Умаров.

— И до дома провозжать, — криво улыбнулся Игнат.

— До дома — это слишком. А цветы чемпионам дарят. Поедешь на следующие соревнования, в Варшаву.

Игнат махнул рукой и пошел в душ. Умаров хмыкнул, глядя на удаляющуюся спину:

— Некоторые сами не понимают, чего в жизни хотят. Но удар хороший.

— Стену прошибет? — подлез к тренеру начинающий подросток.

— Тренируйся иди, стенопрошибатель. Лист бумаги сначала порви!

Стоя под струями холодного душа, Игнат ощущал, как тело становится обессиленным, немеет, сообщает на своем телесном языке, что устало и желает отдыха. Ссора с Авой отошла на второй план. Игнат уже как бы и не был ее участником. Просто свидетелем — понаблюдав мельком со стороны.

Не он ли еще пару лет назад рассказывал друзьям о главном правиле отношений с противоположным полом. Все девушки — существа слабые и ни на что не годные. Сейчас то чего взъелся? Одни проводят дни в спа, а ночи в клубах, Ава — читает свои пыльные книги. И пусть читает. Она же не посягала на его право быть сильным. Это его что-то сдуру накрыло. Может Буська наколдовала или сглазила? А может, от жары. Короче, надо выйти с тренировки и просто позвонить Аве. Все. Проехали.

Игнат закрыл воду и двинулся в раздевалку. Трицепсы немного побаливали.

* * *

Ава провела ладонью по шершавой обложке книги, которая когда-то была белой, но пройдя через сотни рук, приняла землистый оттенок. Открыла том. Титульную страницу украшал напечатанный вязью текст: «Джордж Гордон Байрон. Воспоминания в двух томах. Том II. Государственное Издательство Художественной Литературы. Москва. 1957». За прошедшие годы страницы издания пожелтели и пропахли книжной пылью.

Второй том начинался с событий ноября 1816 года, когда Байрон приехал в Венецию и поселился в одном из дворцов семьи Мочениго:

— Со мною прибыли четырнадцать слуг, обезьяна, волк, лиса и собака. Маргарита Коньи, против воли мужа и моей, почти сразу обосновалась во дворце. Благодаря ее приходу вокруг нас постоянно вились художники, певцы, музыканты и множество женщин из самых разных слоев общества. Чтобы не быть узанными, женщины так укутывались в одежду, что на карнавале им бы не понадобились даже маски. Меня вся эта маскировка скорее забавляла. После непрерывных безумств на вилле Диодати, где Перси однажды застал нас с Мэри в постели, но ничего не сказал и не предпринял, итальянская суэта выглядела излишней и даже ханжеской. Лучше отдаться власти греха, чем сопротивляться ему. Грех бежит не от яростного сопротивления, а после того, как человек изведает его и пресытился им. Можно годами сражаться с призрачным искушением, а можно раз поддаться ему, чтобы понять, что предмет твоих желаний ничем не отличается от предметов вождения других людей. Что потерял красавчик Перси, что приобрела его супруга или я? Ничего.

Девушка оторвалась от чтения. Из предисловия к первому тому она знала, что Байрон завещал записки своему другу Томасу Муру. Родственники поэта пытались выкупить рукопись у Мура и сжечь. Из-за обилия скандальных подробностей друг поэта, несмотря на угрозу судебного разбирательства, все-таки решился опубликовать книгу.

Сколько бы потеряла литература, если бы Мур уступил? Странно, человечество годами наращивает интеллектуальный потенциал, а потом в течение пары мгновений уничтожает наработанное. Умные люди становятся не нужны и идут сочинять кроссворды или копать картошку. «Индекс запрещенных книг» Ватикана. «Акция против негерманского духа» за двенадцать лет до падения Третьего рейха. Культурные революции в СССР, Китае и США...

Ава отогнала навязчивые мысли и отпила из большой кружки с радостным покемоном на белом боку.

Завибрировал мобильный. На экране высветилось фото Игната с розой в руке и надпись «Любимый». Ава помедлила, потом нажала на значок зеленой трубки и грустно сказала:

— Алло.

— Привет. Не спишь? — произнес печальный голос в телефоне.

— Нет.

— Хотел извиниться за сегодняшнее.

— Мне тоже крайне неприятно.

— Давай проедем. Глупо получилось. Сам не понимаю, почему так выбесил этот пыльный библиотекарь, — в голос Игната вернулись уверенность и энергия.

— Он старый и слабый, а ты любишь людей сильных и молодых.

— Наверное. Встретимся в среду?

— Давай. Где?

— В полдень, у фонтана, который возле этой... библиотеки твоей.

— Договорились. Целую.

— И я тебя.

Ава нажала на сброс и открыла книгу, в которой говорилось о венецианках, которых лорд Байрон накануне Рождества 1816 года менял каждый день, иногда по несколько раз.

Глава 8. Белый квадрат

«Розов вечер, розы пахнут смертью
И зеленый снег идет на ветви»

(Борис Поплавский)

На следующее утро после секса с Ириной Артур проснулся сам не свой. Хотел выкурить сигарету под чашечку кофе, но, проходя мимо зеркала на кухню, остановился, посмотрел на живот и пошел обратно.

Возле не застланной постели сделал несколько махов руками, покрутил бедрами, словно вращал хула-хуп, трижды присел. После третьего приседания в коленях щелкнуло, а в глазах потемнело. Артур остановился, приходя в себя, сделал несколько глубоких вдохов. Удивленное тело послало в мозг несколько радужных импульсов.

Это показалось Артуру предвестием близкой победы, и он, прикурив первую сигарету, вспомнил Лао Цзы: «Путь в тысячу ли начинается с одного единственного малого шага».

Маленький глоток обжигающего кофе вернул к реальности. Стол и умывальник завалены грязной посудой. На стульях развешены рубашки разной степени чистоты. Под ногами равномерный слой крошек, пыли и неопознаваемого мусора.

«Вечером проведу генеральную уборку», — пообещал сам себе Артур и принялся мечтать: «Вот бы найти женщину. Можно иногороднюю, нуждающуюся в жилплощади, и даже — с ребенком». Однако мысль о том, что в доме появится чей-то сын или дочь, примутся раскидывать игрушки, задавать глупые вопросы и кричать — отпугнула. «Нет. Если уж иногороднюю, то без ребенка», — твердо решил Артур и допил кофе.

Днем позвонил Миша и позвал на вечер в гости.

— Дружище, я тебе такое покажу. Ты обалдеешь!

— Да я это... — замялся Артур.

— Да ты что?! Какое «это». Приезжай без разговоров. Тебе от работы до моей мастерской — два шага. Никаких «это». Приезжай, жду! — патетично произнес Миша и отключился.

«Нужно быть гибче. Наведу порядок в квартире в субботу, — решил Артур и сразу же придумал каламбур. — У людей с гибким поведением и талия гибкая. Хорошая мысль, кстати. Надо будет ее в статье использовать. А что касается предложения Миши, то судьба сама подталкивает меня к тому, чтобы провести сегодняшний день с толком».

Вечером Миша с гордостью продемонстрировал Артуру прямоугольный, полностью белый холст на мольберте:

— Картина называется «Две девушки в белой одежде выгуливают в метель белого лабрадора».

— А где лабрадор?

Миша указал на левую часть картины:

— Вот.

— Не знаю - не знаю, — Артур отступил от холста на пару шагов. — Заснеженное поле вижу, а вот собаку нет. Зато отчетливо видны четыре балерины в белых пачках, танцующие танец маленьких лебедей на белом холодильнике в операционной.

— Ничего ты не понимаешь в искусстве, — Миша взглянул на картину и накрыл ее.

— Я понимаю только одно — в современном искусстве наблюдается серьезный кризис идей.

— Вот это точно, — согласился Миша, разливая по рюмкам коньяк. — При этом идеи лежат на поверхности, но никому не нужны.

— Это как?

— Слышал про царя Ивана Грозного?

— Конечно. Про него в школах рассказывают.

— Вот. А про Симеона Бекбулатовича?

— Про кого?

— Ага! И я о том же! Слушай шикарную историю. Однажды царю Ивану Грозному надоело царствовать, и он посадил на трон Симеона Бекбулатовича. На свой трон. И Симеон правил Россией одиннадцать месяцев, пока Грозный жил под видом обычного человека. Ты пей, чего рот раззявил.

Друзья выпили, и Миша продолжил рассказ:

— Бекбулатович этот, кстати, по всем понятиям был царских кровей. Прапраправнук самого Тимура Тамерлана.

— Ну, и? Что через одиннадцать месяцев с твоим Симеоном сделали?

— Самое смешное, что ничего. Назначили Великим князем тверским и отпустили в Тверь. Правда, потом каждый, кто поднимался на русский трон, подозревал Бекбулатовича в тайных претензиях на престол и гнобил, как мог.

— Хорошо. Я уже понял, что сюжет уникальный. К чему ты клонишь?

— К тому, что фигура Бекбулатовича за прошедшую половину тысячелетия не заинтересовала ни одного писателя или режиссера. Шекспир в гробу ворочается от зависти. Такой материал для трагедии пропадает.

— Если никто не написал, значит — никому не интересно.

— Не говори ерунду, — парировал Миша. — Что есть творчество, как не отрывка творцом своих мыслей и чувств потребителю. Знаешь, как птица в скворечнике отгрызает насекомых в пасти птенцам. А птенцы эти еще

и привередничают, потому что сами ничего в этой жизни еще не поймали. Возьми кого угодно: Антона Чехова или Андрея Тарковского. Разве были интересны их мысли современникам? Нет! Вот и вынуждены они были зашифровывать производные мыслей в книги и фильмы. Чехов, находясь в зените славы, жаловался, что к нему идут с диареей или флюсом, а не за автографом. Тарковский был всемирно известным режиссером, но большинство соотечественников его не понимало. Обывателю интереснее вкусно поужинать и избавиться от зубной боли. Остальное — для избранных.

— Грубовато звучит — отрывка.

— Зато точно. Вот я показал тебе свою картину с девушками и лабрадором. И что ты мне сказал?

— Что я тебе сказал?

— В том то и дело, что ничего. Смеяться начал. Про лебедей в операционной вспомнил.

— Ладно, не злись!

— Я и не злюсь. Обычный человек в жизни вообще ничего не делает. Родился, вырос, зашел в Макдональдс, открыл ленту в Телеграме, вышел из ленты, и пора на пенсию. Некоторые в этот момент начинают размышлять: «А что было-то в жизни?» Если доживают, конечно.

— Ну, были же работа, семья, дети...

— Конечно, были. Как и у собак с кошками. Псеглавцы! Потомство произвели, подрастили и по помойкам разбежались.

— И что в случае с людьми — помойка?

— Жизнь их — помойка! Многие отказываются от телевизора и переходят в соцсети или в Телеграм. Потому что так модно. Ходят с задранной головой и всем рассказывают, что не смотрят телевизор. Но ума, чтобы сообразить, что новый Телеграм — это старый телевизор, — не хватает.

— Тебе-то что?

— Мне? — Миша ткнул себя пальцем в грудь. — Мне обидно, что современные Рембрандты, Чаплины и Хемингуэи находятся на обочине. Я считаю, что и в этом плане должен действовать принцип талиона.

— Какой принцип?

— Око за око, зуб за зуб. Не хотите знать мое искусство — не хочу знать вас, — лицо Бобруйского дергалось. — Люди живут, как не живут. Как будто отбывают в нынешней жизни срок, назначенный судьей еще в предыдущей.

— И кто из твоих знакомых ведет жизнь псеглавца? — ухмыльнулся Артур.

— В моей? — удивился Бобруйский. — Конечно, Варя. Супруга.

— Кто? — изумился Курбанов. Дополнение в виде слова «супруга» почему-то резануло.

Артур вышел от Миши в хорошем настроении и решил сэкономить — проехал десять остановок на троллейбусе. Все пытался понять, а кто он сам в этой жизни: творец или псеглавец?

Нет, я не из тех, кто часами изводит себя самокопанием, а, отрыв в себе очередной булыжник, холодеющими руками набирает номер психотерапевта. По мне, все эти доктора по душевным болезням зря едят свой хлеб. Если человек не пережил какой-то запредельно жестокий опыт, связанный с военным конфликтом, заключением в концлагерь или единовременной смертью родственников от отравления метиловым спиртом — у психотерапевта делать нечего.

Конечно, многие со мной не согласятся. Но по мне, психотерапевт ничем не лучше проповедника, только последний обходится гораздо дешевле. Нет денег? Ну проходи так: постоишь, помолишься.

Вопрос Миши задел Артура другим. Вроде бы он пишет статьи, а друг пишет картины — оба пишут. Но получается, что Миша — творец, непризнанный гений, человек, одной ногой стоящий в вечности. А Артур обслуживает интересы текущего момента: клепает статьи на злобу дня, но завтра на календаре будет другое число, и статьи станут никому не нужны. Ведь толпа всегда страдает актуальных новостей, которые забудет через день-два.

Артур посмотрел на спутников в троллейбусе. Пьяный мужик непонятного возраста привалился к оконному стеклу головой в кепке и смотрит сны. Женщина в красной майке, со страшным шрамом на руке, будто ее рвала здоровенная собака, быстро пролистывает информацию в смартфоне. Растафарянин местного разлива с пушистыми дредами и туннелями в ушах слушает музыку на айфоне. Семейная пара средних лет молча движется навстречу своей остановке и предсказуемой судьбе.

В чем-то Миша прав. Они живут, но не живут. Ходят тенями Абсолюта, проекциями Божьими, двухмерными и вторичными. Опыняются алкоголем, музыкой, страстями и политикой, потом маются от похмелья, снова опыняются. Замкнутый круг.

Артур прижался лбом к двери троллейбуса — стекло запотело от паров выдыхаемого алкоголя — и зашептал:

— Господи, пьяный я плачу тебе. Ибо, если бы я был трезвым — разве позволили бы мне грехи и комплексы мои плакать тебе. Позволь мне тоже стать творцом. Хоть каким-нибудь!

В этот момент троллейбус остановился, двери открылись. Артур вышел. Хотя до дома было еще несколько остановок.

Навстречу ему брели редкие прохожие, проносились поджарые велосипедисты, пробежала цветастая дворняга. Внимание привлекло дерево у

дома на противоположной стороне. Оно почти осыпалось, и тени, которые безразличные фонари отбрасывали от голых ветвей на стену здания, казались хищными щупальцами, готовыми утащить бетонную конструкцию под землю.

«Однако! — подумал Артур. — Похоже на зловещее предзнаменование. На предупреждение природы современникам — живите своей призрачной жизнью, а завтра я вернусь. Как возвращалась всегда и съедала ваши города с помощью воды, песка и лесов».

Образ Артуру понравился, и он решил, что обязательно вставит и его в одну из статей. Например, о вреде курения или о пользе сбережений. И пусть статья проживет всего несколько дней, люди прочтут ее и задумаются о вечном. Наверное.

Мимо пронеслась стройная брюнетка в леггинсах. Одежда плотно облегла спортивную фигуру, волосы, собранные в конский хвост, летали из стороны в сторону. Ноздри Артура уловили запах молодого, разгоряченного тела.

Что говорила Ирина про живот? Нужно убирать? Но утром давление прыгнуло после трех приседаний, а сейчас я выпивший! Когда начинать, если я все время немного пьян? Где-то читал, что перед тренировкой рекомендуется выпить чашечку кофе. Будем считать, что я заменил чашечку кофе на двести граммов коньяка.

Артур зажал портфель с бумагами под мышкой и неуклюже побежал за спортивной девушкой, которая успела уйти далеко вперед. Шедшая навстречу женщина средних лет удивленно посмотрела на полуночного бегуна. Костюм, рубашка, портфель. Пузо! А делает вид, что занимается спортом.

Рубашка под пиджаком почти сразу промокла, ноги заболели, легкие горели, будто кто-то специально вдвухал в них раскаленный воздух в промышленных масштабах. Но Артур сжал зубы и дал себе обещание, что пробежит хотя бы одну троллейбусную остановку. Он уже не обращал внимание ни на удивленные взгляды прохожих, ни на красоту августовской ночи, ни на боль в ногах...

Пробежать удалось метров сто. После этого показалось, что тело перестало подчиняться: легкие отказывались дышать, ноги превратились в ватные столбики, руки тряслись.

Артур перешел на медленный шаг. Пьяный, толстый человек с багровым лицом, с всклокоченными волосами, с низом рубашки, вылезшим из брюк. Пытаясь отдышаться, он огляделся по сторонам.

Ряд жилых домов прервался. В погруженном в темноту скверике журчал покинутый горожанами на ночь фонтан. За ним темной глыбой возвыша-

лось здание городской библиотеки. Фонарей около нее не было, а тот свет, что долетал с проспекта, не позволял в темноте определить, как выглядит строение. То ли как огромный дом с башней, то ли как готический храм. Последняя версия Артуру нравилась больше, хотя библиотека никогда не была храмом.

Ее построили в конце позапрошлого века в смешанном стиле неоготики и модерна. Над входом, на каменной арке, высекли фразу на латыни, но Артур не смог вспомнить, какую. Он не был в библиотеке лет двадцать, с тех пор, как женился.

Артур остановился около фонтана и посмотрел на массивные контуры здания. Вспомнил, как ходил сюда, когда учился в университете. Его всегда поражало, насколько благородный внешний вид постройки контрастировал с разрухой внутри. Стены и потолок покрывали трещины, переходящие в язвы отсутствующей штукатурки. Пол прогибался и скрипел под ногами: доски попросту устали от сотен тысяч ног, прошедших по ним за десятилетия. Горела лишь половина светильников — для экономии ламп и электроэнергии. Зимой посетители небольшого читального зала кутались в пуховики и отогревались теплыми напитками из принесенных термосов. Вряд ли что-то сильно изменилось за прошедшие десятилетия. Возможно, стены покрасили и книжный фонд пополнили.

Вид здания вернул состояние подавленности, которое преследовало Артура в последнее время. Он отвернулся и быстро зашагал в сторону дома, чтобы отогнать накатывающую тоску.

Вскоре Артур заметил двух высоких, мускулистых парней, которые бежали в сторону библиотеки, сжимая в руках спортивные сумки.

Везет же людям. Тела молодые, спортивные — бегать легко. Шли с сумками (наверное, с тренировки), захотелось побежать — побежали. Молодость — дар бесценный. Вот я никогда в студенчестве не бегал, и, как оказалось, зря. Вряд ли бы Катерина бросила, если бы я был даже не в такой прекрасной, а просто — в спортивной форме. Эх! Была Екатерина — осталась лишь Ирина, от Кати половина... И та — за деньги!

— Дорогу, отец! — крикнул один из молодых спортсменов, и, если бы Артур не увернулся, его бы точно сшибли с ног.

Когда молодые люди пробежали мимо, Артур за спиной услышал громкий голос одного из бегунов:

— Игнасио-браток, поднажми! Сегодня ты стал мужчиной. Оставайся им!

Глава 9. Сможете ли вы сжечь то, чему не поклонялись?

«Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями»

(Евангелие от Матфея 7:6)

В то утро, когда Артур решил-таки сделать первую за долгие годы зарядку, Игнат, как и всегда за последние пять лет, проснулся по первому звонку будильника, ровно в шесть. Распахнул окно. Триста раз, за три подхода, отжался на кулаках. Сделал двести приседаний и пятнадцать минут жестоко молотил наполненный песком манекен по имени «German». Костяшки, покрытые многолетними мозолями, ритмично лупили по человекоподобной фигуре, покрытой высокопрочным пластизолом. Звук непрерывных ударов и шлепков наполнил комнату, но «German» лишь раскачивался из стороны в сторону, не падал.

После ледяного душа Игнат сделал себе стаканчик протеина, запил им пригоршню витаминов и отправился на пробежку. Сбегая по лестнице, проверил Инстаграм. Фото с бицепсом и текстом о правильной жизненной философии собрало почти двести пятьдесят лайков и пару десятков восторженных отзывов. В основном — от девушек. Лицо Игната скривила улыбка: «Чувствует слабый пол — в чем сила!»

После завтрака он отправился к другу и товарищу по клубу Руслану. Игнат долго звонил в дверь товарища, бил по ней кулаком — не пинать же, могут счет выставить! — затем догадался нажать на ручку. Та подалась. Ощущая звериный холодок в районе затылка, Игнат вошел внутрь. В коридоре ни души, по комнате друга в беспорядке разбросаны вещи, словно хозяин раздевался в дикой спешке, опасаясь не успеть сделать что-то важное...

В ванной шумела вода.

«Наверняка со Светкой забавляется, — решил Игнат. — Хотя, где ее вещи? Прямо в одежде девку в душ затащил? Это братан может».

Шум воды смолк, послышался звук открывающейся двери в ванную, и через мгновение на пороге комнаты возник голый Руслан, вытирающий волосы огромным белым полотенцем:

— Это ты тут в мое отсутствие шарисься? — заржал Руслан.

Игнат подозрительно посмотрел на друга. То, что он голый, — полбеды. Многие в раздевалке, после душа, ходят в чем мать родила, но с глазами Руслана было что-то не то. Голубые и спокойные прежде, сейчас они казались огромными и темными, да и взгляд какой-то отрешенный.

— Русак, что с тобой?

— Расширяю границы реально... сти, — Руслан швырнул полотенце на пол, подошел к письменному столу, который служил складом для ключей, документов и боксерских перчаток, взял с него белую баночку и потряс в воздухе. — Присоединишься?

— Что это? — безглаголиво поинтересовался Игнат.

— Мет. Мне его один перец посоветовал. Можно в два-три раза увеличить время тренировки и аппетит снижается. Мускулатура сушится в течение недели. Будешь выглядеть, как Брюс Ли на пике.

Игнат осторожно, словно ядовитую змею, взял баночку и открутил крышку. Внутри виднелись разноцветные кругляши.

— И сколько их нужно съесть для качественной тренировки? Ты бы оделся, а то светишь яйцами!

Руслан захохотал:

— Что естественно, то небезобразно. А это... — он махнул рукой в сторону банки. — Перец, который продал таблетки, говорил, что для идеального результата нужно принимать одну на каждые десять килограммов веса. Я пока в таких количествах не пробовал.

Игнат недоверчиво посмотрел на голого друга, высыпал на руку горсть кругляшей, почти половину ото всех, пересчитал и добавил еще одну таблетку.

— Не сци! — смеялся Руслан. — Немцы его в войну, перед атаками, пачками ели...

— Поэтому и оказались в жопе!

— Не поэтому. А потому, что водка — более сильный наркотик, почти героин. Война велась не только между людьми и танками, но и между наркотиками. Как я придумал?

— Прямо гений! — Игнат закинул пригоршню таблеток в рот, взял со стола бутылку минеральной воды и запил.

— Во! Мужчина! Наконец-то потерял девственность, — пискляво засмеялся Руслан.

— С левой или с правой? — Игнат встал в боевую стойку.

— В голову или в пузо? — скопировал интонацию Руслан.

Минут десять они яростно спарринговали. Затем в прихожей раздался звук открываемой двери. Руслан заметался, поднял с пола полотенце, которым незадолго до этого вытирал голову, и обмотал им бедра.

— Мать с ночной смены вернулась.

— Я же говорил тебе — не свети яйцами, — Игнат чувствовал одновременно и легкость, и расслабленность, поэтому присел на диван.

— Я сейчас, — Руслан ушел в коридор.

Игнат откинулся на спинку дивана и смотрел, как за окном шевелятся большие, пропыленные листья липы. На миг показалось, что кто-то наблюдает за комнатой из ветвей. Мерзкий, слюнявый и старый. Игнат присмотрелся и с изумлением понял, что на липе сидит тот самый библиотекарь, который вчера ему нахамил. Непонятно только, как он смог забраться так высоко. Между тем, старикан раздвинул ветки, и тут Игнат совершенно отчетливо увидел, что тот одной рукой держится за ствол, а второй мастурбирует. Похоже, процесс так захватил Пеннивайза, что изо рта у него капала слюна. Прямо на листья. И сползала по ним грязным, слизким ручейком.

— Ах, ты старый козел! — кинулся к окну Игнат.

— Братан, ты мне решил стекла побить? — раздалось сзади.

— Ты только посмотри, что он делает? — обернулся к другу Игнат.

— Кто?! — хохотал Руслан.

Игнат снова повернулся к окну, но на липе никого уже не было.

Сбежал. Ну гаденыш! Не зря я вчера почувствовал, что этот старый извращенец хочет засунуть свои кривые лапы под юбку к Аве. Ведь я прав оказался, а она истерику закатила, еще и фашистом меня обозвала. Какой же я фашист, если хочу, чтобы на земле был порядок. Чтобы старые маньяки не домогались молодых девчонок! Девчонок? Но ведь Пеннивайз только что возбуждался, наблюдая за ним. Значит, он еще и гомик? Вот ушлепок! И когда он тянулся ко мне со своими баснями про фашистов, которые жили за век до Гитлера, он просто хотел подойти поближе, чтобы...

— Братан, — Руслан тряс Игната за плечо. — Кончай тормозить. На тренировку пора.

— А, да... — отвлекся от мыслей Игнат и почти сразу забыл, о чем только что думал. Только горький осадок воспоминаний остался. — Идем. Возьми с собой эту банку. Вдруг действие кончится. Догонимся.

Тренировались, как звери. Таблетки на самом деле действовали. Умаров несколько раз пытался выгнать друзей из зала, но те не уходили. Занимались почти до восьми вечера.

Когда вышли из клуба, на улице уже стемнело.

— Чего ты на окно утром кидался? — внезапно спросил Руслан.

Игната, как током ударило. Он замер и посмотрел на ближайшее дерево. Липу. На ней никого не было.

— Понимаешь... Вчера мы с Авой. В смысле — она. Пошли в библиотеку. И там был старый дед, который домогался сначала ее... Потом хотел меня.

— Что?! — остановился Руслан. — Старый дед хотел тебя?

— Ну да, — неуверенно отозвался Игнат. — А сегодня, когда ты вышел, он подсматривал за мной через окно и это... дровичил. Преследует, значит.

— Да ну! Может, после таблеток показалось?

— Вчера-то я колеса твои не глотал. Вчера тоже показалось? — вспыхнул Игнат.

— Маньяк, мать его. Надо бы наказать.

— Как? Он, наверное, бегаёт быстро, и точно — по деревьям лазает.

— Где живет, знаешь?

Игнат на минуту задумался, а потом уверенно ответил:

— В библиотеке, конечно. Где ему еще жить?!

— Там сложнее, — рассудительно заметил Руслан. — Придется долго стоять, караулить. Свидетелей будет много.

— Думаешь, он там часами сидит? Библиотека только прикрытие, иначе как он утром на дереве оказался. Он в этом хранилище пыльных безделушек только вид делает, что работает. На самом деле, чуть что — выбежал и пошел греховодить.

— Чего делать? — удивился Руслан.

В этот момент мимо прошел мужчина с сигаретой в зубах и со шпичем на поводке. Собачник приблизился к мусорке, сделал глубокую затяжку и швырнул окурочок в отверстие. Игнат даже с расстояния десяти метров увидел, что в мусорке лежала газета и еще какие-то бумаги, захотел крикнуть: «Эй, ты! Клуб спалить хочешь?» — но тут его осенило.

— Видишь это скотство?

— Догнать и в бубен зарядить надо, — живо откликнулся Руслан.

— Подожди, — Игнат, размышляя о чем-то, скинул сумку, набрал в пригоршни песка из кучи у лестницы, подошел к мусорке и закинул внутрь. Так он сделал несколько раз, пока занимающееся пламя не погасло.

— Игнасио, ты в добровольные помощники пожарных записался? — ехидно поинтересовался Руслан.

— Как думаешь, поедут пожарные по такому смешному поводу? И если поедут, сколько времени у них это займет?

— Не знаю, — Руслан был удивлен. — Зачем тебе это? Ну сгорит мусорка. Они тысячами по городу каждый день горят. Клубу ничего не сделается.

— Следи за мыслью! — Игнат поднял палец вверх. — Этот старый извращенец спит в библиотеке. Библиотека — такая же мусорка, как и эта, начиненная ненужными бумагами. Если кинуть туда окурочок... Сколько, ты говоришь, пожарные ехать будут?

— Ты прям математик нобелевский, — восторженно выдохнул Руслан. — Такую комбинацию придумал. Только как мы окурочок в библиотеку закинем?

— У тебя ключ от отцовского гаража с собой?

— Он у меня всегда с собой. Я ж там электроскутер храню.

— А бензин там есть?

— Ну ты даешь! — засмеялся Руслан. — В канистрах есть немного. Если надо больше, можно у папаши из драндулета слить.

— Тогда айда в гараж, — скомандовал Игнат и внимательно оглядел кроны деревьев вокруг.

— Зачем?!

— Научу тебя делать один коктейль...

После шумной и раскаленной улицы в гараже оказалось неожиданно тихо и прохладно.

— У тебя есть здесь вода? — спросил Игнат, которому жутко хотелось пить.

— Только бензин и машинное масло. Потом в магазин заскочим.

— Тогда волокни какую-нибудь стеклянную бутылку.

— Из-под водки пойдет?

— В самый раз.

В дальнем, почти не освещенном углу Руслан зашуршал пакетами и зазвенел стеклом, как бомж, пробирающийся к пункту сдачи стеклотары. Через несколько минут он притащил большой пластиковый пакет с бутылками.

— Зачем столько? — удивился Игнат.

— Я что — умею читать твои мысли? Ты вообще не сказал, что хочешь сотворить.

Игнат достал из пакета запыленную бутылку и посмотрел через нее на тусклую лампочку под потолком. Руслан зазвенел пакетом, собираясь тащить его обратно.

— Подожди, — Игнат сделал останавливающий знак рукой.

— Чего?

— А ведь ты гений! Нобелевский, мать его!

— Не понял!

Игнат подскочил к грязному капоту машины и нарисовал на нем прямоугольник.

— Смотри. Вот библиотека. Здесь вход — ночью он заперт. Но вот с этой стороны — четыре окна, — Игнат начертил поперек длинной стороны прямоугольника несколько маленьких черточек. — И с этой стороны — столько же. Понял?

— Не понял.

— Мы сделаем не одну бутылку коктейля, а восемь! И кинем по бутылке в каждое окно. Пеннивайза точно накроет, а пока доедут пожарные — там вообще все сгорит.

Руслан стоял, разинув рот.

— Ты предлагаешь вообще спалить все?

— А что тут такого? Пожарные и так, и так будут ехать медленно. Здание может сгореть и от одной бутылки, и от восьми. Только если их будет восемь, одна гарантированно попадет в старого извращенца, — уверенно заявил Игнат. — Где бензин?

— Вот, — Руслан открыл канистру и болтнул ее. — Почти полная.

В помещении резко запахло бензином.

— У тебя там кто-то есть? — Игнат внезапно ткнул рукой в угол, где раньше стоял пакет с бутылками.

— Кто там может быть? — удивился Руслан.

— Подожди, — Игнат сорвал со стены разводной ключ, отстранил друга и пошел в неосвещенную часть гаража.

Опять старый клоун-педофил. Снова подсматриваешь и занимаешься непотребством? Сейчас я тебе руки переломаю. Где же ты? Спрятался? Только что был здесь. Ну? Вот и свитер старый валяется. Это же ты! Вылезай!

Игнат пару раз ударил ногой в ком старого полиэтилена, валяющийся у стенки, но там никого не оказалось. Постучал ключом по мешку из-под картошки. Тот спружинил, но в нем тоже не было старика.

— Там старая обувь. Отец все на дачу никак не отвезет, — крикнул Руслан, наблюдая за действиями друга.

— Вижу, — в голосе Игната слышалась злость. — Показалось, наверное.

— Ну ты даешь!

Через полтора часа, проведенных в гараже, Игнат и Руслан загрузили в спортивные сумки восемь бутылок свежеприготовленного коктейля Молотова. Аккуратно переложили емкости мокрой от пота спортивной формой и побежали наказывать старого извращенца. По дороге решили подкрепить себя таблетками — заскочили в магазин за бутылкой воды. Не глотать же на сухую. Да и пить хотелось.

Когда уже подбегали к библиотеке, навстречу попался толстый мужик, с вылезшей из штанов рубашкой, багровый, как вареный рак. Он с такой завистью смотрел на бегущих, что чуть не попал под ноги. Игнату даже пришлось крикнуть:

— Дорогу, отец!

Руслан, задыхаясь от бега, захохотал:

— Игнасио-браток, поднажми! Сегодня ты стал мужчиной. Оставайся им!

В сквере с фонтаном Игнат и Руслан огляделись. Вокруг не было никого: ни хозяев дворняжек, любящих ночные прогулки, ни обнимающихся парочек, ни случайных алкоголиков. И главное — не было луны. Идеальное время для наказания гомиков и педофилов.

Игнат махнул Руслану на правую стену библиотеки, а сам побежал к левой, на ходу открывая спортивную сумку. Споткнулся на щербатой плитке, чуть не упал. Остановился. Все оказалось именно так, как он и представлял в гараже. Перед ним были четыре стрельчатых окна, а в сумке — четыре бутылки с коктейлем Молотова. Начинать решили с ближайших к проспекту окон, чтобы потом скрываться через выходящую к реке часть сквера.

Игнат надел матерчатые перчатки, достал емкость с огненной жидкостью, зажигалкой поджег фитиль и быстро швырнул бутылку в первое окно. Послышался звон разбиваемого стекла, пламя вспыхнуло на осколках и потекло двумя огненными ручейками: один внутри, второй снаружи.

— Твою ж мать! — того, что бутылка может разбиться непосредственно при ударе об оконную раму, он не предусмотрел. Но ничего страшного — возле этого окна стеллажей с книгами почти не было.

Ко второму окну Игнат подошел гораздо ближе, поджег вторую бутылку и с усилием швырнул внутрь. Снова раздался тревожный звон бьющегося стекла, и столб огня ушел внутрь библиотеки. То ли показалось, то ли на самом деле из здания донеслось мяуканье. Но времени, чтобы разбираться, кто издает мяукающие звуки, не было.

Третья бутылка полетела в пока еще темное окно. Опять звон, вспышка. Бинго! Четвертая бутылка... Даже если Руслан не смог пробить окна, задача была выполнена. Примется хорошо. Пеннивайз, скрывающийся между полками, точно сторит.

Игнат забежал за библиотеку и свистнул. Из-за другого угла здания выскочил Руслан и подбежал к другу:

— С первым окном я облажался.

— Я тоже.

— Остальные три — в десятку.

Руслан дал пять, они хлопнулись ладонями и смеясь понеслись в сторону реки.

— Сумку застегни и за спину закинь, — крикнул Руслан. — Так легче будет плыть.

Игнат последовал совету товарища.

— Не туда! — снова закричал Руслан. — Там бетонная арматура на дне, убьешься. За мной беги. Они пробежали метров двадцать вдоль берега и по узкой тропинке спустились к воде.

Руслан, балансируя руками, как канатоходец, осторожно вошел в воду, продвинулся в ней на метров пять и поплыл. Игнат последовал его примеру. Ледяная вода обожгла разгоряченное тело. Дыхание перехватило. За спиной разрасталось зарево.

«Ну что, старый фашист? — думал Игнат, ритмично двигая руками. —

Теперь и тебе, и твоему притону — хана. Как там говорила Ава? Огнем вас нужно очищать. Вот и очистили».

— Игнасио, — донеслось справа.

— Чего? — крикнул он на голос.

— Плыви по диагонали.

— Так дольше!

— А так тебя быстрее примут.

Игнат выругался и поплыл на голос друга.

Глава 10. Полировщик гробов

«В самом ли деле мы так слабы, что никогда и никак не можем освободиться из неволи? Разве у нас нет рогов?»

(Николай Костомаров, «Скотский бунт»)

Страх — наследие темных эпох, когда наши предки жались друг к другу в пещерах и с ужасом слушали завывание ветра. Возьмите любую картину, которую рисует вам страх. Действие будет происходить в привычных декорациях, но после осеннего солнцестояния, ночью, когда по следу идут хищники, отчаянные, движимые страхом голодной смерти, беспощадные. Теплые дни остались позади, детеныши выращены, пищи все меньше — начинается отчаянная борьба за выживание. Каждая осень — малый ледниковый период. Вернее, то — что осталось на дне психики у существ, чьи предки его пережили.

В ту августовскую ночь Артуру казалось, что нынешний ледниковый период начался слишком рано. Еще тепло, еды хватает, тела не испытывают недостатка в солнечных лучах, но души успели промокнуть, отяжелеть и наполниться злобой.

Чтобы отогнать эти мысли, он открыл форточку и включил телевизор. Шла передача «Просто об обычном». Человеческие руки в кадре сбивали из необработанных досок шкаф продолговатой формы. Голос ведущего пояснял:

— Гроб — фактически собрат привычной нам комнатной мебели. Емкость, отсек, тара для хранения. Но если комнатный шкаф больше подходит для вещей, гроб придуман для того, чтобы сохранять тело покойного. Не все и не всегда закапывали умерших в землю. Некоторые, например — зороастрийцы, выкладывали тела на верхней площадке каменной башни, чтобы хищные птицы могли склевать плоть с костей. Через какое-то время специальные служители скидывали обглоданные кости в отверстие на крыше. Другие народы сжигали покойных или бросали их тела в реку. Долгое

время захоронения в курганах, пирамидах или храмах могли позволить себе только богатые или известные люди. Даже личная могила до позапрошлого века являлась роскошью. Австрийского композитора Моцарта похоронили в общей могиле только потому, что так было принято. Привычный нам гроб можно считать изобретением более позднего времени, периода первой промышленной революции.

К этому времени руки на экране тряпочкой протерли покрытый черным лаком, похожий на футляр для гигантских очков, гроб. Ведущий продолжал.

— В отличие от шкафа, которым могут пользоваться несколько поколений одной семьи — он всегда на глазах, гроб можно видеть всего несколько дней. Его главная задача — подчеркнуть прижизненный статус умершего, продемонстрировать торжественную суть последних моментов на поверхности. Сейчас мы наблюдаем, как потомственный полировщик гробов Чиччо Франко наводит на изделие лоск. Теперь безутешные родственники почившего смогут глубже проникнуться трагическим величием...

Артур выключил телевизор. Передача еще больше испортила настроение. Из открытого окна тянуло гарью, но, что там горело, не было видно. Часы показывали половину первого.

«Пожар? — подумал Артур. — Странно, что я не слышал сирен. Возможно, телевизор работал слишком громко». Он накинул куртку и спустился вниз, вышел из подъезда. Перед ним испуганно заметался и шарахнулся в сторону черный кот. Над проспектом вздымался столб пламени, словно викинги доплыли до города и решили разжечь огромный погребальный костер для всех погибших за последнюю тысячу лет. Артур пошел на огонь.

Чем ближе он подходил к проспекту, тем четче понимал, что пылает в районе сквера, мимо которого он проходил всего час назад. Но что там могло так гореть?

И тут в голове сверкнула мысль: «Библиотека!» Артур ускорил шаг.

Около здания стояли пять пожарных машин. Пожарные качали воду из реки за сквером и через брандспойты пытались сбить пламя, которое успело сожрать крышу и тянулось к деревьям. Из дверей с латинской надписью над ними, из боковых окон вырывались огненные хвосты, от чего казалось, что здание стенами пытается удержать в каменных ладонях бьющегося огненного спрута. Яркие искры на фоне черного неба разлетались во все стороны и исчезали в ночи.

По проспекту неслись все новые и новые автомобили: скорые, спецслужбы. Артур замер на противоположной стороне, наблюдая за происходящим. В душе было пусто: от усталости, от похмелья, от предстоящего развода, от понимания того, что библиотеки, символизирующей знания и накоплен-

ный человечеством опыт, больше нет. Осталась только реальность, в которой пожарные, как хирурги, экстренно вырезали огненный факел, чтобы он не уничтожил весь город.

Рядом с Артуром остановилась влюбленная пара.

— Хоть бы никто не погиб, — вздохнула девушка с длинными синими волосами и высокими скулами, пока парень с пышной, африканской прической снимал на смартфон происходящее.

— Там по ночам никого никогда не бывает. Даже сторожа, — вмешался в беседу Артур.

Парень покосился в его сторону:

— А вы откуда знаете?

— Живу здесь недалеко. В студенческие годы ходил в эту библиотеку.

— Неужели там не было пожарной сигнализации? — спросила девушка.

— Там, похоже, вообще ничего не было: ни сторожа, ни сигнализации, ни должного внимания к зданию, — сказал Артур.

— Оно понятно, — тряхнул волосами парень. — Кому сейчас нужны книги?

Курбанов внимательно посмотрел на него:

— Людям нужны: пенсионерам, детям, студентам. Вам сколько лет?

— Двадцать пять, — разозлился парень. — И детей у меня нет!

Девушка успокаивающе положила ладонь на плечо спутника.

— Неужели не жалко библиотеки? — поинтересовался Артур.

— Все книги давно есть в сети, — спокойно ответил молодой человек. — Можно скачать любую или ее часть. В электронной книге даже легче искать нужную информацию. Ввел в поисковую систему требуемое слово, и она сразу перекинет туда, куда нужно. А библиотека — здание на балансе города. Его нужно содержать, платить зарплату сотрудникам, обновлять бумажную продукцию.

— Бумажную продукцию?

— Книги, журналы и газеты — для краткости.

— Красиво обобщили.

— Это мое дело, как обобщать, — снова огрызнулся парень.

Тем временем пожарным удалось притушить пламя. Языки над крышей библиотеки постепенно сжимались, становились карликовыми. В этот момент раздался треск, взметнулся столб искр, и огонь словно рухнул внутрь.

— Божечки, — воскликнула девушка. — Крыша провалилась?!

— Перекрытия прогорели и не выдержали, — заметил Артур скорее для солидности, потому что ничего не понимал в пожарах.

— Внутри температура в несколько тысяч градусов, — прокомментировал обрушение парень.

— Неужели ничего нельзя было спасти? — спросила девушка. — Там же на самом деле книги для детей и стариков.

— Мне кажется, пожар заметили, когда речи о спасении книг уже не шло. Пожарные старались отстоять здание. Все-таки — историческая ценность. Конец девятнадцатого века, — важничал Артур.

— И, наверное, ремонт исторической ценности ни разу не проводили, — ехидно заметил парень.

— Мне кажется, нет, — Артур пожал плечами.

Подоспевшие на подмогу пожарные расчеты тянули к библиотеке дополнительные шланги с водой, но даже дилетантам стало понятно — пожар удалось локализовать, и через час-два его потушат окончательно. Потому что огонь сожрал свою кормовую базу — внутри здания гореть было практически нечему. Разве что обломкам обугленных перекрытий, которые заполняли каменное нутро.

— Кошмар, кому-то же понадобилось поджечь библиотеку, — тихо произнесла девушка.

— Почему ты решила, что это поджог? — удивился парень. — Скорее всего, проводку замкнуло. Развалюха-то древняя.

— Если бы это было какое-то другое здание, я бы согласился, — вмешался в разговор Артур. — Библиотеки просто так не горят. Перефразируя известную цитату: если библиотеки загораются — значит, это кому-нибудь нужно.

— Почему? — удивилась девушка с высокими скулами.

— История показывает, что хранилища книг или специально поджигают, или им не уделяют должного внимания. Результат всегда один, — ответил Артур. — Кстати, один погибший на пожаре все-таки может быть.

Молодые люди удивленно обернулись к незнакомому толстяку.

— Там жил кот. Он всю жизнь ловил и отпускал мышей, чтобы они не погрызли книги.

То, что рукописи не горят, Булгаков мог бы долго доказывать Оруэллу, если бы тот не нашел под обломками разбомбленного немцами дома рукопись «Скотного двора». Но Оруэллу после многих дней, проведенных на руинах, удалось обнаружить повесть.

Старому работнику библиотеки, которого Игнат окрестил Пеннивайзом, пришлось гораздо хуже. Он не был автором неизданной рукописи. Да и вообще, за длинную жизнь почти ничего не написал, кроме стихов в юности да тысяч писем и библиотечных формуляров в зрелом возрасте. Библиотека была вторым домом старого клоуна почти шестьдесят лет. Первая жена библиотекаря рано умерла, вторая ушла через десять лет брака, осознав, что книжный червь с мизерной зарплатой с трудом обеспечивает не только ее,

но и себя. Детей он не нажил, маленькую квартирку от государства на окраине города получил много лет назад. Кстати, мог бы жить себе на пенсии: ее хватало и на скромные старческие запросы, и на оплату коммунальных услуг, и даже на недорогие лекарства.

Но Семен Гаврилович Дятлов, библиотекарь, не мог представить жизнь без тысяч книг и полок, на которых они хранились. Похоже, что эта любовь была сильнее, чем любовь к женщинам, чем честолюбие и жадность.

Когда в библиотеке происходило очередное списание книжных единиц, Дятлов, вырывая титульные листы из приговоренных фолиантов, гладил их обложки сухой, морщинистой рукой и на несколько мгновений замирал, словно проводил последнее причастие, старался успокоить поднимающихся на эшафот. Много десятилетий назад начальство иногда разрешало ему забирать списанные книги домой, потом запретило. Строгая отчетность, необходимость сдавать бумагу в макулатуру.

Спасенные книги дома у Дятлова тоже не жили полноценной жизнью. Они лежали пыльными стопками на полу, словно утомленные долгой дорогой и лишениями люди в лагерях беженцев. У них была крыша над головой. Их не уничтожили. Они целы. Но привычной жизни больше не стало. Они оказались ненужными.

Семен Гаврилович, казалось, понимал настроение спасенных книг, и в свой единственный выходной перебирал издания, стирал с них пыль, листал и менял местами книги в высоких стопках. Иногда дарил соседям, но такие подарки грозили неприятностями.

Госимущество, хоть и списанное, несло на себе отпечаток принадлежности. Ведь на семнадцатой странице — даже при вырванном титульном листе — навечно оставалось рабское клеймо: печать библиотеки и каталожный номер.

Конечно, Дятлова интересовали не только книги. Ему нравились люди, похожие на него самого, у которых при виде томов загорались глаза. Именно таких посетителей библиотеки старик считал своими единомышленниками. Поэтому каждому, кто пересекал порог, Семен Гаврилович старался помочь советом и иногда выдавал на руки больше книг, чем разрешалось.

Начальство закрывало глаза на причуды работника. Он и в самом деле был профессионалом. Даже при перебоях с подачей электричества, пока дорогостоящие компьютеры бессильно стояли с темными экранами, старик мог подсказать, на какой полке какого шкафа находится требуемая книга, есть ли она в наличии или выдана на руки...

Одним словом, библиотека была и любовью, и семьей, и смыслом жизни Дятлова.

На утро после пожара старик, как всегда, в полдевятого подъехал к остановке около библиотеки на автобусе. Привычно направился в сторону

сквера с фонтаном. Но уже издалека заметил неладное. Возле его работы тротуар практически до самой проезжей части был перекрыт узкими бело-красными лентами, под которыми текла вниз, к стоку у бордюрного камня, черная, как нефть, вода.

Дятлов ускорил шаг. По мере приближения к лентам, к старому фонтану, к зданию библиотеки он чувствовал все нарастающую боль в груди. Когда деревья сквера перестали скрывать обзор, старик бросился к руинам. Бежал в меру старческих сил. Ноги не слушались, боль в груди нарастала.

Он прорвал телом полосатую ленту, пронесся мимо неработающего фонтана. На глазах у изумленных судебных экспертов добрался до лужайки перед входом в библиотеку и рухнул на колени. Схватился рукой за левый бок и упал лицом в черную от копоти, промокшую траву, отвратительно воняющую гарью.

Когда люди в форме подбежали к Дятлову, пульс не прощупывался. Скорая подъехала через пятнадцать минут. Врачу оставалось констатировать смерть.

Игнат отомстил клоуну и его богадельне. Пеннивайз умер.

Глава 11. Идиотка и козлотур

«...Бредни сердца молодого в пламя
яркое камина я бросаю без участия»
(«Аутодафе» Генрих Гейне)

Будильник звонил не переставая. Игнат несколько раз попытался оторвать голову от подушки. Но запас решимости и силы воли заканчивался, как только он пытался сесть. Все тело ныло, словно вчера он впервые пошел в спортивную секцию и переусердствовал с одержимостью новичка. Комната вокруг кружилась, во рту пересохло, в руках не было силы. Опустив голову на подушку, Игнат покадрово попытался восстановить вчерашний вечер.

Я перед тренировкой зашел к Руслану. Он был в ванной и вышел голым. Показал баночку с таблетками — метом. Хотя кто его знает, что было в той банке! Руслан сказал, что это средство для повышения выносливости и надо пить вроде бы по одной таблетке на каждые десять килограммов веса. Сколько разноцветных кругляшей я проглотил? Два-три? Нет, девять! Потом еще глотал, после тренировок. Потом... Что было потом? Мы наполнили восемь бутылок коктейлем Молотова и пошли... Офигеть! Мы что?! Все-таки сожгли библиотеку?

Память нехотя делилась обрывками воспоминаний. Бег по ночному проспекту... Рука с силой швыряет горящую бутылку в окно... Огненные ру-

чейки текут по раме, по стене... Вторая бутылка, за ней — еще две... Ноги скользят в траве... Только бы не споткнуться... Игнат оборачивается... Из темного силуэта библиотеки, как из олимпийского факела, вырываются языки пламени... Руслан призывно машет рукой, требует прыгать в реку... Холодная вода обжигает разгоряченное тело... «Здесь — недалеко, метров сто», — говорит Руслан и плывет по диагонали... Кроссовки после реки как каменные... Они прощаются у Руслана в гараже, где оставляли айфоны... Он скидывает одежду в углу своей комнаты...

Наконец усилием воли Игнат смог оторвать голову от подушки и осмотреться: мокрая куча одежды валялась у двери, из-под нее торчали ручки спортивной сумки.

Игнат повернулся к стене. Пару секунд смотрел в оклеенную обоями поверхность. Потом заревел по-звериному и, крутанув ногами в воздухе, сел на кровати:

— Твою мать!

Рука потянулась за айфоном. Главная новость на городском портале: «Сегодня ночью вандалы дотла спалили городскую библиотеку». Фотографии каменного остова и надпись над обугленной аркой уничтоженной огнем входной двери: «In principio erat Verbum».

Ава говорила, как это переводится. «В принципе эротика верная»? «Иностранный принц эротического бума»? Глупости! Это латынь, древний язык умерших засранцев. Пошли они!

Рука автоматически пролистала фотографии в новости о библиотеке. Под ними были какие-то сопливые подписи, но утруждать глаза чтением этого мимимишного бреда не хотелось. Айфон полетел на кровать.

Игнат встал, поднял воняющую речной водой одежду и отнес в стиральную машину. Поставил режим бережной стирки, немного подумал и крутанул рычаг на стирку хлопка. Наполнил ведро водой и тщательно вымыл пол в том месте, где вчера скинул вещи.

Зазвонил айфон. На экране появились номер телефона и надпись «Авкасучка». Беседовать с ней не хотелось, но Игнат ответил:

— Хай!

— Привет! Слышал, что случилось ночью?

— Ты решила сделать мне предложение?

— Игнат!

— Скоро двадцать пять лет, как Игнат.

— Кто-то сжег библиотеку!

— Какую...

— В которой мы поругались.

Игнат секунду помедлил, соображая, что лучше всего сказать. И, как ему показалось, нашел подходящий ответ:

— Книги не сгорели?

— Глупый, — всхлипнула Ава. — Библиотеку полностью сожгли. Там ничего не уцелело!

— Сочувствую, — буркнул Игнат, жалея, что ответил на вызов.

— Я не могу поверить!

— Извини, потом поговорим. Я... я пока занят.

— Чем?!

— Пресс качаю, — проорал Игнат.

— Ты меня любишь? — закричала Ава.

Он нажал на сброс, а затем выругался в сторону тренажера:

— Да пошла ты, идиотка конченная!

Игнат попытался отжаться, но мышцы не слушались. Руки дрожали, как у психа, ноги скручивались.

— Чтоб тебя!

Он с трудом поднял тело, прилипшее к полу, и пошел на кухню. Глядя в окно, за которым болтались березовые листья, размешал стакан протеина. Бухнул стаканом об стол и принялся варить кофе, который на дух не переносил.

На свидание, к фонтану у библиотеки, Ава пришла раньше Игната. Под пристальным взглядом человека в форме, с дубинкой и наручниками на поясе, положила к ленте у руин букет из восьми красных гвоздик.

Ветер играл обгорелым, полусырым листком бумаги. На нем виднелись крупный печатный текст и изображение человеческой фигуры. Ава нагнулась и поймала лист. Это была страница из «Приключений Буратино». Деревянный малыш, зажав под мышкой азбуку, маршировал в школу. Только длинный нос обгорел, как лучинка.

В глазах девушки набухли слезы.

Это все, что осталось? В библиотеку Аву, еще в детсадовском возрасте, привел отец за сказкой об этом самом Буратино. Сюда она ходила школьницей за книгами, которые нужно было прочесть по программе. Позже, в университете, она иногда днями засиживалась в маленьком читальном зале, за шатающимся столом, отполированным локтями тысяч читателей. Библиотекарь, Семен Гаврилович Дятлов, за годы знакомства превратился в незаменимого консультанта, одного из самых близких друзей.

Ава вспомнила потешные вьющиеся волосы пенсионера, его старенькие очки, пухлые руки в крупных морщинах. Дятлов — человек, который никому не делал зла. Начисто отсутствовали в его характере черты, которые подтолкнули бы библиотекаря сделать другому плохо. Он был мягким, немного женоподобным и рыхлым, как только что испеченный пирог. Зло не живет в таких людях. Для зла нужны тестостерон и уверенность. Или — равнодушие. Ни первого, ни второго у библиотекаря не было.

Девушка вздрогнула: «Дятлов! Как он пережил этот пожар?!» Ава вскочила и подбежала к человеку в форме. Тот сделал шаг навстречу и грозно произнес:

— Назад! Дальше нельзя!

— Я не... Нет! Я не туда! Понимаете, я многие годы ходила в библиотеку, — Ава всхлипнула. — Хорошо знала библиотекаря. Старенький такой дедушка, полный, седой, в очках. Он не пострадал?

— Если вы его знали, обратитесь к родственникам. Они ответят.

— Нет у него родственников, — по щекам текли слезы.

Человека в форме передернуло, и он отошел в сторону. Ава последовала за ним:

— Вы же тут давно стоите. Вы ведь знаете. С ним все хорошо? Он не пострадал?

— Если я скажу, вы уйдете отсюда?

— Да, конечно, — тревога в груди Авы сменилась удивлением. — Мне физически плохо, когда я смотрю на эти развалины.

Правоохранитель почесал затылок под кепкой и нагнулся к девушке, будто хотел сообщить ей что-то важное, что не предназначалось для посторонних ушей:

— Умер дедушка. Пришел утром на работу, увидел все это и умер.

— Как умер? — рука Авы застыла на полпути ко рту.

— Сердце, скорее всего, не выдержало. Если он тут всю жизнь проработал, как говорят, то ничего странного. Даже молодого кондратий в такой ситуации хватит.

— А-а-а, — кивнула Ава, все-таки поднесла руку к голове и автоматически поправила непослушный локон, падающий на лицо.

Она развернулась и медленно пошла к фонтану. Сгорбленная и сломленная. Человек в форме пожал плечами и двинулся вдоль натянутой ленты к матери с коляской, которая подъехала слишком близко к ограждению.

Ава села на круглый парапет фонтана и разревелась, как ребенок. Крупные слезы текли по лицу и падали на зеленую майку. Из рта и носа лилось. Она пыталась вытереться тыльной стороной ладони, но это не помогало.

Слепило солнце. Прохожие недоуменно оборачивались. Человек в форме озадаченно смотрел на Аву, но не подходил.

— Семен Гаврилович... Семен Гаврилович... — шептали дергающиеся губы Авы.

В это время Артур, не торопясь, шел по раскаленному городу в сторону работы. Спешить не хотелось, потому что выездных заданий на сегодня не было, а провести остаток дня в душном помещении с еле работающим кондиционером — не самая лучшая перспектива.

В редакции хорошо зимой, когда за окном метель и укутанные в воротники прохожие, а ты сидишь перед светящимся монитором и медленно отхлебываешь из большой чашки свежезаваренный кофе. Летом, тем более в самом его конце, нужно запастись солнечной энергией.

Артур специально перешел на сторону, где стояло здание библиотеки, чтобы получше рассмотреть следы пожара и сделать пару фотографий. Возможно, они понадобятся в будущем при написании статей.

Здание выглядело эпично. Словно сейчас не двадцать первый век, а разгар одной из мировых войн прошлого столетия. Руины Дрездена после бомбардировки авиацией США и Великобритании. От библиотеки остались только черные стены, сквозь окна в которых просвечивали синее небо и листва сквера. Развалины уже не дымились. Место вокруг библиотеки обтянули оградительной лентой. За ней несколько людей в форме и голубых резиновых перчатках осматривали каждый сантиметр поверхности. Перед лентой расхаживали патрульные. Зеваки держали дистанцию.

Достав смартфон, Артур сделал с десятков снимков, стараясь поймать в кадр небо, которое виднелось через уничтоженные огнем окна библиотеки. Страж правопорядка у полосатой ленты внимательно проследил за действиями мужчины, но подходить не стал. Артур двинулся дальше.

На каменном ограждении неработающего сегодня фонтана сидела девушка в зеленой майке и желтых шортах. Судя по ее сгорбленным держащимся плечам, она рыдала навзрыд. В другой день Артур бы, наверное, прошел мимо, но теперь его что-то остановило. Девушка выглядела беззащитной. Длинные светлые волосы спадали вниз почти до тротуарной плитки. Рядом лежал маленький розовый клатч, покрытый разноцветными изображениями роз, ромашек и тюльпанов.

— Девушка, у вас все нормально? — поинтересовался Артур.

Плачущая незнакомка подняла лицо, распухшее от слез, и одним движением руки откинула назад волосы:

— Что?

— Спрашиваю, у вас все хорошо? Может, скорую вызвать?

— Скорую? — девушка удивленно огляделась. — Кому?

— Вам. Вы так из-за библиотеки... — Артур хотел сказать «убиваетесь», но потом подобрал более нейтральное слово. — Расстроились?

— Да... Нет... Умер мой друг. Он здесь работал.

— Как умер?! Пожар ночью произошел, здесь никого не было.

— Да. Я знаю. Он пришел утром на работу и...

— Семен Гаврилович? — выдохнул Артур.

— Да, — всхлипнула девушка. — Вы знали его?

— Конечно. Кто же не знал старика?

Артур присел рядом с девушкой и задумался.

Старый библиотекарь был хорошим человеком, увлеченным книгами, внимательным к каждому, кто пересекал порог старого здания. Как бы святотатственно это не звучало, но можно было утверждать, что Семен Гаврилович — мученик или даже святой. Нужно будет спросить у священника можно ли так говорить? Что если библиотекарь и был тем воплощением Бога на земле? Ходил между нами, подсовывал книги, старался сделать мир лучше. Но зло оказалось коварней и сильнее.

Со стороны проспекта донесся окрик:

— Эй, козел!

К Артуру с девушкой бежал огромный, спортивного вида парень:

— Отошел от нее, извращенец!

От удивления Артур раскрыл рот. Девушка прокричала хриплым от слез голосом:

— Игнат, прекрати!

Артур встал и повернулся лицом к парню:

— Добрый день, молодой человек!

— Пошел отсюда, жирный козел!

— Тогда уж козлотур, — Курбанов попытался обернуть все в шутку, но собеседник почти физически искрился от тестостерона.

Парень дернулся. Видимо, хотел замахнуться. Девушка подскочила и повисла на нем:

— Нет! Игнат, стой! Он меня успокаивал!

— Успокаивал?! — гигант кинул на Артура ненавидящий взгляд. Лицо безумное, зрачки расширенные.

— А ведь я вас знаю, — сказал Курбанов. — Вы с другом вчера бежали по этому проспекту, незадолго до пожара.

Эти слова подействовали на агрессора неожиданным образом. Он отступил назад, опустил глаза и пробормотал:

— Не было меня здесь.

— Вы с другом с сумками спортивными бежали. В сторону библиотеки.

Парень схватил девушку за руку и грубо потянул за собой:

— Пойдем. Это какой-то псих! — в голосе чувствовались одновременно и смятение, и раздражение. — Шизик долбанутый.

Чем-то Артур определенно выбил гиганта из колеи.

Парочка удалялась, не оглядываясь. Девушка, размахивая руками, что-то объясняла спортсмену. Тот засунул руки в карманы джинсов и сгорбился. Артуру показалось, что они совсем не подходили друг другу. Он — вспыльчивый, туповатый атлет. Она — стройная, интеллигентная красавица. Хотя, говорят, противоположности притягиваются. Но в данном случае противоположности выглядели совсем несовместимыми.

— Гражданин, — раздалось за спиной.

Артур обернулся — перед ним стоял один из правоохранителей, дежурящих у ленты.

— Да?

— Перестаньте нарушать порядок и проводить манифестации.

— Понял, — Артур не стал спорить. — Ухожу. Манифестации окончены. На работу опаздываю.

И Курбанов быстрым шагом направился в сторону, противоположную той, куда удалилась пара. В голове Артура крутились взаимоисключающие мысли: «Возможно, на самом деле Семен Гаврилович и был тем Богочеловеком, которого я искал? Но тогда допустимо и обратное. А что если Бог — сегодняшний агрессивный спортсмен?»

* * *

Игнат затащил Аву во двор ближайшего дома и силой усадил на скамейку. Девушка обхватила грудь руками и сжалась.

— Посмотри, на кого ты похожа! — хмурый Игнат протягивал айфон с включенной фронтальной камерой. — Не хочешь селфи?

Ава молчала.

— Ты же — пугало! Пу – га – ло! — напирал парень.

— Отстань, — девушка отмахнулась рукой и чуть не выбила из рук гиганта устройство.

— Прекрати истерику! — проорал Игнат.

— Уйди!

— Если я уйду, это навсегда, — он пропел слова на мотив какой-то старой песни.

— Уходи! — Ава подняла опухшее от слез лицо. — Я серьезно! Уходи!

— Что?!

— Убирайся! Убирайся! Убирайся!

Игнат нанес Аве пощечину.

— Еще?

Девушка с изумлением смотрела на него.

— Ты?.. Ты меня ударил? — губы со стершейся помадой дрожали.

— Еще хочешь? — не меняя тона, повторил вопрос Игнат.

Ава вскочила. Она стояла напротив, широко расставив ноги, и смотрела с ненавистью:

— Давай! В грудь бей! В живот — бей! Или повернуться к тебе спиной? По почкам будешь бить?!

Игнат снова ударил Аву по лицу:

— Заткнись!

Девушка упала на колени и вскрикнула.

— Что ж это ты делаешь, фашист?! — донеслось из окна первого этажа. Игнат повернулся на голос. За сценой наблюдала бабка неопределенного возраста в цветастом платке. Она непрерывно жевала губами, явно собираясь продолжить проповедь.

— Кошелка старая, тебя муж не воспитал? Окно закрой — стекла побью!

— Подонок какой! — не унималась старушка.

Игнат нагнулся к клумбе у подъезда, подхватил сухой ком земли и швырнул в сторону окна. Ком ударился в раму и щедро осыпал бабку высохшим черноземом. Окно сразу же захлопнулось. Старушка закрылась и продолжила что-то кричать и жестикулировать через стекло, но что она говорила, слышно не было.

— Проси прощения! — произнес Игнат холодным тоном. Он наконец-то добился того, чтобы Ава стояла перед ним на коленях. Теперь самое время заставить ее подчиниться.

Однако девушка взглянула на него снизу-вверх и произнесла:

— А ведь ты и правда подонок! Как же я раньше не видела!

Игнат почувствовал желание — ударить Аву ногой в лицо, разворотить его, содрать кожу. В теле даже зашумело от этой мысли: «Почему нет? Был бы урок на всю жизнь. Мордашка подпортится, зато никогда больше не посмеет с парнем так разговаривать. Но стрёмная бабка в окне... а вон еще и мамка на детской площадке пялится... Ну их всех, еще ментов вызовут! Пора валить отсюда».

Напоследок Игнат не смог отказать себе в маленьком удовольствии — сделал замах ногой в сторону Авы, словно футболист, готовящийся пробить одиннадцатиметровый. Только вместо мяча в этой игре была голова девушки. Игнату хотелось увидеть страх. Но Ава не отреагировала на замах, смотрела прямо в глаза.

Игнат плюнул на асфальт в сторону девушки и процедил:

— Не звони мне больше, шалава!

Глава 12. Творцы постправды

«Бог молчит. Как бы еще человека заставить заткнуться»

(Вуди Аллен «Памяти Нудельмана»)

Артур прижал таблетку к дверному замку и впорхнул в здание редакции. Здесь располагалось не только его издание с незатейливым названием «Городской курьер», но и еще несколько пишущих коллективов, в которых работали в основном пенсионеры. Работа журналиста в последнее время

оплачивалась по остаточным тарифам, и корпеть за компьютерами молодежь не спешила.

Главред на каждой планерке упирал на то, что современный журналист не только боец пера и клавиатуры, но и менеджер по продажам. Только с продажами у рекламного отдела не очень-то клеилось. Кому нужно давать рекламу в газете, если все читают новости в сети?

Артур крадучись прошел по скрипучему полу коридора, стараясь не привлекать к себе внимания. И не только поэтому — существовало подозрение, что доски под истертым линолеумом не меняли с момента постройки здания. А построено оно было, если верить воспоминаниям самого старого работника редакции Тимофеевича, в далеком 1953 году. Инстинкт самосохранения подсказывал Артуру, что однажды пол, которому давно пора не только на пенсию, но и на кладбище, под кем-нибудь да проломится. И полетит первый счастливчик не в космос, а в район межэтажных перекрытий, к трухе и крысиному помету.

Из-за угла выскочила Зинка из юротдела:

— Опаздываем?

Совиную физиономию Зинки украшал длиннющий нос. Дополняли композицию две ворсистые косички, торчащие над лопоухими ушами. Коллега Артура Костин, перед тем, как с ним не продлили контракт, к месту (и не к месту) называл Зинку лебедино-щучьим Бержераком. Эта кличка вгоняла девушку в краску, и она часто бегала жаловаться руководству. Хотя, если подумать, Костин имел право на столь некрасивое сравнение. Ходили слухи, что Зинка совала длинный нос везде, где могла, и бегала не столько жаловаться на прозвище, сколько доносить на коллег. С ней нужно было быть осторожным вдвойне. Артур ответил на невежливое приветствие:

— Никак нет! Собирал материал для статьи!

— Какой статьи? — ехидно поинтересовалась Зинка.

— Библиотека сгорела.

— Вот только не надо лапшу вешать, над этой новостью Сидоренко работает. С семи утра, между прочим.

— Сидоренко — бездарь, — веско заметил Артур.

— Почему это? — Зинка заинтересовалась новым эпитетом для коллеги.

— Из-за пожара человек погиб. Хор-р-роший человек! А Сидоренко об этом не знает, — и Артур показал Зинке кончик языка.

— Вечно вы, писаки, друг про друга гадости рассказываете, — фыркнула Зинка и побежала по своим делам.

Артур распахнул дверь в редакционное отделение, махнул коллегам рукой и прошел напрямиком к главреду, Степаньчу.

Степаньч, тучный мужчина шестидесяти пяти лет, подставлял лицо на-

польному вентилятору, но это не помогало. На конкурсе мокрых маек рубашка начальника завоевала бы первое место.

— Курбанов, у тебя совесть есть? — поинтересовался главред. — Ты умудрился опоздать на три с половиной часа. Может быть, тебя следует депремировать, чтобы вразумить?

— Виктор Степанович, не во мне дело! Я ж живу рядом с библиотекой — полночи наблюдал, как ее тушили... и заливали водой из реки.

— «Заливали пирогами и сушеными грибами», — поморщился Степаных, неточно цитируя стихи Чуковского. — Это ты мне сейчас заливаешь! Известно, что человек может бесконечно смотреть на три вещи и одна из них — огонь. Но мне, как твоему начальнику, пофиг, как ты там зажигаешь и заливаешь ночью. Твой рабочий день начинается в девять ноль-ноль, и будь добр к этому времени присутствовать в редакции. Ладно, свободен. Последнее китайское, как говорится.

— Виктор Степанович, я не о том!

— Отгул хочешь взять? — главред провел мокрым платком по сгорбленной толстой шее.

— Там человек погиб.

— Как погиб? — Степаных хищно посмотрел на Артура. — В официальной сводке ничего об этом не сказано.

— Утром на работу приехал библиотекарь, Дятлов Семен Гаврилович, увидел всё безобразие, и сердце не выдержало.

— Жаль старика, — Степаных махнул платком, обильные капли полетели на бумаги, разложенные на столе. — Да чтоб тебя! Знал я Дятлова, пухом ему земля. Правильный был мужик.

— Так и я о том же. Может я статью напишу, что преступники не только спалили библиотеку, но и фактически убили уважаемого в городе человека. Биографию приложу, фото Дятлова есть у нас в архиве.

— Э-э-эх! — произнес Степаных. — Никогда тебе не быть редактором, Курбанов! Если я рядом две новости про библиотеку размещу, что мне скажут в мэрии?

— Что?

— Что я занимаюсь очернением города и действительности! Ты вот что сделай. Пиши о Дятлове, раз раскопал. Послезливее, как ты умеешь. А я потом твой материал объединю со статьей Сидоренко. Оплата согласно процентам от того, что получится в итоге.

— Виктор Степанович!

— Еще слово, Курбанов, и останешься без премии! Рискнешь?

К трем часам дня статья, похожая на чудовище Франкенштейна, висела на сайте. Нудное повествование Сидоренко с подробностями пожара и элементами нравочений, а-ля классная вразумляет двоечников, заканчи-

валось душераздирающими деталями самоотверженной жизни и героической гибели старика Дятлова. Артур подвел статью к тому, что библиотекарь умер на своем посту, радея за знания, накопленные человечеством. Стараясь защитить их немощной стариковской спиной...

Судя по комментариям посетителей сайта, почти две трети читателей призывали казнить преступников прямо на месте. В идеале — усадив на свежеструганный кол или растянув между милицейскими автомобилями. Поджигателей сравнивали с фашистами, террористами и убийцами детей. Кто-то даже приплел иллюминатов, планирующих вернуть человечество в каменный век.

— Добрый у нас народ, — вздохнул Артур, читая отзывы.

— И коллеги у нас — хорошие, — из своего угла зло отозвался Сидоренко, у которого украли единоличную славу автора статьи. Крупнейшая библиотека в городе сгорела впервые за все время своего существования. Даже в войну Бог ее миловал.

Естественно, что такое культурное событие, как поджог библиотеки, требовалось обсудить с друзьями и творческими людьми. Поэтому вечером Артур снова оказался в гостях у Миши, который пояснил, что пожар в библиотеке — закономерный итог того, что происходит с цивилизацией.

— Разграбление Национальной библиотеки и Национального музея истории в Багдаде. Пожар в Национальном музее Бразилии, который уничтожил почти всю богатейшую коллекцию. Уничтожение огнем Кейптаунского университета и его библиотеки с коллекцией африканской литературы. Каждый раз мы узнаем, между прочим, из ваших, журналоги, статей, — Миша рубил воздух ребром ладони, — что, к счастью, при пожаре никто или почти никто не погиб. А вот поджигатели, к сожалению, так и не найдены. Да, что там библиотеки с музеями! Собор Парижской богородицы и тот умудрились спалить.

— Неужели ты бы предпочел, чтобы погибли люди, а книги и артефакты оказались спасены? — засопел Артур.

— Хороший вопрос. Кто я — гуманист или фашиствующий интеллеktуал?

— Так кто ты?

— Я, в первую очередь, человек! А люди вокруг меняются, — Миша изящно ушел от ответа на вопрос, на который, возможно, нельзя было ответить, не прослыв человеконенавистником. — Ты же слышал о клиповой культуре?

— Угу, — пробормотал Артур, откусывая от яблока.

— Считается, что первым ее описал Маршалл Маклюэн¹. Он считал, что

¹ Маршалл Маклюэн (1911-1980) — канадский философ и культуролог.

современная культура формируется, в первую очередь цифровыми технологиями. Люди из разных стран, на разных континентах, могут общаться друг с другом, как наши родители с соседями по лестничной клетке. Поэтому мы все живем в глобальной деревне...

— Почему не в глобальном городе? — Артур прервал размышления Миши и швырнул огрызок в мусорку для бумаг.

Хозяин поморщился: то ли от того, что гость перебил его мысль, то ли от того, что брызги от огрызка полетели по всей мастерской.

— Аккуратнее! — рявкнул Миша, а потом продолжил, как ни в чем не бывало. — Ты неправильно понимаешь слово «деревня».

— В смысле?

— Ты считаешь, что есть деревня, где жители пасут коров и растят картошку, и есть город, где ничего этого не делают, но собирают тракторы для деревни и приглашают журналистов на презентации новых моделей. Поспешу тебя расстроить. В философии «город» — некое огороженное место, где люди прячутся за условными крепостными стенами. Где придумывают законы, где строят храмы! Это одновременно и концентрация силы, и защита от внешних угроз. В городе даже вороны крупнее, чем в деревне. Потому что жратвы больше, а хищников меньше. Деревня, в отличие от города, неогороженное пространство, плавно переходящее в поля, леса и другие деревни. Именно эту особенность «деревни» и подразумевал Маклюэн. В сети не отгородишься от других людей стенами квартиры или кольцевой дорогой. Все прозрачно.

Артур закашлялся:

— И каким боком здесь клиповая культура?

— Вот! — воскликнул Миша, чье лицо начало напоминать лик проповедника. — Благодаря сети мы можем получить практически любую информацию, побеседовать с людьми, которые находятся в десятках тысяч километров от нас. В интернете есть все: фильмы, книги, картины, словари, средства массовой информации, социальные сети. А времени у нас по-прежнему — всего двадцать четыре часа в сутках. Физически мы не успеваем прочитывать и просматривать всю ту информацию, которая кажется нам первостепенной. Поэтому мы сначала стараемся успеть слопать то, что нам важно. И даже начинаем делать несколько дел одновременно: говорим по телефону, смотрим кино, отвечаем в мессенджере. А потом нам и на это перестает хватать времени. Люди начинают хватать короткие сообщения, не задумываясь о том, достоверны они или нет. Это раньше мы могли неделю упиваться горем из-за соседской собаки, которая попала под машину. Теперь нам на выбор предлагают десяток шокирующих видео: военные кадры, жестокий разгон демонстрантов, массовая гибель жирафов,

обрушение жилого дома, автоавария с большим количеством участников. И нам нужен все более короткий и шокирующий контент.

— Почему шокирующий?

— Потому что видео с собакой, которая попала под грузовик, никому уже не интересно. Легкий шок для нас уже и не шок совсем. Никто не будет смотреть видео малолетнего засранца, поджигающего школьный учебник. А вот кадры сгоревшей библиотеки заинтересуют многие новостные агентства. Это годный контент.

— И что будет дальше?

— Дальше? — Миша захохотал в голос. — Будущее существует сегодня. У театралов это называется сломом четвертой стены. Зрители — не просто сто обилеченных человечков, с напряжением следящих за происходящим на сцене. Сегодня каждый присутствующий в зале может принять живейшее участие в процессе. Либо тупо пялиться на действие, либо расхаживать по залу и подпевать артистам, либо вообще стукнуть кого-нибудь по лицу. Почему нет? Весь мир — театр, давно заметил Шекспир. Мы живем среди инфошума с разрушенной четвертой стеной. Воспринимаем только самые яркие, но обрывочные новости, перевариваем их на ходу и руководствуемся по большей мере фейками. Это называется миром постправды, когда эмоции влияют на наше поведение сильнее, чем проверенные факты.

— Жутковатая картина, — Артур взял еще одно яблоко и откусил от него.

— Нормальная картина, — Миша думал о чем-то своем, разглядывая кривую на одном из холстов. — Однако есть и один отрицательный момент. В мире постправды классическая демократия невозможна.

— Не понял, — Артур даже перестал есть яблоко.

— Мир постправды похож на общество, в котором во всех психушках объявили день открытых дверей. Ты же не веришь в то, что несколько миллионов психов путем свободного голосования могут избрать себе адекватное руководство? А в то, что миллионы могут менять лидера раз в пять лет, и каждый раз удачно?

— Миша, ты полез в политику. Какое отношение все это имеет к тому, что в нашем городе спалили крупнейшую и старейшую библиотеку?

— Все просто. Она нам больше не нужна. Мы живем в мире постправды, у нас клиповое мышление. У нас начался регресс. Никто не восстановит библиотечные фонды в прежнем объеме — нет ни денег, ни желания. Тем более, что почти все книги есть в интернете. Так и будут говорить. Беда в том, что, когда выключат электричество, мы останемся вообще без исторической памяти.

Глава 13. Опер. Просто опер

«Детектив — обезьяна литературы»

(Дмитрий Галковский «Бесконечный тупик»)

Опер Хромов постучал ручкой по стопке бумаг в раскрытой папке. Данные экспертов указывали, что старая библиотека сгорела не сама по себе. Ее кто-то поджег. И сделал это достаточно искусно, почти не оставив следов. Самой значительной уликой оказалось обугленное горлышко водочной бутылки. По предварительному заключению экспертов мест возгорания было несколько, поэтому так и полыхнуло. А вот мотив преступников оставался неясен.

Опер встал и прошелся вдоль стола. Коллеги разъехались по своим делам. Тесная комнатка на четверых превратилась в сносный кабинет для одного.

Хромову шел тридцать третий год, и плечи парадного кителя уже украшали майорские погоны. Высокий, подтянутый, с голубыми глазами и волевым подбородком. На висках серебрится легкая седина. Такие, как он, нравятся женщинам, но у опера не было жены. Не из-за того, что жил с родителями, а из-за недостатка свободного времени.

Майор остановился у стола и побарабанил по его краю ладонью. Хотелось курить, но покурить можно было только на улице, в закутке, скрытом от глаз посторонних. Идти туда никакого желания не было. Поэтому Хромов сел за стол и на листе бумаги попытался изобразить логику преступников.

В центре листа появился прямоугольник с разорванными линиями: четыре разрыва слева, четыре справа и один спереди. Сгоревшая библиотека, вид сверху. Перед передним разрывом Хромов нарисовал толпу схематических человечков с бутылками.

Поджигатели, как он предполагал, пришли со стороны проспекта и ушли в сторону реки, которую преодолели вплавь. В неустановленной точке преступники выбрались на берег и скрылись. Служебная собака взяла след и довела кинолога до набережной с полуразрушенным ограждением. Нырять там нормальный человек не станет, велик риск разбить себе голову о мусор на дне, но преступники, похоже, знали, где прыгать в воду. Значит — местные. Появился пунктир от схематично изображенной библиотеки до двух параллельных линий, изображающих реку. В том месте, где пунктир упирался в берег, Хромов поставил вопросительный знак и перевернул лист вверх ногами. Закусил кончик ручки. Дико захотелось курить, но он снова заставил себя отвлечься от этого желания. Сначала рисуем план с деталями, потом — перекур. В голове проносились мысли.

А вот тут интереснее. Отсюда они появились. Но как? На машине? Может быть. Тогда их должен был запомнить водитель. Или водитель — сообщник? Возможно. Но маловероятно. Тогда у них был бы другой способ отхода, на машине. Но предпочли через реку. Прямо диверсанты. Стоп! Эта фантастика потом. Сейчас пытаемся понять, как они приблизились.

Рука опера автоматически пририсовывала фигуркам преступников маленькие бутылочки в каждой руке.

Сколько было бутылок с «молотовым»? И как они их несли? Гипотетически могли и в руках — кто на ночной улице станет присматриваться, что несет группа людей: бутылки спиртного или зажигательное оружие? Допустим, они несли их в руках. Тогда получаются не только диверсанты, но и полные отморозки?

«Или — под веществами», — услужливо подсказал мозг.

— А вот это вполне жизнеспособная версия, — пробормотал Хромов. — Прыгать в ночную реку в конце августа, когда вода там, мягко говоря, не летняя, отчаянный поступок. Версия с обдолбышами вполне рабочая.

Стоп — Это точно были не диверсанты, но люди с хорошей физической подготовкой. Футбольные фанаты? Были вчера какие-нибудь матчи? Вроде бы нет. Фанаты агрессивные, но вряд ли станут прыгать в холодную, неосвещенную реку. Хотя под веществами... Или же просто спортсмены? Какие-нибудь бритоголовые... Возможно. Но с мотивом сложно. Зачем сжигать библиотеку? Заказ? Кому-то понадобилась земля в центре города? Бред. Честолюбие? Много ли чести будет тому, кто спалил памятник архитектуры, начиненный книжками? Мечь? Кому? Старику библиотекаря? Кому он мог так сильно перейти дорогу? Или это был психопат?

Хромов бросил ручку на рисунок и позвонил экспертам, чтобы запросить видео с камер слежения в районе библиотеки. Записей оказалось более тридцати. Работа предстояла адская.

Во время просмотра пятого ролика смартфон на столе Хромова беззвучно завибрировал. На экране появились номер телефона и надпись: «Гов. генерал-майор». Опер встал, вышел из кабинета и только тогда ответил:

— Да, Виктор Сергеевич!

— Хромов, как движется дело с поджогом?

— Достигнут определенный прогресс.

— Мне не нужен определенный прогресс! Мне нужен мерзавец, который все это организовал! Живой. Трясущийся. Кающийся.

— Так точно, товарищ генерал-майор. Будет сделано.

— Делай. У тебя — сутки!

— Есть.

Генерал отключился. Хромов бросил взгляд вдоль длинного, пустого ко-

ридора, окрашенного в цвет пшенной каши. Опять захотелось курить, но опер пересилил себя: «Еще две записи. Потом отдохну».

Однако пришлось просмотреть еще десять записей — на ускоренной перемотке, вперив в монитор красные от усталости глаза, чтобы ближе к полуночи обнаружить слабую зацепку. На записи из универсама «Север», расположенного в нескольких километрах от библиотеки, два спортивного вида молодых человека слишком аккуратно засовывали сумки в камеру хранения.

«Неужели эти? — забарабанил пальцами по столу Хромов. — Что они так нянчатся со спортивными сумками? Боятся треники помять?»

Перемотка показала, как два здоровенных лося — блондин и брюнет — вбежали в магазин. При этом брюнет так толкнул плечом какого-то хангы с бутылкой, что тот чуть не упал. Однако драки не случилось. Алкаш быстро удалился, а спортсмены, хохоча, подошли к ящикам камеры хранения и... Стоп! Оба о чем-то говорят и кладут в ячейки сумки так аккуратно, будто в них — по новорожденному.

Хромов автоматически сунул сигарету в рот и достал зажигалку. Ругнулся и не стал прикуривать.

Где-то были еще две записи из «Севера». Вот и вот. Так хронометраж. 23.12. Здесь! Они проходят по залу к отделу с напитками. Берут две поллитровые бутылки с водой без газа. Сразу же возвращаются к кассе. Торопятся. Куда?

На записи спортсмены стали в небольшую очередь. Блондин от нечего делать взял в руки кубическую коробочку. Брюнет последовал его примеру. Оба открыли коробочки, достали прозрачные пластиковые пакетики, разорвали их... К спортсменам подошел невысокий охранник. Завязался спор. Брюнет сделал замах, словно хотел ударить работника магазина открытой ладонью сверху по голове. Блондин, хохоча, остановил руку товарища и сказал несколько слов охраннику. Тот отошел и остановился за кассой. Спортсмены что-то достали из пакетиков и почти синхронно сунули в рот. Потом достали изо рта какие-то полоски...

«Это какие-то китайские печенья с предсказаниями, — догадался Хромов. — Судьбу свою хотят узнать. Ну-ну, удачи!»

Молодые люди на видео посмеялись, тыча друг в друга пальцами, и съели по второму печенью. Брюнет выплюнул на ладонь полоску бумаги, а блондин озабоченно сунул палец в рот и поводил им там. Последовала серия жестов в сторону охранника. Тот достал мобильный телефон и что-то ответил спортсменам.

Во время расчета на кассе завязался горячий спор. Блондин, судя по всему, отказывался платить за коробочку. Она сначала полетела на транспор-

терную ленту, потом в лоток для покупок, а затем вообще в голову девушке-кассиру.

Интересно. Они там в «Севере» настолько любят клиентов, что не замечают явную «хулиганку». В других магазинах давно бы наряд вызвали. У этого охранника или железные нервы, или полные штаны. А парней хоть сейчас закрывай. Одна статья уже есть.

Брюнет прервал рассерженный монолог блондина и швырнул кассиру банкноту. Девушка пробила товар, спортсмены пошли к ячейкам с сумками. Охранник поднял кубическую коробочку из-под ног девушки-кассира и выкинул в мусорное ведро под кассой.

Хромов хотел было остановить видео, но в этот момент блондин с сумкой в руках снова появился в кадре и сделал в сторону девушки-кассира угрожающее движение. Появился охранник — спортсмен исчез.

Первая камера наблюдения показала, что спортсмены подошли к ячейкам, выпили воды, аккуратно достали сумки и неспешно двинулись к выходу. Проходя мимо кассы, блондин метнулся к ней и исчез с видео, затем снова появился, и его увел брюнет.

«Отморозки полные, — подумал Хромов и посмотрел на часы. — Пять минут первого. «Север» же у нас работает круглосуточно? Вот и чудненько».

Опер сделал с видео несколько скриншотов, на которых лица спортсменов были видны более-менее четко. Но только более-менее. В мессенджере разослал скриншоты участковым с пометкой: «Срочно! Подозреваются в поджоге!» Затем встал со стула и почувствовал боль в спине, которая в последние месяцы усиливалась. Утренняя зарядка, если на нее оставалось время, больше не спасала.

Хромов захлопнул папку с делом о поджоге, которая за день успела распухнуть в несколько раз и положил в сейф. Минуту подумал, достал пистолет, сунул в кобуру подмышкой.

В машине опер закурил, приводя мысли в порядок.

Эти два отморозка из «Севера» — первые подозреваемые в списке. Надо бы прошерстить спортклубы и качалки, такую мускулатуру просто так не вылепишь. И интересно, что у них было в сумках, если они их так бережно ставили и доставали?

В «Север» Хромов приехал в половине первого. В магазине дежурил не тот охранник, что был накануне. Но коллега дежурившего в ночь конфликта смог немного прояснить ситуацию.

Два спортивных парня, скорее всего под действием каких-то веществ — спиртным от них не пахло — вели себя неадекватно и устроили небольшой дебош. До кассы вскрыли подарочные наборы с китайскими предсказания-

ми. Охранник стал объяснять, что вскрывать товары можно только после оплаты. Произошла словесная перепалка. Основной конфликт разгорелся, когда один из спортсменов обнаружил, что во втором из запечатанных печений предсказания не оказалось. Клиент отказывался оплатить товар.

Хромов поблагодарил за пояснение, уточнил адрес проживания охранника, который дежурил в ночь инцидента, и поехал к нему домой.

Несмотря на поздний час в квартире неспали. Пьяный хозяин начал реветь на позднего гостя, но, увидев документ, предложил пройти на кухню, уставленную мисками с не доготовленными и недоеденными салатами, пустыми бутылками на полу и раскаленной духовкой.

— Извини, начальник, сын на побывку вернулся. Празднуем, — прокомментировал хозяин жилища. Он пересказал Хромову все то, что опер и так уже выяснил, и замолчал.

— Вы знакомы с кем-нибудь из покупателей, которые хулиганили в ту ночь?

— Я?! — охранник выпучил глаза. — Нет! Впервые видел.

— Они еще возвращались в «Север»?

— Нет. Я их больше не видел.

— Хорошо. Какие-то особые приметы запомнили? Родимые пятна, шрамы, дефекты речи.

Охранник задумался. Со стороны казалось, что он вот-вот уснет. Но вместо этого хозяин квартиры достал пачку сигарет, предложил одну Хромову и махнул рукой на банку из-под маринованных огурцов. Сделали несколько затяжек, стряхивая пепел в зеленоватую воду.

— Слушайте! — воскликнул охранник. — Никаких особых примет у них не было. Разве что здоровые оба, что те лоси. У обоих голубые глаза. Короткостриженные, только один брюнет, а второй — блондин. Рассчитались налом, дисконтной карточки у них не было. Тут без вариантов пробить их по клиентской базе. Хотя блондин называл брюнета Русей, Русликом. Это я хорошо запомнил, потому что моя тетка вышла замуж за ингуша по имени Руслан и все мурлыкала: «Руся!» Поэтому я решил, что брюнет — Руслан, но не кавказец, нет. Просто темный.

— Руслан как-нибудь обращался к блондину? — глаза Хромова сузились, он перестал курить.

— Да... — охранник снова задумался. — Как-то по-испански... Игнасио, вроде бы.

— Говорил по-испански?! — удивился опер.

— Не-е-е... Говорили они по-нашему. Но Руся называл второго Игнасио. Как в сериалах этих женских, помните? Дон Игнасио, дон Педро...

— Дон Педро тоже был в «Севере»?

— Нет. Это я так, про сериалы... Второго точно звали Игнасио.

— Может быть, его звали Игнат?

— Может быть, и Игнат. Но имя Игнат не звучало.

Хромов быстро выписал повестку на утро и протянул ее охраннику:

— Завтра подойдете к одиннадцати утра, чтобы оформить показания, — опер встал.

— Скажите, а что они натворили?

— Человека до смерти довели.

— Вот подонки, — картинно возмутился охранник.

— У меня к вам личная просьба. В следующий раз, какие бы требования не выдвигало руководство магазина, сообщайте нам о фактах нарушения общественного порядка. Это поможет снизить уровень преступности и, возможно, спасет чью-то жизнь.

Хромов попрощался с озадаченным хозяином квартиры и ушел в ночь. Сидя в машине, опер снова закурил и раскидал в чаты с участковыми новую порцию сведений: «Возможные имена подозреваемых — Руслан и Игнат. Клички: Руся или Руся и Игнасио».

Опер завел машину, когда смартфон завибрировал. Владимир Водокачкин, участковый с девятнадцатого, написал: «Так это и есть Руслан и Игнат. Два бойца из клуба «Питбуль».

Хромов тут же набрал Водокачкина:

— Володя, адреса Руслана и Игната есть? Добрый вечер!

— Есть адрес Игната, товарищ майор. Он на моем участке живет. Руслан, вроде бы, на двенадцатом. Добрый вечер!

— Володя, я еду к тебе. Сколько у тебя на участке людей?

— Сейчас двое: я и стажер.

— Маякни на двенадцатый. Если Руслан их, пусть вызывают ОМОН и берут. Предупреди ребят, что он склонен к насилию. К себе тоже ОМОН вызывай, вооружайтесь со стажером, будем брать твоего дона Игнасио.

— Есть, товарищ майор!

(продолжение в следующем номере)

КАЛЕЙДОСКОП «СЛАВЯНСКОЙ ЛИРЫ»

*Лариса ЖЕЛЕНИС
(Ярославль, Россия)*

(1-е место по версии профессионального жюри и зрителей Международного литературного фестиваля «Славянская лира-2021» в номинации «Поэзия. Свободная тематика»).

О маме

Не пойму, что случилось со мной,
не пойму – это былъ или небыль...
Придавило меня тишиной,
тишиной бесконечного неба.

По июльскому полю иду,
будто смотрит оно васильками,
провожает до речки, к мосту,
а потом, по тропиночке – к маме.

Дом из детства плывёт и река...
Мама учит нести коромысло.
Зачерпнув из реки облака,
мама дарит красивые мысли.

В старом доме мы сядем вдвоём,
поглядим, как пылинки запляшут.
Соберутся волшебным лучом
золотые мгновения наши.

Я увидела как-то во сне
много солнца, пшеница созрела...
Мама шла сквозь колосья ко мне,
на меня, улыбаясь, смотрела...

А когда наяву в горле ком,
я не верю, что нет её рядом –
в поле тихим погожим деньком
небо маминым светится взглядом.

Поздней осенью

Я как будто ослепла – не вижу
ни вечерней дороги во мгле,
ни дождя, ни упавшего ниже
неба, скомканного по земле
одеялами жёлтыми листьев...
Почему я не вижу, куда
уплывают, как птицы по выси
перелётные наши года?
Через юность, от зрелости к детству,
эти птицы на память маршрут
знают свой, и сжимается сердце
от прощальных осенних минут.

В зеркале дождя

Я иду по зеркалу дождя –
по сырой асфальтовой аллее.
Липы в это зеркало глядят,
ни о чём они не сожалеют,
весело любуются собой –
обновила им весна наряды!
Вьётся в листьях лентой золотой
солнечная майская прохлада...

Ну, а я... могу ли я жалеть,
что вдали осталось столько вёсен,
что цветную жизни круговерть

всё быстрее в прошлое уносит?
И, как знать, где на твоём пути –
может, на ничтожной его части –
будут благодатные дожди,
солнечным сверкающие счастьем?!

Наталья ШАБЛО

*(Химки, Московская обл.,
Россия)*

(3-е место по версии профессионального жюри и зрителей Международного литературного фестиваля «Славянская лира-2021» в номинации «Поэзия. Свободная тематика», 1-е место в дополнительной номинации «Поэзия о творчестве и творцах» по версии жюри и зрителей).

Первая страница

Скрип половиц. Замедленная речь.
Горит теплом разморенная печь,
И рыжий кот растянут на диване.
Щеколда стукнет, загудит в трубе.
Поправлю плед заснувшему тебе.
День уплывает лодкой в океане.

И, растворяясь в сумерках небес,
Чернеет хлебной корочкою лес.
А после, по законам океана,
Его плотает тёмно-синий мрак,
Где лодку не догнать уже никак, –
Не вытащив удой Левиафана...

Пусть семь потоков сойдут во сне веков,
И выйдет Нил из древних берегов,
Плыви себе в видениях Танаха.
Архангел Гавриил наточит меч...
Ветхозаветным гулом дышит печь.
В ней догорает половица страха.

Увидишь сам, как утром в феврале
Две первые звезды, взойдя в золе,
По дымоходу вырвутся наружу.
От них пойдут вселенские ростки...
Ну, а пока на лепесток руки
Клади во снах истерзанную душу.

Здесь хорошо. Здесь прост и ясен быт.
И чайник на живом огне кипит.
Вкуснее чай от чабреца с душицей.
Ты будешь чист, проснувшись поутру.
И жизнь начнёшь со снега на ветру
От Иоанна первую страницей...

Самоидентификация

Рассвет. Крепостное солнце
Расцвечивает бетон.
Я в городе без эмоций,
Где утро как сдавленный стон.
Я в городе небоскребов,
Скребутся они в душе
Лиловой тоской эфиопов,
Замешанной в латыше.
Хазары, калмыки, монголы –
Их всех кочевая рать
Теряют во мне глаголы.
Я пробую их каслать.
Кто я? В этом месиве наций,
Где столько чужих имён?
Я – плод вековых миграций,
Я – маленький Вавилон.
Славянская белая кожа

И первая группа вен.
Я загнана кем-то тоже
В эпоху больших перемен,
В плавильное это пространство.
И молча плотаю рассвет.
Смирению учит христианство,
Но не было здесь и нет
Ни правды ни в ком, ни веры...
И скифские стрелы звенят.
Тридцатых годов пионеры
Призывно три ноты трубят.
Таджик намывает стёкла.
Сигналит киргиз в такси.
В борще вызревает свёкла
К обеду всеядной Руси.
Не помню, кто я... Так лучше.
Я, кажется, только плоть.
Обычный житейский случай,
Имперских амбиций ломоть.
Я в городе арматуры,
Где нет никаких корней,
Черны рубероидов шкуры
И серы ковры площадей.
Но вот азиатское солнце
Коснулось остатка рек...
И вспыхнул огонь эмоций –
Я вспомнила: я – человек!

Дождь по мостовой

Дождь по мостовой – неувидительно.
Серый контур города промок.
Вот прохожий на бегу стремительно
Мне отвесил зонтиком кивок.
Все бегут – ручьи, машины, улица,
Время, мысли, капли по лицу.
Намокая, белый лист сутулится,
Подводя заведомо к концу
Так и ненаписанной истории
Наблюдения за дождем мои,

Как плывут нелепо в акватории
Люди-шлюпки, люди-корабли...

В Болшево

Здесь сосны соблазняют красотой
и сердце с электрички перестуком
созвучно уносящей пустотой
чужой беде, проглоченной без звука.
Ах, как пером начертаны слова!
Нет, вырезаны прямо в плоти сердца.
В косынке низкой лоб, а голова
уж знает наперед, куда ей деться,
в какой петле закончить вечный круг,
где оборвать призванье быть поэтом.
Как сосны соблазнительны вокруг!
Как коротко то большевское лето,
что неизбежность осени сулит
и мысль, что обязательно вернётся!
Как скуден счастьем тот последний быт...
И счастье-птица в руки не даётся.
Оно за голос требует: «Плати!»
За родину – по полной – лихолетьем!
И стынет осень пламенем в груди,
рябиново-багровою камедью.
Что нам искать в суме её судьбы,
принявшей яд забвения спокойно?
Здесь сосны небывалой красоты...
Здесь сказочно. И потому так больно
в который раз нарваться на обман,
на громкое величие державы ...
Недалеко тот ров, над ним – туман,
где тень страны. И тень посмертной славы.

*ЛУЧНЁВА Елена Ольгердовна
(Тверь, Россия)*

(2-е место в номинации «Крылатые качели: поэзия о детях и для детей», 3-е место в номинации «Поэзия. Свободная тематика» по версии жюри Международного литературного фестиваля «Славянская лира-2020», 1-е места в обеих номинациях по версии зрителей).

Разговор с мамочкой

«Для чего болит сердечко?
Отчего ушёл закат
в воды тихой нашей речки?
Кто вернёт его назад?»
Вечер тёмный, вечер томный,
бесконечны облака,
и, пока всё это помню, —
я живу ещё пока.

– Просто дышим. Пишем просто,
что пошлют нам небеса, —
стой и слушай. Время роста.
Жизнь прозрачна, как роса.
Как роса, она прохладна.
Окунись в последний час
в эти травы, ладно?

– Ладно!

– Жаркий полдень не про нас.

... Нам ещё с тобой долгонько
звёзды на небе считать.
Губ твоих коснусь легонько,
снова буду вспоминать,

что гуляли мы вдоль речки
много-много лет назад,
для чего болит сердечко,
и куда упал закат...

У каждого в душе своя деревня

У каждого в душе своя деревня:
Свой дом, свой ледоход, свой звездопад.
И, как услышишь говорок напевный,
Так сразу станешь сказочно богат.

Что надо знать? Что ты кому-то нужен,
Что ты любим, что мать ещё жива,
Что в русской печке ждёт нехитрый ужин,
Что есть на свете добрые слова.

Есть добрый взгляд и стон ветлы усталый,
Луна в окошке, скворушка в саду,
А впереди – так много! И так мало...
... На склоне лет я вновь сюда приду.

Но – нет деревни. Не дымятся трубы.
Не встретит лаем старый верный пёс.
И лишь до крови ты прикусишь губы:
Погост

быльём

в твой рост

зарос.

Пропавшее настроение

Митя грустный поутру,
он не смотрит на сестру, –
настроенье потерял,
где он только не искал!
Под столом искал, в комодке,
в шляпе маминой по моде,
в рюкзаке с игрушками,
в сундуке с подушками,

под кроватью и в буфете,
даже в спрятанной конфете.

Огорчённый сел на стул,
прямо в зеркало взглянул,
улыбнулся, рассмеялся –
с настроением повстречался!

Новогодний поезд

Я никак не успокоюсь:
стул за стулом, ножка к ножке
строю я сегодня поезд,
ну, конечно, понарошку.

Мой вагон пусть первым будет!
Сразу он за паровозом.
Куклы сели – это люди,
краснощекие, с мороза.

...Я лежу на верхней полке,
наблюдаю из окошка:
огоньки бегут на ёлке,
едем быстро мимо кошки...

Вот большая остановка –
в поезд сядет братик Митя.
– Кошка, Вы, сказать неловко,
без билета? Выходите!

Кошка очень недовольна –
ехать было бы привольно.
Митя в кассу заскочил
и билетик ей купил...

...Мите книжку я читаю,
наш вагон слегка качает,
проводница угощает
пирогамы, сладким чаем...

Ехать в поезде отлично:
куклы спят, горит ночник,
кошка дремлет, чуть мурлыча,
мимо ходит проводник...

Поезд мчит нас первым классом –
чух-чух-чух да чух-чух-чух...
Паровоз гудит наш басом:
«Ту-у-у!» – захватывает дух!

Настроенье – чудо просто!
Едем к бабушке мы в гости!
Едем мы на Новый год!
Очень бабушка нас ждет!

Митя путешествует

Я еду на автобусе
по старенькому глобусу!
Мелькают, как страницы,
столицы, страны, лица.
Автобус пластилиновый –
где красный, где малиновый,
но в общем без изъяна, –
до края океана
доехать я на нем хочу!
Потом автобус поверчу,
кораблик из него слеплю,
поставлю парус кораблю,
и храбрым капитаном
я непременно стану!
Я поплыву через моря
туда, где ясная заря
зовет к себе восходы,
надежды и народы!
А горы встанут на пути –
я крылья сделаю – лети!
Кораблик-самолетик
уже стоит на взлете!

Суметь донести: нет прекрасней на свете
Родимого края, родного Отечества!

Пока молодёжь с исключительным рвением
Штурмует «Фейсбук», «Инстаграм», «Одноклассники»,
Теряются в тёмной пучине забвения
Святыни, обряды, традиции, праздники.

Стираются в памяти лица и даты.
И больно от этой ужасной нелепости.
Не хочется верить, что дети когда-то
Забудут бесстрашных защитников крепости,

Не вспомнят однажды о книгах Скорины,
Не скажут: «радзіма», «сябры», «добрай раніцы».
В огромных сетях мировой паутины
Забудут о предках своих! Что останется?!

Пусть в век инноваций, крутых технологий
Свободно вливается век малой родины!
И каждый запомнит тропинки-дороги,
Деревню и дом, запах спелой смородины,

Берёзки над речкой и хлебное поле,
Бабулины сказки и песни колядные,
Аллею каштанов, ведущую к школе,
Родные просторы свои неоглядные...

Пусть дети узнают историю деда,
О битве великой за наше Отечество,
Навеки запомнят, что праздник Победы –
Немеркнувший подвиг и дар человечеству!

Пусть «гуглят» подростки не «Бентли» элитный,
Не модный айфон, не блокбастер расхваленный,
А строки Купалы, обряд самобытный
И Полоцк, и Несвиж, и «Линию Сталина»!

Нам есть, что любить, что беречь, чем гордиться!
И всё, что веками Отечеством пройдено –

Для всех поколений святые частицы
Такого простого понятия «Родина».

Вперёд смотреть!

Плеснуло солнце краски в облака,
Размазало от края и до края.
Рассвет встречает шумных чаек стая.
Попутный ветер, брызгами играя,
Свободу в мир несёт издалека...

И кажется, что вечно будет свет,
Корабль штормам и бурям неподвластный,
Маршрут проверенный и экипаж прекрасный,
Надежный курс, фарватер безопасный
И море жизни светлое! Но нет...

Затянут небо тучи пеленой.
Волной тяжелой, мутной смоем счастье.
И ветер парус жизни рвет на части.
Накатит пенный вал проблем, напастей.
И... сломанные крылья за спиной.

Холодным липким ужасом объят
Глядишь на всё из капитанской рубки.
Как выжить в этой страшной «мясорубке»?
И есть ли шанс единственный и хрупкий?
Бьет корабельный колокол набат!

И в щепки палуба. Рукой подать до дна.
И жизнь на острие смертельной бритвы.
Последняя решающая битва.
Тебе осталась только лишь молитва...
Крепчает шторм. И за волной волна.

Нет сил! Ты обречен на тяжкий плен,
Позорный и мучительный... Но все же,
Держись за жизнь! Она всего дороже!
Пока не сдался, ты не безнадёжен!
Держись! Вяжи узлы! Вставай с колен!

И шквал обрушится на судно вновь и вновь,
Подхватит круговерть страстей и судеб...
«Руби концы!» – плевать, «что скажут люди»!
«Вперёд смотреть!» А дальше – будь, что будет!
И светлый парус новой жизни приготовь!

Смотри во все глаза – ищи маяк!
Он есть всегда в любом житейском море.
Он путь укажет в радости и в горе.
Тогда, мой друг, с волной и ветром споря,
Ты сможешь победить и шторм, и мрак!

Обломки судна отнесёт на сотни миль...
Растает в море штормовая пена.
Рассвет крошечной тьме придет на смену.
И лишь сейчас себе узнаешь цену!
Сейчас, когда судьбу разглядит штиль.

Поймёшь, как ты свободен и силен!
С отважным сердцем и душой горячей
Ты со стихией справился бурлящей –
Надёжный, закалённый, настоящий!
Огромным счастьем жить вознаграждён!

Рисунок на асфальте

Красивые ромашки на асфальте
Цветут с утра – видны из всех квартир.
И девочка в красивом белом платье
Старательно выводит слово «мир».

И синим мелом выкрашено небо,
Журчит кристально чистая река,
Негромко шелестят колосья хлеба
Под лёгким дуновением ветерка,

И аисты парят под облаками
В бескрайних небесах родной страны –
Рисунок разноцветными мелками
В прекрасный летний день. И нет войны!

Не рвутся смертоносные снаряды,
Пожары не дымят над головой,
И во дворе друзья, и мама рядом,
И похоронок с фронта нет – отец живой.

Нет слов: «расстрел», «концлагерь», «голод», «гетто».
Есть – «счастье», «солнце», «мир», «добро» и «свет».
Смеётся детство и бушует лето,
И мирный разгорается рассвет!

Рисунок яркий трудно не заметить –
Слова на нём видны из всех квартир.
Какое счастье видеть: наши дети
Рисуют на асфальте только МИР!

Рассказывайте детям о войне

Рассказывайте детям о войне...
Не об игрушечной войне. О настоящей.
Пусть знают, что бывает дом в огне,
Что смерть ужасную несет снаряд летящий.
Быть может это сложно для ребят,
Рожденных в мире без войны и взрывов.
Но нужно знать о подвиге солдат,
Благодаря которым все мы живы!
Пусть знают Брест, Новороссийск и Сталинград
И помнят знаменательные даты,
Расскажут своим внукам про парад
На Красной площади в победном сорок пятом!
Пусть знают, что такое Тростенец,
Дахау, Освенцим, Треблинка и гетто,
Что значат «дот фашистский», «пуль свинец»,
И «хлеб блокадный» пепельного цвета.
Разруха, голод, ужас, смерть – война!
И миллионы изуродованных судеб.
Им нужно знать, что жизнь у нас одна!
И, как в компьютерной игре, другой не будет!
Пусть радуются солнцу и весне,
Пусть знают цену жизни, миру, хлебу!
Рассказывайте детям о войне...
Пусть помнят! И живут под мирным небом!

Ольга ЛЮБАШИНА (г. Минск)

(1-е место в номинации «Крылатые качели: поэзия о детях и для детей» по версии жюри Международного литературного фестиваля «Славянская лира-2020»).

Проснулось сказочное лето

В тенистом парке у фонтана
В лучах июньского рассвета
От звуков птичьего сопрано
Проснулось сказочное лето.

Обуло ножки в босоножки,
Умыло личико в фонтане
И побежало по дорожке
В цветастом ярком сарафане.

Будило росные цветочки,
Над ними бабочкой порхало.
Целуя нежно лепесточки,
Ромашкой клумбы украшало.

И, утомлённое, под вечер,
Воздушной шалью из тумана
Укрыло бронзовые плечи
И задремало у каштана.

Уснули в капельках тумана
Деревья, травы и цветочки...
А ночь в том парке у фонтана
Из ярких звёзд плела веночки.

Облака-лошадки

Катался ветер на лошадке
Из серебристых облаков.
Он лихо мчался без оглядки.
Вихрил снежок из-под подков.

Скакать лошадке надоело.
Преобразив свой внешний вид,
Раскатом грома прогремела,
Дождём расплакалась навзрыд.

Но ветерок не растерялся,
Другую лошадь обуздал.
Ещё резвей на ней катался:
То опускался, то взлетал.

Упрямый ветер дул на тучи,
Он разгонял их на пути,
Неугомонный и летучий,
Лошадку гнал: «Вперёд! Лети!»

Ёжики

На опушке солнечной средь берёз и елей
Ёжики колючие ножки, спинки грели.
Ёжики, ёжики – серые клубочки,
Собирали ёжики ягодки, грибочки.

Солнышко лучистое поглотили тучи,
Напугали дождиком ёжиков колючих.
Ёжики, ёжики – колкие иголки,
Разбежались ёжики, спрятались под ёлки.

Ветер непоседливый гонит тучи в дали.
Солнечные лучики в кронах заиграли.

Ёжики, ёжики, глядя друг на дружку,
Выбегают ёжики греться на опушку.

Замысловатый мир теней

Проснулась ночь, крадётся тишина.
И звёзды, и луна с небес взирают,
Как темнотою правит фея сна.
И тени, словно в сказке, оживают.

Они рисуют странные дома...
Привычный мир куда-то исчезает.
И кажется, что ночь сошла с ума.
Замысловатый мир теней – пугает.
Идёт прохожий – выползает тень.
Причуды темноты, причуды света.
Тень, обогнав, залезла на плетень
И незаметно растворилась где-то.

А за собакой тихо по пятам
Бежит не тень, а страшный призрак ночи.
Повсюду бродят тени: тут и там.
За ними наблюдают неба очи.

Затейливые кружева теней
От дуновенья ветра оживают,
Под тусклым светом жёлтых фонарей
То задрожат они, то замирают.

КУРУЛЁВА

Анастасия Сергеевна

24 года, учитель английского языка средней школы №22 г. Минска имени С. И. Грицевца, активно участвует в дистанционных семинарах, конференциях и обучающих курсах. Художница, пишет стихи. Лауреат различных, в т.ч. литературных конкурсов. Победитель в номинации «Драматургия» Международного литературного фестиваля «Славянская лира – 2021» по версии жюри (2-ое место).

С.Т.Р.А.Н.А.

драма в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Антиутопия – 35 лет, глава страны
Нигилизм – 25 лет, член нового правительства
Риск – 18 лет, член нового правительства
Страх – 40 лет, член нового правительства
Тирания и Анархия – 30 лет, сестры, члены нового правительства
Свобода – 30 лет, жительница страны
Ум – 30 лет, житель страны
Искренность – 20 лет, жительница страны
Трепет – 25 лет, житель страны
Любовь – 35 лет, жительница страны
Момент – 35 лет, житель страны
Старик – 75 лет, житель страны

Страна. Будущее.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена 1

Антиутопия в своем кабинете смотрит в окно.

Антиутопия: Ну, что же, новый мир пришел и в эту обитель. Меняют-

ся устои, порядки или всё остаётся как прежде, только, наконец, надевает праведную тень.

Солнце совсем скрылось. Даже я чувствую его нехватку, но что поделать? Люди сами пришли к такому миру, к своему миру, где во главе должна стоять Антиутопия. Я уважаю их выбор, я ценю гнев, который они обрушивают на собственные тела.

Я горда наказанием, но кто скажет: сколько оно продлится? А нужно ли?

Скоро собрание (*смотрит на часы*). Думаю, пора услышать голос, который не задаётся подобным вопросом, ибо знает всю точность изменений (*выходит из кабинета*).

Сцена 2

*Зал заседаний. Нигилизм и Страх.
Нигилизм просматривает свой доклад.*

Страх: Здравствуй, Нигилизм. Что-то ты рано, ещё никого нет.

Нигилизм: Сегодня первое заседание новой власти. Я выступаю с докладом (*показывает на листы*). Решил: приду пораньше, настроюсь.

Страх: Значит, послушаем тебя, послушаем (*садится за стол*).

Появляется Антиутопия.

Сцена 3

Зал заседаний. Нигилизм, Страх и Антиутопия.

Страх: Добрый день!

Нигилизм: Великий день настал!

Антиутопия: Приветствую вас! А где остальные?

Врываются две девушки, спорят, кричат друг на друга.

Сцена 4

Те же, Анархия, Тирания.

Анархия: Как ты можешь иметь подобные взгляды?! Чепуха!

Тирания: Чепуха?! Не тебе говорить о таком! Вот уж чьи взгляды не поддаются логике! Королева хаоса!

Анархия: А тебе лишь бы держать кого-нибудь за глотку, да не кого-нибудь – всех! Как получилось, что мы с тобой – сёстры? Ты раздражаешь!

Тирания: Молчи, ужасное создание!

Антиутопия: Девушки, тише!

Обе замолкают.

А теперь, здравствуйте. Вашим родителям, определённо, повезло – в доме нет места скуке (*улыбается*). Но, давайте вернёмся к нашему собранию. Нам есть, что обсудить (*оглядывает присутствующих*). А где Риск? Уже время.

Нигилизм: Может, начнём без него?

Антиутопия: Вероятно, мы вынуждены это сделать. Прошу Вас (*обращается к Нигилизму*).

Все сидят за столом, Нигилизм стоит.

Нигилизм: Спасибо. Итак, на данной земле начинается новый виток, и я нахожу подобные изменения огромнейшим плюсом для людей. К чему привыкли они? Постоянно склонять головы и плестись непонятно куда, не спрашивая себя о цели похода. Глупость, сплошная глупость.

Антиутопия: Полагаете, сейчас они гордо будут смотреть ввысь?

Нигилизм: Может, и не будут, а может, и посмотрят. В любом случае – люди оторвутся от ценностей, от своих персональных оков. Это ли не счастье?

Тирания: На смену одним оковам обязательно придут другие. Такая уж человеческая природа: им нужно сдерживание.

Страх: Вот мы и будем их где-то сдерживать, где-то – помогать. Мир опасен, люди хрупкие для него.

Анархия: А я согласна с Нигилизмом.

(Тирания: Ну, конечно).

Пора отпускать себя. Хватит смотреть в прошлое!

Нигилизм: Сейчас народ понял свою ошибку. Осознал: дальше жить так нельзя.

Антиутопия: Позвольте заметить: на протяжении долгого времени человечество роет яму, братскую могилу.

Анархия: (*перебивает*) Но относятся друг к другу далеко не все по-братски!

Антиутопия: Соглашусь с вами. Так вот: люди роют эту яму, бездну, которая способна поглотить всех. Кого-то – уже, кому-то ещё предстоит в неё заглянуть. Вы же понимаете: мы здесь не просто так.

Страх: Они нуждаются в нас.

Тирания: Кто чувствует вину – мечтает о наказании.

Нигилизм: В очередной раз их план потерпел фиаско. Пора вносить изменения. Всё правильно.

Антиутопия: Мы все в одном месте. Определённо – это правильно.

Анархия: Новый мир, новый взрыв.

Страх: Новый крик.

Тирания: Новая присяга.

Нигилизм: Новый подход.

Гаснет свет.

Сцена 5

На одном из этажей здания правительства. Страх и Риск.

Страх: Вы посмотрите кто это: сам Риск! Почему не явился на собрание? Ты не последний на данной земле.

Риск: А что мне надо было делать на собрании вашем: слушать помпезные речи о решении, которое ломает людей?! Слышишь?! Они должны жить! Бросаться в омут, совершать ошибки, быть собой в конце концов!

Страх: Ну, в омуте может быть опасно. Сам знаешь: кто там водится.

Риск: Ты не понимаешь! Мы – лишние.

Страх: Нет, мы никогда не будем лишними. Ни страх, ни риск не способны находиться вдали от людей. Мы – рядом.

Пойдём. Сейчас будет представление власти.

Сцена 6

На балконе здания правительства. Новая власть. Внизу – люди.

Голос объявляет каждого:

Страх!

Тирания!

Риск!

Анархия!

Нигилизм!

Антиутопия!

Поприветствуйте: наша новая СТРАНА!

За этим внизу наблюдают Любовь и Момент.

Сцена 7

*В доме у Старика. Искренность и Трепет.
Искренность и Трепет обнимают друг друга.*

Искренность (*обращаясь к Старика*): Послушай, ведь ты давно не выходил из дома, не чувствовал прохлады ветра на своём теле. Не хочешь ли ты со мной и Трепетом выйти на улицу?

Старик долго ищет, а потом достаёт поломанный зонт.

Старик: Я не могу. Теперь постоянно идут дожди, а мой зонт совсем сломался. Сперва нужно починить. Без него, увы, но дом покидать нельзя.

Трепет: Если бы во всём был виноват зонт, как хорошо бы мы жили.

Сцена 8

В доме у Свободы. Ум.

Ум: СТРАНА вряд ли теперь останется пригодной для жизни. Люди несчастливы. Хоть многие их действия предполагали подобный исход, я вижу, что есть и иные решения. Их мало, крупица.

Люди добровольно закрыли себя на замок, потерялись в ощущениях, идеалах и своих возможностях. Жаль эти земли. Совсем сырыми стали.

Свобода: Пора перебираться в другое место, взять кипу чистых листов и разрешить себе написать историю ещё раз. Да, ошибок много, но ведь и раскаяние тоже есть. Людям нужно счастье, нужно найти его.

Ум: Мы должны им помочь. Сами они не справятся.

Свобода: Вина затопила их.

Ум: Если вина способна влиять на людей, значит, не зря всё делается.

Свобода: Только за это мы уже можем их отблагодарить.

Ум: Но как всем жителям края показать путь?

Свобода: Мы напишем послание.

Ум: Книгу! В которой подробно всё опишем.

Свобода: И каждый найдёт свою тропу.

Ум: И назовём эту книгу...

Вместе: Утопией!

Ум: Она всем нужна.

Сцена 9

На улице. Любовь и Момент.

Любовь: Ты видел: новая власть показала свои обличия. Теперь всё поменяется.

Момент: Давно поменялось. Просто, никто не хотел замечать подобного. А теперь...

Любовь: Нет, не говори, что поздно! Можно всё исправить! Вернуть!

Момент: Думаешь, получится?

Любовь: Мы не будем сидеть, сложа руки. Пора возвращать прежнюю жизнь!

Сцена 10

Дом Свободы. Свобода размышляет и записывает.

Свобода: Утопия... Что это за место такое? Место ли? А, может, это ощущение? Дуновение ветра? Попытка освобождения? Это одиночество

или объятья? Это слово «вместе» или всплеск, который шумом своим пробуждает, поднимает над вершинами? Смелость или слёзы? Ласка? А вдруг – это рука, тянущаяся, невзирая ни на что? Проводник. Солнце. Звёзды. Свечка.

(шепотом): Пусть лампочка всегда горит, и каждый пойдёт на свет.
В окне за ней наблюдает человек в плаще.

Сцена 11

В доме Свободы. Ум, Любовь, Момент, Искренность и Трепет.

Любовь: Мы с Моментом думаем, что нужен диалог.

Трепет: Диалог?

Момент: Да. Нужно поговорить с новой властью. Подобные разговоры – признак эрудированности.

(обращается к Уму): Тебе ли не знать?

Ум *(ехидно)*: Вам не кажется, что время для бесед – не самое лучшее?

Свобода: Вы хотите пойти вдвоём?

Любовь: Я уверена: мы можем переубедить их.

Ум: Переубедить! Любовь! Ты себя-то хоть слышишь?! Люди не готовы к разговорам, прямым взглядам! Они не осознали, что так можно. Вот вы с Моментом всё решили. А как же люди: вы их посвятили в свои планы? Они пойдут к властям? Покажи мне это!

Любовь: Не веришь?! Да пожалуйста! *(подбегает к двери)*.

Искренность: Ребята! Давайте успокоимся! Разрозненность не поможет делу! *(бежит вслед за Любовью)*.

Трепет: Давайте слушать друг друга! Я понимаю: все нервничают, но мы не должны поддаваться на провокации.

Любовь выбегает во двор, Момент – рядом. На крыльце – Искренность и Трепет, чуть дальше – Ум.

Любовь: Люди! Пожалуйста: послушайте нас! Мы все можем жить по-иному.

Момент: Ничего не утрачено! Не сомневайтесь: Солнце встретит рассвет. Вы должны это знать.

Любовь: Вместе мы способны вернуть прежнее.

Момент: Нам нужно быть вместе.

Некоторые люди останавливаются, слушают, но большинство – быстро уходят. Слышится детский плач. Появляется Страх.

Страх: Тише-тише, дитя.

(обращается к Любви и Моменту): Ну и что вы тут устроили? Люди дрожат от ваших речей.

Из небольшой толпы слушателей выходят Анархия и Тирания.

Анархия: А мне понравилось. Так эмоционально!

Тирания (*смеётся*): Всё для тебя, сестра.

Страх: Да-да, выступление получилось экспрессивным!

(*обращается к людям*): Давайте будем расходиться.

Улица пустеет. Свобода смотрит в окно и замечает человека в плаще.

Появляется на крыльце.

Свобода: Заходите в дом, нечего здесь стоять.

Все заходят.

Сцена 12

На улице. Свобода и человек в плаще.

Свобода: Я не боюсь тебя. Мне кажется, ты не будешь мешать, наоборот – хочешь добра для всех. Я ищу Утопию: место, где люди смогут жить. По-настоящему. Не быть дымкой. Понимаешь меня?

Звучит голос: Утопия...

Свобода: Да-да.

Голос: Где Утопия?

Свобода: Где?

Человек в плаще уходит.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена 1

Ум сидит в саду.

Ум: Утопия... Так, а какой маршрут? Близкий он или далёкий? Погода... Какая должна быть там погода? Всегда лето или все времена года?

Подходит Риск, садится рядом.

Риск: Чем занимаешься?

Ум: Могу ли я говорить такое новой власти?

Риск: Попробуй.

Ум: Вот ты только одно слово сказал, а мне уже хочется всё рассказать тебе, поделиться.

Риск (*улыбается*): Так не сдерживай себя!

Ум: Утопию ищу, вернее ищем. Я тут маршрут прокладываю. Всё для людей, чтобы им жилось хорошо.

Домики красивые. Не за горами тот день, когда все будут стоять с рюкзаками и чемоданами!

Риск: Ой, Ум! Тебя бы Наивностью назвать, лучше звучит! Разве другое место избавит от кандалов, которые крепкой хваткой держат людей?
(поднимается): Полагаешь, всё решит домик? Утопия...
Собирается уходить.
Так всё-таки: где она? *(подмигивает).*
Ум: Где?..

Сцена 2

*Дом Старика. Искренность и Трепет.
Старик чинит зонт.*

Старик: Глядишь, скоро и почию, на крыльцо своё ступлю, да, ребята?
Искренность подходит и сзади обнимает Старика. Трепет заламывает руки.

Сцена 3

У здания правительства. Любовь и Момент.

Любовь: Всё равно, я хочу разговора.
Момент: Ты же знаешь: я хочу этого не меньше.
Любовь: Мы должны пробраться туда.
Момент: Они выслушают нас.
Любовь: Мы делаем это ради людей.
Момент: Ради лучшего блага.

Сцена 4

Дом Свободы. Свобода лежит на полу в комнате. Врывается Ум.

Ум: Свобода! Я нашёл! Утопия! Я знаю!
Свобода: Туда нельзя привести людей, да, Ум? Ведь нет конкретных координат.
Ум ложится рядом.
Ум: Люди вычеркнули счастье из своего сознания. Надели чёрную шаль печали, срослись с ней.
Свобода: Помнишь, мы хотели написать книгу-маршрут для людей?
Ум: Это по-прежнему прекрасная идея.
Свобода: Да. Только теперь нужно писать нечто большее.
Ум: Пора вернуть людям счастье.
*Оба поднимаются и начинают работу.
Световые и музыкальные эффекты.*

Свобода: Готово (*держит в руках книгу*).

Ум: Творение для всех.

Свобода: Для каждого существует своя тайна.

Звон. Свобода и Ум выбегают на улицу. Они видят человека в плаще, который их зовёт, затем – быстро уходит. Свобода и Ум идут за ним.

Сквозь тучи начинает появляться солнце.

Сцена 5

Дом Старика. Искренность и Трепет.

Старик чинит зонт.

Стук в дверь. Трепет открывает. На пороге – Риск.

Риск: Здравствуй, Трепет! Не можешь позвать хозяина?

Подходит Старик, в руке – поломанный зонт.

Риск: Здравствуй-здравствуй, дорогой. Не хочешь прогуляться со мной?

Старик: Я не починил свой зонт. Как я без него буду? Дождь идёт!

Риск: Дождь... Пусть идёт, пусть. А ты иди ко мне на улицу, на этот воздух.

Давай, выбрось зонт, не держись. Просто всё, просто. (Протягивает руки к Старику).

Старик колеблется, но всё же медленно разжимает руку и зонт падает.

Хватается за Риск и выходит на улицу. Следом – Искренность и Трепет.

Появляется солнце. Все улыбаются.

Сцена 6

Зал заседаний. Нигилизм, Страх, Тирания, Анархия.

Любовь и Момент прячутся.

Вбегают человек в плаще – Антиутопия. Снимает плащ.

Антиутопия: Любовь, Момент, что же вы там прячетесь? Садитесь ко всем. Мы рады лицезреть вас.

Тирания: Кого я вижу! Те самые артисты!

Анархия: Какие артисты?

Тирания: Которым ты комплементы делала. Ученики твои, можно сказать.

Анархия: А, на улице! Помню-помню.

Страх: И я помню. Эмоционально, громко и совсем не нужно.

Нигилизм: Интересно. И чем же вы недовольны?

Любовь: Много чем. Мы...

Стук в дверь. Заходит Риск.

Риск: Извините.

Антиутопия: Ну что вы. Добрыми делами промышляете, Риск? Зовите уже своих друзей.

Входят Искренность и Трепет.

Страх: Ну что, будем начинать?

Антиутопия: Ещё нет.

Появляются Свобода и Ум.

Антиутопия: Вот теперь все в сборе.

Сцена 7

Все за столом.

Нигилизм: Да, хорошая компания собралась. Столько народу!

Тирания: Я бы в очередной раз послушала эту даму (указывает на Любовь).

Любовь (встаёт): Вы меня извините, конечно, но людям тяжело при таком правительстве. Это угнетает.

Анархия: Чушь!

Нигилизм: Их поступки привели к новому устройству.

Страх: Люди запутались, устали от постоянного выбора. Им нужна конкретика, чёткость.

Антиутопия: Благодарю всех за высказывания.

Смотрит на Свободу с книгой в руках. Та встаёт, Ум – тоже.

Свобода: Мы искали место одно.

Ум: Утопией называется.

Свобода: Хотели маршрут для людей проложить.

Ум: Новая жизнь.

Свобода: Новая попытка всё изменить.

Ум: Мы не сразу поняли, что пошли по ложному пути.

Свобода: Мы искали место.

Ум: Требовали точных измерений.

Свобода: А всё оказалось куда глубже.

Ум: Я пришёл к этому благодаря одному уже другу.

Риск выпрямляется.

Свобода: Мне тоже помог некто.

Антиутопия: Значит, вам помогли разные неравнодушные?

Ум указывает на Риск, а Свобода замечает плащ.

Свобода: Мне помогли Вы.

Риск подбегает к Антиутопии, встаёт перед ней на колени.

Риск: Вы говорите: я добрыми делами промышляю, так мне есть с кого брать пример (*поднимается, стоит рядом*).

Антиутопия (*обращаясь к Свободе и Уму*): Назовите фразу, которая действительно нужна людям.

Вдвоём: Не отрекайтесь от духовного.

Гаснет свет, а когда появляется снова – наряд Свободы украшен.

Ум (*шепчет*): Утопия...

Трепет: Не может быть!

Искренность плачет.

Нигилизм: Однако!

Момент обнимает Любовь.

Антиутопия: Вы же понимаете: она здесь не останется. Сами сказали: нет конкретного места. Утопия в Сознании людей. Пусть книга служит помощником.

Свобода-Утопия: Я знаю. Кому нужна – тот и придёт ко мне. Своей дорогой. Избранной.

Антиутопия: Я признаю тебя, как сестру.

Сейчас люди чаще обращаются ко мне. Вероятно, на то есть причины. Но теперь у них имеется защита в твоём лице.

Свобода-Утопия: Главное – искать.

Антиутопия: Поиск делает людей живыми. Каждый находит своё.

Выстраиваются и называют себя:

Свобода

Трепет

Искренность

Момент

Ум

Любовь

Хором: СТИМУЛ!

Антиутопия: Как же важно уметь открывать свет на разных уровнях познания.

Звон.

Свобода-Утопия: Мне пора. Я знаю, что люди будут меняться, они будут искать, и я каждого встречу, приму с распростёртыми объятьями.

Всех обнимает.

Любовь: А где будем мы? Здесь?

Тирания: Конечно.

Анархия: Нас нельзя вычеркнуть.

Риск (*улыбается*): Простите, от нас тяжело избавиться.

Нигилизм (*смеётся*): Не извиняйся!

Свобода-Утопия кладёт книгу и уходит.

Ум дотрагивается до страниц.

Антиутопия: Она от тебя не ушла. Ты нашёл Утопию.

Ум: Я знаю.

Сцена 8

Все – на балконе. Впереди – Искренность, Трепет, Ум (держит книгу), Любовь, Момент. Чуть дальше – Нигилизм, Анархия, Тирания, Страх и Риск.

Хором: Люди! Для вас послание: не отрекайтесь от духовного!

Сцена 9

Зал заседаний. Антиутопия надевает плащ.

Антиутопия: Интересно, когда в следующий раз мне придётся здесь появиться?

Занавес.

КОНОПЛЯНИКОВ *Юрий Викторович*

Прозаик, драматург, киноактёр, заместитель председателя Международного сообщества писательских союзов, заместитель председателя Общероссийской общественной организации писателей «Общероссийское Литературное сообщество», генеральный директор издательства «Дружба Литератур», заместитель председателя правления Профсоюза писателей России, член президиума Общероссийской общественной организации писателей «Литературное сообщество России», академик Академии литературы, член-корреспондент Академии поэзии, лауреат литературной премии МГК ВЛКСМ, МО СП РСФСР, журнала «Москва» и издательства «Московский рабочий», Всероссийской литературной премии имени Гавриила Романовича Державина, литературной премии имени Владимира Даля, премий «Золотое перо Московии» 2-й и 1-й степени, премий имени К.С. Станиславского и имени А.П. Чехова, кавалер ордена «Служение искусству», награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, член Союза писателей России, Союза кинематографистов России, Союза журналистов России, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

ИЗ КНИГИ РАССКАЗОВ «ТЫ СПАС МЕНЯ, БРАТ»

Угасший сад

Вот наша аллея. Здесь несколько моих деревьев. Но школы нет. Ограды тоже. И сада нет.

Деревья шелестят ещё не увядшей пока листвою.

Ночь. Играет музыка. Горит вон свет – в соседнем опустевшем доме.

Жил город. Была страна. И нет её. И город весь распался.

А когда-то, давным-давно, в школьные годы, будучи семиклассниками, мы вместе с учениками разных классов закладывали здесь цветущий, как казалось, сад – копали ямки и сажали саженцы.

Зачем?

Урок гуманизма

Год 1960-й. Мне десять лет. Возвращаемся домой от Шверберга, отцовского друга. Насмотревшись фильмов о войне и презирая гадов-фашистов, спрашиваю:

– А Шверберг, папа, немец?

– Да, сынок, – неторопливо произносит отец.

Стояла весна. Конец марта. Светило солнце, и таял снег, – природа пробуждалась от зимней спячки. А лицо отца, словно чувствуя мой вопрос, оставалось почти неподвижным, задумчивым.

– Тогда почему ты дружишь с ним? Он же враг, фашист?!

– Шверберг – очень хороший человек, – ласково сказал отец, слегка приобняв меня. – Ты потом, когда вырастешь, сынок, поймёшь, что народ не виноват в том, что творят его правители.

Это сказал один из тех (мой отец!), кто по-настоящему воевал и с боями дошёл до Берлина. Я запомнил его слова на всю жизнь. В них не было ни тени ненависти, ни тени вражды. В них была человечность.

Общежитие

Общежитие всем хорошо (за одним исключением – ты не принадлежишь самому себе, не в состоянии организовать, с кем хотелось бы, интимную связь). Вечный вопрос – где? С тобой же ещё человека три проживают. А тут входит сокурсник Колька, в руках держит полбутылки водки, даря её, и радостно предлагает:

– Бери цыпочку и занимай мою комнату. В ней никого нет, все разъехались. Я третий день кайф ловлю, отдохну хоть у тебя. А будут «гости» стучать – никому не открывай, – отдав ключ от своей комнаты, он тут же рухнул на мою кровать и уснул.

Я же, млея от счастья, кинулся к заочницам, у них шла сессия, но они всегда готовы и к приключениям, и к развлечениям. Нашёл, конечно, согласную красиво провести вместе со мной. Вот что значит студенческая пора: секс, точно грибы после дождя, доставлял сплошное удовольствие. Она была с чёлкой и очень мне нравилась.

Однако на следующий день, находясь в такси, подъехав к институту, по-

лез в карман плаща за деньгами, чтобы рассчитаться, а достал колоду карт с порнухой. И главное – на первой карте, открывшейся взору – сам я в положении «лёжа на спине», а на мне сидит она, один к одному – моя заочница, да ещё и «с чёлкой». Всё точно, как вчера. «Ужас! – мелькнуло в воспалившейся голове, как любят говорить сегодня те, кто в то время не жил: – Тотальная советская слежка...»

Оказалось, что нет. Просто сильное сходство: на игральной карте в виде фото, если хорошо всмотреться, были и не я, и не моя пассия «с чёлкой».

Болгарин, мой сосед по общежитской комнате, как потом выяснилось, вернувшись после игры в покер далеко за полночь, не стал включать свет, чтобы ненароком никого не разбудить, и перепутал, засовывая в гардеробном шкафчике вместо своего в мой карман плаща запретную, но сильно будоражащую воображение, незнамо где и за какие «бешеные» деньги добытую колоду карт, исполненную порнографическими сюжетами.

В одесской «маршрутке»

С моим двоюродным, горячо любимым братом-одесситом мы не виделись ровно двадцать девять лет. Так сложились обстоятельства. Так распорядилась судьба: уезжал я из Одессы ещё советской, а вернулся в ту, которая сегодня, – на дворе стоял конец августа 2005-го года.

Брат выглядел каким-то зачумлённым. У него красивая, статная жена, а он то и дело заводил речь о Юлии Тимошенко...

Что за страсти мучают их здесь на Украине? Кто бы о чём ни говорил, а они своё – о политике и политиках.

«Юля, она такая... – талдычил брат. – Она прекрасная! Зажигательная, смелая, решительная, настоящая, женственная, обворожительная, выдающаяся. Непревзойдённый политик, оратор... И премьер-министр!¹»

Я не выдержал и глубокомысленно подытожил:

– Вот мы столько лет не виделись, брат. Едем по родной твоей безоблачной Одессе в дружелюбном транспорте – в «маршрутке». Ты такую херню несёшь. А мне так приятно, что твоё плечо рядом.

Брат меня понял (услышал!): озорно толкнув, рассмеялся и ни слова больше не сказал ни о политике, ни о бывшей комсомолке Юлии Тимошенко.

¹ На тот момент – 2005 год, вы ж понимаете!

Бородка клинышком

Их так много развелось. Особенно в начале 90-х, когда страна пошла под откос. Все они стали охаивать героев Великой Отечественной. Подтасовывать, подменять факты. Утверждать, что всё было по-другому, что многое выдумали журналисты, писатели. Что все те, кто подвиги совершали, были клиентами психиатрических клиник и так далее. Но тот, о котором пойдёт речь, лично предстал передо мной совсем недавно – только что ушедшей осенью.

Наблюдал я его в банно-оздоровительном комплексе в Новопределкино. Выхожу после парилки на крыльцо подышать осенней улицей. Солнечно, красиво, свежо. Присел, а на такой же скамейке, что и подо мной, сидит напротив некое увесистое существо с бородкой клинышком, туго завёрнутое в простыню ниже пояса, и сладкоголосо вещает, просвещая, видимо, на редкость удачливого, молчаливого собеседника, стоящего рядом, – молодого гастарбайтера из Закавказья, пришедшего в баню помыться, заодно, может быть, и трусы постирать. Гастарбайтер также, как и абориген, плотно завёрнут в белую простыню ниже пояса, но, в отличие от своего московского «просветителя-интеллектуала», он ничего не говорит, лишь уважительно слушает. А тот наворачивает, открывает, видите ли, гостю столицы новую, им «творимую правду» о героях Великой Отечественной войны. «Зоя Космодемьянская, – говорит он, – это же сумасшествие. Её не было. Такие выдуманые, как она, если были, кроме вреда для мирного населения ничего больше сотворить не могли». Я тут же встрял в его проповедь и агрессивно оборвал эту дурь, выдаваемую за подлинник. «Да, конечно, – врзал я банному «мудрецу-сказителю», – сумасшедшие, кто же ещё (!) выиграла ту, Великую войну!» Раззявив было рот, мой визави заткнулся. А я, сплюнув от досады, что не могу набить морду этому дебилу за его наглое враньё, выдаваемое за «правду», ушёл в парилку.

Рабыня Изаура

Именно наши мамы, и никто другой, обеспечили в СССР небывалый успех бразильскому телесериалу «Рабыня Изаура».

Они, отвоевав родное отечество, восстановив, поставив его после адских разрушений на ноги, вырастив детей, вынянчив внуков, выйдя на пенсию, получили, наконец, возможность свободного времени для сердечных разговоров, душевных радостей, поддерживающих и продолжающих жизнь друг друга и страны.

Поэтому, когда наши мамы в октябре 1988 года садились к экранам телевизоров, «жизнь на улицах замирала. Отменялись свидания и встречи, на витринах магазинов возникала дежурная табличка «Переучёт», у парадных пустовали без бабушек лавочки...» Вот до какой степени захватывающим был этот бразильский сериал «Рабыня Изаура». До такой, что однажды я стал невольным свидетелем поистине ошеломляющего триумфа этого кино у нашего зрителя (у самого близкого мне зрителя).

Моя мама поутру позвонила как-то своей подруге и справилась о её здоровье:

– Как себя чувствуешь, Катя?

А та ей в ответ:

– Ой, Надя! Так плохо, так плохо. Боюсь, помру и «Рабыню Изауру» не досмотрю!

Страничка войны

Несколько раз поднимались в атаку и захлёбывались – немцы опрокидывали атакующих. В очередной раз вернулись назад в окопы, один из бойцов говорит: «Нечипоренко! Смотри – у тебя шапка прострелена!» И действительно – в лобной части шапки была дырка от пули, ещё даже дымилась.

Тут раздалась команда опять атаковать. Рядовой Нечипоренко, богатырского вида и склада человек, пока рассматривал шапку, отложил автомат, а, когда раздалась команда: «Вперёд! В атаку!» – закинув ППШ² за спину, схватил со злости лежавший рядом топор и кинулся на врага.

На этот раз немцы дрогнули и, покидая свои траншеи, побежали. Какой покрепче – тот бежит сильнее, какой послабее – тот попадает под удар топора Нечипоренко. Ротный кричит про одного из отставших немецких доходяг: «Рядовой Нечипоренко! Не убивать! Брать живым!» Но Нечипоренко в ответ: «А до хрена их тут!» И, точно воспарив над землёй, вихрем летя вперёд, рубил направо и налево клятых фрицев.

Когда же на новом, отбитом у немцев рубеже, началась разборка боевых действий, ротный строго спросил: «Рядовой Нечипоренко! Вам было приказано не убивать, брать живым. Почему не выполнили приказ?» – «Так он же мог меня убить! Видишь, шапка прострелена?!» – без следа смущения, молниеносно ответил рядовой. – «Так это может быть не он?» – усомнился ротный. – «Как – не он? – слегка даже обиделся на ротного за его сомнения Нечипоренко. – Он! Я же видел!»

Хотя, понятное дело, как можно увидеть, кто в тебя стрелял во время стремительного наступления на противника.

² Пистолет-пулемёт Шпагина

Послевоенное детство

Мой лучший друг, Сергей Ковязин, учась тогда, как и я, в четвёртом классе много читал «военки» (книг о войне). Однажды, когда мы сидели вдвоём на веранде его финского дома, построенного в начале 50-х годов двадцатого века в нашем молодом посёлке на берегу Иртыша, он не выдержал прочитанного и заплакал, жалея меня. Серёжа сказал: «Когда начнётся война, немцы тебя расстреляют». – «Почему?!» – сильно удивился я. – «Потому что ты похож на еврея».

Тут я и сам заплакал, но уже не от прочитанного, а от сострадания, от горечи к слезам друга.

Сила библиотек

Безжалостная правда 90-х: в это время с отчаяния оттого, что мы не нужны больше родине, многие пили с утра до вечера и наоборот. И только бедные мамы продолжали контролировать ситуацию и держать нас в строгости.

– Просыпаюсь ночью, – рассказал как-то мне один из тех, кто пережил «то время», – похмелиться надо. Мать не дремлет, всегда начеку, поэтому тут же в коридорной темноте раздаётся её грозный окрик из соседней комнаты: «Ты куда?!» Замерев, судорожно ищу ответ, который бы её успокоил. «В библиотеку!» – наконец, соображаю. – «Иди!» – поверила мать. И я побежал за бутылкой. Вот какая сила была у библиотек! – резюмировал собрат по пережитым 90-м годам прошлого века.

– У советских библиотек! – уточнил я.

Ваши документы

Алексей Андрианович, отчим другого двоюродного брата моего, по имени Саша, очень терялся, когда надо было принимать решительные меры. Саня же, отдав долг Родине, отслужив армию, загулял на всю катушку и привёл однажды в дом, когда все уже спали, двух девиц с «низкой социальной ответственностью». Одну уложил на полу, рядом со спящими младшими детьми – братом и сестрой, а с другой заперся в ванной. Так он надеялся по-тихому развлечься. Но он не знал, что в эту ночь в квартире присутствовала главный семейный авторитет – наша бабушка Ефросинья Ивановна, которая как раз и приехала из близлежащей деревни, чтобы на их городскую жизнь посмотреть и, если что не так, навести порядок. Она тут же

просекла всё Сашкино безобразие и затребовала немедленно открыть ванну. А когда услышала в ответ: «Ни за что не открою!», – побежала будить зятя, говоря:

– Лёша! Лёша! Проснись! Посмотри, что в твоей квартире творится?!

Вскочив, Алексей Андрианович, с трудом понимая, что происходит, подлетел к ванной, но услышал тот же ответ, что и Ефросинья Ивановна. Тогда он кинулся к девице, что лежала рядом с детьми. И вместо того, чтобы, обращаясь к ней, прокричать: «Вон отсюда!», – Алексей Андрианович, в свойственной ему интеллигентной манере, спросил:

– Вы кто такая? Как вы сюда попали? Ваши документы?!

Немного о сене и радиопроводах

В частном секторе, в индивидуальном строении на окраине большого населённого пункта городского типа, жизнь несколько иная, нежели в центре такого поселения, в многоквартирном доме (этом муравейнике, как считают противники многоэтажек).

Она – жизнь эта – тепла, близка к добрым человеческим взаимоотношениям. Всё просто, всё на поверхности. Все друг про друга всё знают. Коллективизм, взаимовыручка, забота о ближнем в проживающих здесь людях, в скрепах их очень сильны. Но бывают и выверты. Например, как с бабой Машей, недавно схоронившей мужа, деда Степана, и вынужденной теперь все технические вопросы решать самостоятельно.

– Мужики! – держась за штaketник своей деревянной калитки, визгливо обратилась она к соседским парням, возвращавшимся с работы. – Вы вот сено прошлый раз везли. Провода мне стогом оборвали. Радио теперь не работает.

Один из возвращавшихся, взведённый, видимо, тем, что баба Маша так визглива в конце рабочего дня, бесновато ответил:

– На фига тебе радио? Ты же всё равно ничего не слышишь!

Вера

Любимая моя жена Вера проявляла невероятную строгость по поводу употребления спиртного. Мы только поженились: ей было девятнадцать, мне двадцать пять. И вот, куда ни придём, только сядем за стол, она тут же требует от меня:

– Больше не пей!

Я, наконец, не выдержал подобного притеснения и по возвращении домой после очередного похода в гости: то ли на чей-то день рождения, то ли

просто в связи с праздником, на следующее утро, сразу после сна, страшно возмутился:

– В чём дело, Вера? Каждый раз на людях, когда я собираюсь вместе со всеми пригубить рюмку, ты заявляешь: «Больше не пей. Больше не пей?!»

И моя чудесная Вера так чистосердечно стала раскаиваться, чуть не со слезами говоря:

– Знаешь... Я, когда выпиваю первую рюмку, мне сразу начинает казаться, что все вокруг уже пьяные.

Я, конечно, пришёл в восторг от такого ответа и уже потом всегда с восхитительной улыбкой слушал все её застольные глупости.

О привилегиях

Когда-то в советское время я приехал в Мурманск в поисках счастья, в надежде заработать денег на «шабашке»¹. А брат у меня возглавлял ОБХСС² в одном из районов Мурманска. И у него были кой-какие привилегии. Я говорю:

– Помоги куда-нибудь к шабашникам определиться, чтобы заработать денюгу, очень сложно в Москве без денег.

А он мне отвечает:

– Мы с этим боремся.

И не смог ничем помочь. Сам я устраивался и устроился: лес сплавлять по реке Нива на Пинозере в посёлке Полярные Зори неподалёку от Мурманска.

Но, оглядываясь в прошлое, соотнося его с сегодняшним, я вот всё думаю: а ведь таких привилегий, какими пользуются ныне те, кто с ними «боролся», никогда ни у кого в России не было.

¹ Любой временный, случайный, неофициальный заработок или работа.

² Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности.

ЗАЙЦЕВ Олег Николаевич

Родился в 1968 году в городе Новополоцке Витебской области. Председатель Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Автор четырёх книг поэзии, сборника пьесы и рассказов, книги критики и литературоведения, книги поэзии в переводах на украинский язык. Председатель Оргкомитета и жюри Международного литературного фестиваля «Славянская лира», лауреат международных литературных премий: «Молодая Гвардия», С. Полоцкого, М. Матусовского, «Славянские традиции», всероссийской литературной медали им. Н. Лескова «Левша», ордена «Культурное наследие», медали им. Е. Замятина. Стихи автора переводились на английский, белорусский, итальянский, казахский, украинский, фарси (персидский) языки.

В наморднике пришёл к нам год двадцатый

* * *

Только трубы печей, поседевших от боли и пепла,
Только жалобный стон перезвоном в верхушках дерев:
Здесь земля в 43-м оглохла, замлела, ослепла
И застыла на... вечность, немую слезу утерев.

Было их 26, 26 деревенских избушек:
Детворы мал-мала — на две трети, и бабы, деды.
Жили, горя не зная, не видя ни танков, ни пушек,
Лишь трудились нещадно, ведь кормят деревню труды.

Как? когда? почему? — есть ответы. И нету ответа:
Онемевшим вопросом — старик с пацанёнком в руках...

Каждый третий в краю никогда не расскажет про это,
Треть страны! — языком колокольным молотит в висках.

Ворвались и согнали: сарай превратился в могилу —
Их огонь пожирал, не щадя стариков и детей...
Мир безумьем объят, исподволь потакая ИГИЛу,
Он фашистов растит и маньяков различных мастей.

Только прах и остался: ни смеха, ни вздоха, ни стона...
Человек человеку — уже и не друг, и не брат?
Лишь у видевших это, как эхо в ушах, монотонно —
Кто услышит Хатыни надрывный, тревожный набат!?

* * *

Война подкралась ранним утром,
Война не спрашивала дат...
Переливаясь перламутром,
Нам травы раны приглушат.

И жертв бесхитростные лица,
И их улыбки на устах
Война стирала, кровопийца,
Взамен них поселяя страх.

Кто б мог подумать, что четыре
Кровавых года быть беде,
Смерть караулила в квартире,
На улице, в лесу — везде...

И только плыли похоронки,
И только холмики земли...
Безжалостные шестерёнки,
Сминая, души ввысь несли.

И исстрадавшиеся люди
Молили небо, кто как мог.
Нет, мы такого не забудем —
Он в памяти, свинцовый смог.

Пусть обелиски маяками
Сердца потомков бережат,
Чтоб всё не повторилось с нами,
В нас вражий не стрелял солдат.

* * *

Родина малиновым кустом
Поманила в дальние пределы.
Молча осенью себя крестом,
В чашу зашагаю шагом смелым.

Затеряюсь в тропках наугад,
И вдыхая запах спелых ягод,
Вдруг пойму, насколько я богат,
Избежав чужбины дальней тягот.

Тиньканье ли пташечки лесной,
Или попрыгунчика в ложбине
Я воспринимаю, как чумной:
Ими грезил, брежу и поныне.

Выйдя на полянку в солнцепёк,
С перьевыми закружу я в танце...
Да хранит мой край родимый Бог,
Не порабощают иностранцы.

В чашу опускается закат,
Комариный звон лелеет душу:
Я безмерно, сказочно богат
Тем, что эту сказку не нарушу!

НЕЧИПОРУК Иван Иванович

Коренной горловчанин, родился в 1975 году. В довоенном прошлом — шахтёр. Выпускник Горловского института иностранных языков и филфака Славянского ГПУ. Заместитель председателя правления Межрегионального союза писателей, член Союза писателей России и Славянской литературно-художественной академии (Варна, Болгария). Автор нескольких книг стихотворений. Редактор журнала «Пять стихий».

Не говори со мною о войне

ВЕСНА, ПОХОЖАЯ НА ВЫСТРЕЛ

Немало боли на веку,
События и дни текут,
И вдруг в промасленном регистре
Увидишь тусклую строку,
И мысли тут же увлекут
В весну, похожую на выстрел.

Она почти что далека,
Но образ в памяти мелькал
И бился в бешеном азарте...
Весна была жестка, жарка,
И 100 пакетов молока
Мы отмечали в смутном марте.

Протесты шли сплошной волной,
Мы растерялись той весной
И в сердце усаживали жалость.

А воздух был уже больной,
И всё закончилось войной...
Верней, всё только начиналось.

РАСЦВЕТШИЙ ИЮНЬ

Июнь расцвёл – не передать в словах:
Бревно из бруствера пустило в рост побеги,
К окопам подступила мурава.
Земля кружилась, словно голова,
И время ехало на солнечной телеге.

Стеной взошли чабрец и молочай,
Был мир в тот миг почти что идеален.
Войною пахло как бы невзначай,
Спадал ремень с натёртого плеча,
И Ангелы-жнецы обстрела ждали.

* * *

Моим родителям

Здесь запах тополей родней,
И ярче звёзды.
Я на исходе светодней
Ловлю течение теней
Под грохот грозный.
За перелесок нет пути,
Ни вдоль, ни между,
И здесь покоя ни найти,
И лишь пока Дзержинск затих,
Дышу надеждой.

Обрыдло всё давным-давно...
Безмолвность улиц
Не объяснить глубоким сном,
Ночами страх стучит в окно,
Но чаще пули...

НЕ ГОВОРИ СО МНОЮ О ВОЙНЕ

Зачем ты бередишь печаль во мне,
Зачем тревожишь раненые чувства?
Не нужно черпать боль в моём огне,
Не говори со мною о войне!
Поговорим о кризисе искусства!

Давай болтать о ветре и траве,
О вечности поспорь со мной! Попробуй
Поговорить о Питере, Москве,
И пусть беседы льётся тихий свет...

Ну, а война и так во мне до гроба...

ИЗГИБ ОКИ

Застыл октябрь. Изгиб Оки в Поленово,
Где стойкий аромат увядших трав.
И ветер, листья клёнов пролистав,
Уносит светлый миг благословенного
Осеннего тепла сквозь звень дубрав.

И тают у реки леса усталые.
А за обрывом – луговая даль.
И неба безупречная эмаль
В закатный час зардеет краской алою,
И птичьим клином оборвёт печаль.

КЛЕВАНЕЦ Юрий Васильевич

Литературный критик, прозаик, краевед. С 2019 года — заместитель председателя Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Член жюри Международного литературного фестиваля «Славянская лира», Международной литературной премии имени Симеона Полоцкого. Автор нескольких коллективных сборников, альманахов, антологий. Живёт в городе Осиповичи.

Некоторые аспекты творчества двух прозаиков военного поколения Виктора Некрасова и Ивана Шамякина

В этом году литературное сообщество отмечает юбилей двух прозаиков военного поколения: 110 лет со дня рождения Виктора Некрасова и 100 лет – Ивана Шамякина.

Своей задачей я считаю сравнение творчества юбиляров. При этом здесь будут разобраны только отдельные аспекты произведений обоих авторов, поскольку и один, и другой – творцы плодовитые, особенно Шамякин. Даже на перечисление его опубликованных произведений уйдёт немало времени.

Итак, начну с кратких биографий наших героев по старшинству.

Виктор Платонович Некрасов родился в 1911 году в городе Киеве. В младенческом возрасте он вместе с братом (брат Николай на 6 лет старше будущего писателя) был увезён матерью и бабушкой за границу – сначала в Швейцарию, а затем – и в Париж. Отец Виктора и Николая служил в это время в Сибири и жил вне семьи. Уже в разгар Первой мировой войны женщины с детьми вернулись кружным путём – через Англию, Швецию, Финляндию – в Россию, в родной Киев.

Через два года, уже в разгар следующей, Гражданской войны, брат писателя был убит красным патрулём (он плохо говорил по-русски и у него

нашли французскую книгу), а в Красноярске от сердечного приступа умер отец.

В том же 1918 году Виктор поступает в школу, где и оканчивает восемь классов в 1926 году. Ещё через два года он получает профессионально-техническое образование в железнодорожном учебном заведении и поступает в Киевский строительный институт на архитектурный факультет. Во время студенчества будущий писатель занимается в театральной студии.

Институт был окончен в 1936 году, некоторое время наш герой работал по специальности, однако увлечение театром всё-таки перевесило, и с 1937 года мы уже видим Некрасова на подмостках так называемого Передвижного театра.

24.08.1941 Виктор был призван в армию и направлен в Ростовский Дом офицеров, где некоторое время продолжал актёрствовать. Однако молодой человек рвался на фронт. Зимой 1941/42 года его заявление было удовлетворено. Некрасов попадает в действующую армию как раз к началу печально знаменитого Харьковского наступления 1942 года. Полковой инженер, старший лейтенант, зам. командира батальона, участник Сталинградской битвы. Первое ранение – июль 1943 года, после излечения участвовал во взятии Одессы, воевал в Польше. Награждён орденом Красного Знамени. Вторично ранен в июле 1944-го, после чего демобилизован по инвалидности.

В 1946 году была написана повесть «В окопах Сталинграда», в 1947-м – присуждена Сталинская премия за неё. Соответственно, автор сразу же был принят в Союз писателей Украинской ССР, а с 1948 года стал там заместителем председателя. Были написаны повести «В родном городе», «Кира Георгиевна», писались также киносценарии, были опубликованы рассказы и очерки. Награждён орденом «Знак Почёта».

Однако в 1972 году прозаик был исключён из КПСС, в 1974 – из Союза писателей, в том же году уехал за границу. В 1979 году лишён советского гражданства. В эмиграции написаны повести «Саперлипопет», «Маленькая печальная повесть». Работал в редакции журнала «Континент», выступал на радио «Свобода». Умер в 1987 году в Париже.

Иван Шамякин родился в 1921 году в деревне Корма нынешнего Добрушского района Гомельской области. В 1936 году окончил 7 классов местной школы, после чего поступил в строительный техникум. После окончания в 1940 году был распределён технологом на кирпичный завод в городе Белостоке. Там же он и женился на своей землячке из соседней деревни. С женой Марией Филатовной прожил до её смерти 58 лет.

Вскоре после женитьбы был призван в армию и отправлен в войска ПВО. Войну встретил в Мурманске. Командир расчёта, старший сержант. В

1944 году вместе со своей частью переведён в Польшу, участвовал в боях на территории Германии. Демобилизован по окончании войны, работал учителем школы в Гомельской области до 1947 года. За год до этого поступил в гомельский пединститут, в 1948 году перевёлся в Минскую ВПШ, которую и окончил в 1950 году. Герой Социалистического труда (1981), кавалер многих орденов, депутат Верховного Совета БССР (1963 – 1985), председатель Верховного Совета БССР (1971 – 1985), депутат Верховного Совета СССР (1981 – 1989).

Писать Иван Шамякин начал ещё учась в техникуме. В 1946 году была опубликована повесть «Помста», в 1949-м – роман «Глыбокая плынь», за который автор получил Сталинскую премию. Далее я перечислю только романы писателя. В 1953 вышел из печати роман «В добры час», в 1957 – «Крыніцы», в 1964 – «Сэрца на далоні», в 1965 – пенталогия «Трывожнае шчасце», в 1974 – «Атланты і карыятыды», в 1979 – «Вазьму твой боль», в 1981 – «Петраград – Брэст», в 1986 – «Корні і галіны», 1987 – «Зеніт» и «Злая зорка», в 1997 – «Вялікая княгіня». Всего при жизни писателя было издано 130 его книг общим тиражом в 25 млн. экземпляров.

Уже из этих кратких биографий можно понять, что писатель и человек Иван Шамякин оказался, как принято сейчас говорить, «более успешным», чем Некрасов. Но само понятие «успех» расплывчатое и неопределённое. К примеру, тот же самый Шамякин в своих дневниках 1990-х годов отмечает, что ему, человеку, занимавшему, кроме всего, ещё и высокие государственные должности, приходится считать мелочь. Так что слово «успех» мы здесь больше не будем употреблять. Перейдём к рассмотрению творчества двух авторов.

Виктор Некрасов своим первым большим произведением положил начало такому явлению в советской литературе, как «лейтенантская проза». Почему? Да просто потому, что он не пытался подгонять повествование под какие-то одобренные и признанные правильными каноны. Он описывал то, что видел, и это описание получилось не мемуарным, а вполне литературным, в духе «беллетри».

Задача, которую в первом романе поставил перед собой Шамякин, была несколько сложнее. Он взялся за описание партизанской борьбы на территории тогдашней БССР, хотя сам в ней не участвовал, а знал об этих событиях только по рассказам.

Зато его жена с малым ребёнком на руках была партизанской связной и, соответственно (я, наверное, не первый это отмечаю), именно образ героини романа «Глыбокая плынь» получился наиболее живым и интересным.

В дальнейшем, в других произведениях Шамякина мы видим повторение этого момента – то здесь, то там в женских образах встречается всё та

же Мария Филатовна. Где-то она только промелькнёт, где-то будет показана более подробно, но присутствие жены писателя ощущается в его прозе довольно часто.

Здесь можно вспомнить подобные же явления и у других писателей, например, у французского классика Ромена Роллана, или у живописцев, таких как Маковский или Дали.

В целом же роман «Глыбокая плынь» по сравнению с повестью Некрасова более ученический. Все враги там всё-таки окарикатурены. Немцы впадают в истерику, скрежещут зубами и злобствуют, полицаи пьют водку бутылками. А партизаны в нём охвачены жаждой борьбы. И начальство не забывает героев. Вот небольшая цитата. «Эх, дзеці! – у вачах яго бліснулі слёзы шчасця. – Як не маладзець, калі столькі радасці! Учора прынялі ў партыю, сёння ордэн далі. Вось, яны, Маеўскія. Усе камуністы, усе ардэнаносцы». – Слова одного із персанажей.

Военная тема не покидала и Некрасова, и Шамякина после первых успехов ещё много лет. Некрасов предложил читателю и в равной степени – своим последователям как бы новую подтему: «интеллигент на войне». Здесь мы можем вспомнить и Фарбера из «Окопов Сталинграда», и Ильина из рассказа «Судак». В дальнейшем эту линию развили более молодые коллеги Некрасова – в частности, В. Быков и Ю. Бондарев.

Некрасов же стал и первым советским пацифистом в литературе. В его рассказе «Вторая ночь» показаны не то что переживания, а душевные муки новобранца Лёньки, который во время проведения разведки был вынужден зарезать немца, такого же молодого человека, как и он сам. Писатель подводит к небесспорной мысли, что солдаты и с одной, и с другой стороны – это жертвы войны, не важно, в равной или не в равной степени.

Перейдём ко второму герою этого доклада. В своих «военных» повестях «Шлюбная ноч» и «Гандлярка і паэт» И. Шамякин, в отличие от Некрасова, новых тем не поднимает, но усложняет сюжет. Остановимся на первой повести, впервые опубликованной в 1975 году в журнале «Полюмя».

70-е годы прошлого века – это вообще время так называемой «психологической» прозы. Подобно своим последователям, в чём-то и обогнавшим его самого, в частности, В. Быкову, Шамякин не показывает в своей повести величественных битв или даже хоть сколько-нибудь крупных боёв, действие повести камерное, и разворачивается оно в ограниченном пространстве. Подпольщики Гомеля получают задание подсветить ракетами цели на железнодорожном узле во время ночной бомбардировки города советской авиацией. В помощь им командование Красной Армии направляет диверсантку, специально подготовленную в разведшколе. Провести эту парашютистку в город должна связная партизан, от лица которой и ведётся

рассказ. Но тут-то и случается новый поворот сюжета. По легенде парашютистка должна представляться как невеста одного из руководителей городского подполья, как раз того, кто уже был связан любовными отношениями со связной. Более того, фиктивную невесту нужно устроить на железную дорогу, а затем – и сыграть свадьбу для того только, чтобы напоить местного полицая и немецкого железнодорожного начальника «молодожёнов», могущих помешать операции.

Поскольку, повторюсь, рассказ ведётся от лица связной, то значительная часть повести отдана под описание переживаний этой молодой женщины, страдающей муками ревности. Мне, автору этой работы, впервые прочитавшему «Шлюбную ночь» ещё в школьном возрасте, повесть послужила в некотором смысле учебником по женской психологии. Во всяком случае, по прочтении я впервые в жизни подумал, что в женских головах некоторые процессы проходят иначе, чем в мужских.

Второй раз я прочёл эту повесть уже года через четыре, когда сам себя считал взрослым дядей. На этот раз пришлось задуматься о нестыковках сюжета. Появились вопросы, на которые я и сейчас вряд ли дам исчерпывающий ответ. По мере обретения жизненного опыта вопросов только прибавилось.

Во-первых, меня поразила, а значит, и запомнилась, фраза, что в железнодорожных мастерских подпольщики наладили производство магнитных мин. Но я уже немного знал и в молодости о диверсии Ф. Крыловича в Осиповичах. Ему через третьи-четвёртые руки были доставлены от диверсионно-разведывательной группы НКГБ две такие мины, произведённые в Англии и доставленные в СССР по ленд-лизу. И за каждую нужно было дать отчёт по начальству. То есть получается, что железнодорожных мастерских, которые были и в Осиповичах, недостаточно для изготовления столь дефицитного оружия.

Во-вторых, а зачем нужно было посылать именно диверсантку? Подпольщикам для подсветки целей нужны собственно ракетницы и ракеты к ним, а не красотка. Ракеты могла бы принести и связная, девчонка своя в доску. Но тогда не было бы повести.

В-третьих, о красотке. В повести многократно говорится о том, что присланная парашютистка в тех местах и в то время напоминала марсианку. Она явно городская, с красивым лицом и телом (для выявления этого обстоятельства в повесть вводится эпизод купания). От неё пахнет парфюмерией. Она говорит строго по-русски. В городе её пытаются выдать за украинку. Но что-то мне плохо верится, что несомненная москвичка (а она ещё и проговаривается, что до войны каждый день принимала ванну) сойдёт за «дивчину-хохлушку».

Более того, она в партизанском отряде поёт песни под гитару. И не просто песни, а старинные романсы, которые и в Москве-то, скажем прямо, далеко не всем были известны. То есть секретный агент, тихушник по определению, делает всё, чтобы о нём вскорости заговорила вся округа.

В послесловии к тому четвёртого собрания сочинений Шамякина (Мн., 2011) М. Мушинский постоянно называет посланницу Москвы радисткой. Я с этим не согласен, считаю её диверсанткой и вот почему.

В книге «Память» города Бобруйска (1995 год) написано, что там во время оккупации работали не один и не два радиста-парашютиста. Но они проникали в город не для выполнения конкретного задания – это раз, а кроме того, радист (если это радист) буквально привязан к своему немаленькому ящику с рацией и батареями. Что-то у Шамякина ни разу не говорится о том, что молодые особы и молодые люди возились с этим ящиком это – два. К тому же, в повести есть фраза, что радисткой работает некая «Анька», тоже прилетевшая из Москвы.

В-четвёртых, сам налёт. Дело в том, что ночные бомбардировщики периода ВОВ за просто так не могли произвести налёт строем. Налёт строем даже и в дневное время получается только в результате длительных тренировок. Поскольку в армейской авиации Советского Союза не было возможности для тренировок, то ночные налёты производились не строем, а длинными вереницами с большими расстояниями между отдельными машинами. Исключений из этого правила я не знаю.

Удивительно, как зенитчик Шамякин пренебрёг этим обстоятельством.

Ну, и в-пятых – гибель диверсантки (по всей видимости, офицера), которая взялась прикрывать отход главной героини (напомню, главная героиня – связная). Но по понятиям войны всё должно было быть наоборот, поскольку подготовленные диверсанты – это, скажем так, штучный товар.

Повторюсь, не могу полностью ответить на свои вопросы и до сего дня.

Ну и опять же, у главной героини (связной) есть какие-то черты жены писателя. А диверсантка Маша артистичная, эротичная, непрактичная, но в то же время весьма воинственная. Короче, пани. По-видимому, крестьянский сын И. Шамякин именно такими видел потомков русского дворянства вообще. Ну, и своего коллегу В. Некрасова – в частности.

Перейдём к Виктору Некрасову. Он тоже отметился, как «психологический» прозаик. Так, в рассказе «Сенька» говорится про молодого бойца, который, испугавшись бомбёжки, стал самострельщиком. Однако через несколько дней, находясь под следствием, он совершил фактически подвиг, остановив немецкую танковую атаку. Писатель убедительно показывает, как меняется сознание молодого человека, у которого страх сменяется стыдом, а стыд — решимостью.

Оба писателя постепенно переходят к мирной тематике. Мне хочется остановиться на повести Виктора Некрасова «Кира Георгиевна». По-видимому, автор успел прочесть роман «Доктор Живаго», поскольку пастернаковский дух чувствуется в повести. С другой стороны, прослеживается связь с рассказом Чехова «Попрыгунья». Надо заметить, что у Чехова описывается реальная история отношений тогдашнего известного художника с замужней женщиной. Чехов несколько окарикатурил образ главной героини своего рассказа, в «Попрыгунье» явно видна ирония автора. Однако, не касаясь личной жизни, прототип разбитной дамы не так-то прост. Она не была обыкновенной суетной бездельницей, поскольку известно, что одна из написанных ею картин была куплена для галереи Третьякова, а у художников этот факт является признаком того, что ты добился чего-то в искусстве, следовательно, и жизнь твоя удалась.

Для подтверждения схожести героинь Чехова и Некрасова приведём маленькую цитату из повести. «Всё, что ни делала Киля, она делала, не задумываясь». Далее идут ещё несколько предложений, дополняющих эту характеристику. Но признаем, что и сказанного уже достаточно.

Итак, в повести показана ситуация, когда к сорокалетней художнице приехал её бывший муж, когда-то поэт-авангардист, отсидевший в ГУЛАГе много лет и, наконец, реабилитированный. Через несколько лет после ареста первого супруга, уже в мирное время, Кира успела снова выйти замуж за человека намного старше её. В целом жизнь героини после войны была вполне размеренной и обеспеченной. Супруги занимались каждый своим делом (муж Киры Георгиевны был тоже художником), между ними установились спокойно-дружеские отношения. Однако автор вводит дополнительную линию: Кира нанимает для одного своего произведения молодого натурщика, и между ними тоже начинаются какие-то, не совсем осознанные, отношения. Героиня старше натурщика раза в два, и тут она является инициатором, опять же, особо не раздумывая.

Но вот появляется первый муж, женщина, не умеющая размышлять, бросает все свои прежние отношения, уезжает с ним из Москвы в Киев, город своей юности. Однако и приезжий уже имеет новую семью, в конце концов встретившиеся прежние супруги окончательно расходятся.

В свою очередь, реабилитированный поэт чем-то напоминает Луку Горького. «Дедушка, а почему ты такой мягкий?» – «Мяли много, вот и мягкий». А ещё он похож на Юрия Живаго, только позднее родившегося и дожившего до седых волос, несмотря на все передраги. Постепенно прежний муж выдвигается в центр повествования. Все остальные герои по сравнению с ним выглядят неприкаянными.

И вот финал. Кира возвращается ко второму мужу, разбитому инфар-

ктом, поэт — ко второй жене с больным ребёнком. Может быть, они ещё когда-то встретятся. Кто знает?

Своеобразны у Некрасова образы так называемых «простых» людей. В военной прозе — это солдаты, после войны появляются персонажи рабочих. Это, как правило, молодые люди, очень сильные физически, но в то же время довольно простодушные. Они часто не широко образованны, но тянутся к знаниям и к знающим людям. Здесь автор в целом повторяет прозаиков русской литературы XIX — начала XX века. Как и в более ранних произведениях «либерального», «реалистического» или «народнического» направления, не говоря уж о соцреализме, образы солдат, младших офицеров, рабочих — у Некрасова теплы, хотя и сдобрены порцией иронии.

Однако все явления в нашем мире имеют и обратную сторону. На протяжении последней трети века, как в нашей стране, так и на всём, скажем, «постсоветском пространстве» мы можем наблюдать усугубляющееся со временем явление избыточности образования. Следствием стало появление массы людей дипломированных, но безграмотных. И что же произошло в связи с этим в сознании так называемых «простых» людей? А они спокойно приняли предлагаемые условия игры. Знания сейчас не ценятся? Нет? Нет — и не надо. Зато диплом приобрести не мешает. Хотя бы ради удовлетворения тщеславия. К тщеславным и безграмотным дипломоносцам относиться с теплом даже и Заратустра не позволяет.

В любом случае некий связист из рассказа Некрасова «Посвящается Хемингуэю», читающий книги в двухстах метрах от неприятельских окопов, выглядит сейчас совершенным анахронизмом.

Итак, теперь мы подходим к главным вопросам, а затем — и к выводам.

Чем же писатель-фронтовик и коммунист Виктор Некрасов отличается от писателя-фронтовика и коммуниста Ивана Шамякина?

Почему по-разному сложились их судьбы, творческие и человеческие?

Начнём разбираться, как и ранее, с более старшего.

Виктор Некрасов в своих литературоведческих статьях и очерках (а он был ещё и собкором «Литературной газеты» по Украине и много там публиковался) ратовал за правду, правду историческую или правду художественную. То есть, по его мнению, писать следовало о том, что было на самом деле, либо о том, чего не было, но могло быть. Он сам так работал, этого же требовал и от других.

Чтобы понять, что думал по этому поводу И. Шамякин, нужно обратиться к его дневниковым запискам (т. 22 Собрания сочинений, Мн., 2014).

Вот, например, на стр. 142 — 143 запись от 11.01.1982 года: автор не любит «голой правды», она, по его мнению, непристойна, как и голая женщина (ну-ну, а кто-то там в отрочестве за практикантками подглядывал? — Ю. К.).

Но что такое, по мысли Шамякина, правда «голая» и правда «одетая»?

На указанных выше страницах дневников писатель высказывает своё мнение о повести Владимира Крупина «Сороковой день», прочитанной им в одном из московских журналов. Именно в том произведении он и увидел отмеченную здесь «голую правду».

Но с другой стороны И. Шамякин замечает у В. Крупина моменты художественного решения темы, которых самому автору воспоминаний, по его же мнению, не хватает.

Здесь надо заметить от себя: конечно же, Иван Шамякин как прозаик не стоял на месте. Более поздние его произведения написаны живее и читаются с большим интересом, чем первый роман. Однако, как мы видим, автор знал свои пробелы, причислял к ним недостаток художественности и по мере сил работал над собой.

Вернемся к дневнику. Повесть Крупина, красочно написанная, всё же имеет, по мнению Шамякина, недостаток – «голую правду». Следовательно, правда «одетая», как считает автор записок, это не значит «более литературная, философская, артистичная, художественная».

Для окончательного понимания надо вернуться к более ранним записям. 26.06.1975 (стр. 112) автор замечает, что хотел бы писать про войну так же просто, как Л. Толстой в «Севастопольских рассказах», однако признаётся, что простота для него тяжела, «лягчэй сачыняць». А точнее – присочинить. К этому-то и приводит неприятие «голой правды».

Таким образом, правда «одетая», по Шамякину – это правда приукрашенная. Однако сам писатель утверждает: у него в романах, повестях и рассказах не меньше «острых» фактов, чем у того же Крупина или других «ниспровергателей». Тем не менее, в своих произведениях Шамякин, по его мнению, никогда не старался чернить действительность.

В. Некрасов к подобной методике относится с иронией «...зачем подчёркивать, усугублять?.. смягчение концовки (не надо точек над і), введение мажорной интонации...» (повесть «Саперлипопет»).

И ещё несколько слов об «острых фактах». Для своих произведений Иван Шамякин выбрал довольно своеобразный способ освещения неполиткорректных тем. Такие темы он не раскрывает, не высказывает своё к ним отношение, а как бы перечисляет скороговоркой, несколькими словами. Характерный пример одной из последних повестей, увидевшей свет уже в 90-е годы, «Старый романтик». Главный герой её – в прошлом крупный белорусский учёный в области истории и теперь, на пенсии, всё ещё не ушедший на покой. Так вот, там просто упоминаются наделавшие много шума на сломе эпох квазиисторические книги Миколы Ермаловича, ставшие новым евангелием для «нацыянальна-свядомай» публики. То есть

официальной цензуры вроде бы уже нет, но отработанная годами метода продолжает довлеть над писателем (замечание для редколлегии тома: упомянутый в повести Соловьёв – это не «русский советский драматург» – стр. 602, а крупнейший российский историк XIX века).

Из дневниковых записей Ивана Шамякина следует, что автор совсем не слеп, он видит негативные факты, но негатив вызывает у писателя не протест, не критику, а недоумение. Вот пример: написано 06.08.1982 (стр. 58), мемуарист не понимает, зачем нужно было штурмовать Кёнигсберг, когда Красная Армия была уже на пути к Берлину (здесь нужно пояснение, речь, по-видимому, идёт о втором штурме, конца марта – первой половины апреля 1945 года; И. Шамякин был очевидцем и участником событий – Ю. К.). Далее автор ставит в пример поведение командования израильской армии, которое стремится достичь своих целей с наименьшими потерями.

Вне своего рабочего стола Иван Шамякин ведёт себя весьма скромно, он по-белорусски «памяркоўны». Сам писатель характеризует себя так: по жизни «я баязлівец» – запись от 10.10.1993, стр. 540. Отсюда – и поведение автора в какие-то критические моменты литературной (и не только) жизни. Он, к примеру, осудил автора романа «Доктор Живаго» как все, не читая (запись от 31. 03.1991, стр. 325–326). «Я ішоў за ўсімі, я верыў ім, старым і мудрым». Ну что тут скажешь – мальчик уже большой, надо бы и своей головой думать.

Из дневниковых записей и из мемуарной прозы Ивана Шамякина можно сделать и такой вывод: автор как-то по-крестьянски значительную часть своей жизни был внутренне уверен, что всё зло мира минет, «усе будзе добра». Эта вера была сильно поколеблена «перестройкой» в последние годы жизни писателя.

Однако все перечисленные качества характера Шамякина-человека и литератора и стали причиной того, что его биографию до выхода на пенсию коротко можно назвать подъёмом на социальном лифте.

Впрочем, в дневниках автор довольно критичен по отношению к самому себе. Вот, к примеру, запись от 17.03.1993, стр. 510: в 1986 году он спорил с гомельским профессором-физиком, поскольку нарисованная учёным картина последствий катастрофы Чернобыльской АЭС показалась Герою Соц. Труда и депутату ВС СССР слишком мрачной. Учил жизни спеца.

Или ещё: запись от 08.02.1991, стр. 280 – «Я ў тых гады лёгка пісаў барабанную публіцыстыку» (речь идёт о первой половине 50-х).

И последний штрих к портрету писателя Шамякина. Надо заметить, что далеко не всё ему удавалось запросто. Так, в дневниках прозаик несколько раз возвращается к коллизии, возникшей в связи с написанием романа «Петроград – Брест». Дело в том, что он ввёл в текст фигуру Троцкого (а

куда денешься, если именно он начинал переговоры о мире с немцами в 1918 году). Так вот, поскольку идеология коммунизма усилиями многих специалистов от пропаганды была к тому времени фактически превращена в новую религию, то Троцкому в этой конструкции была отведена почётная роль Вельзевула.

Современному читателю надо напомнить, что в СССР все более или менее крупные произведения искусства (не только литературы) должны были проходить согласование в соответствующих партийных органах. И в порядке этой процедуры функционер ЦК КПБ А. Т. Кузьмин, побоявшись, что его самого обвинят в том, что он допустил к печати текст с Вельзевулом, отправил роман на ещё одно согласование в Москву, в институт марксизма-ленинизма (был и такой; тема для отдельной повести: как ветеран войны, подобный Шамякину и Некрасову боевой офицер со временем превращается в практически библейского начётчика и фарисея). Из Москвы пришёл ответ: мы тут ничего не понимаем, давайте переводите на русский язык. Дело закрутилось. Запись от 06.01.1982, стр. 139: «У СП сенсация: зарэзали раман Шамякіна аб Леніне (конечно, не Троцкий там был главным героем – Ю. К.)».

Вся эта история стоила писателю немалых нервов, но он решал бюрократическую проблему бюрократическими же методами, в стиле «мы решаем вопросы». Роман был напечатан.

Вернёмся к В. Некрасову. В отличие от Ивана Шамякина, ставшего, скажем так, «региональным» классиком, повести и рассказы второго героя этой работы сразу же переводились на многие языки и широко публиковались в разных странах. Соответственно, автора приглашали на литературные мероприятия, проходившие за рубежом. Как следствие, у Некрасова набралась целая книга путевых заметок. Казалось бы, писатель катается как сыр в масле.

Однако Некрасов-человек был и остался «себе на уме». По-видимому, отмеченное здесь появление в повести «Кира Георгиевна» героя, похожего на Юрия Живаго, было сознательным ответом писателя на травлю Пастернака, сильно запачкавшую не только советскую литературу, но и СССР в целом.

Дальше – больше. За Пастернаком «неправильный» роман «Жизнь и судьба» написал и В. Гроссман (большим тиражом был напечатан уже в перестройку). Некрасова вызвали в Москву.

«— Гроссман написал антисоветский роман, — решительно заявил мне ведавший литературой в ЦК тов. Поликарпов.

— Нет, Гроссман не мог написать антисоветского романа, — сказал я. — Это исключено.

— Вы не читали его, а я читал. Это антисоветский роман!» — повесть «Саперлипопет».

В первые послевоенные годы овраг, в котором оккупанты расстреляли десятки тысяч людей, по преимуществу – киевских евреев, был превращён в свалку. Затем было решено строить там стадион. Некрасов же в своих статьях в «Литературной газете» требовал сделать мемориал погибшим. Особенно, насколько я в этом разбираюсь, раздражал чиновников (это раздражает чиновников всегда и везде) сам факт публикаций в московской, столичной прессе, «через голову» киевского начальства. В конце концов, количество претензий к писателю переросло в качество. Виктор Некрасов был изгнан из страны. Книги его вернулись к нам уже в перестройку, после смерти автора. В том числе пришли и повести, написанные в эмиграции, несущие в себе и явный привкус обиды, и матерную лексику.

Так вот и разошлись жизненные и творческие дороги двух писателей, двух фронтовиков, начавшиеся столь одинаково.

МОЗГОВ

Анатолий Матвеевич

Родился в 1956 году в г. Борисове Минской области. Окончил Белорусский политехнический институт. Печатался в различных газетах, журналах, альманахах, коллективных сборниках стихов, антологиях. Автор поэтических сборников «Туман», «Инженер», «На бронне». Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Состоит также в Борисовском районном литобъединении «Натхненне»,

Минском областном народном клубе композиторов и поэтов «Жывіца». Неоднократный финалист МЛФ «Славянская лира» в номинации «Художественный перевод», в 2020 году занял 2-е место в ней по версии жюри.

Переводы

Бажэна МАЦЮК

(оригинал)

* * *

Размаўляй са мною. Размаўляй,
Не катуі бязлітасным маўчаннем.
Зразумею, пекла тут ці рай –
Мне б застацца так тваім світаннем,
Каб схаваць ад зваблівых вачэй
У часцінку сэрца адзіноту,
Толькі ты аддай, маю, хутчэй
Мне сваё аддаленае «потым».
Я пайду з табой у міражы –
Не баюся больш здавацца смешнай.
Ты каханне наша беражы...
Ты расстанне наша не прыспешвай...

Бажена МАТЮК

(перевод)

* * *

Говори со мною. Отвечай,
Не пытай безжалостным молчаньем.
Я пойму: здесь ад, а может рай –
Мне б остаться утром твоим ранним,
Чтоб укрыть от приторных очей
Одиночество в своём сердцебиенье,
Только ты отдай, молю, скорей
Мне своё «потом», как отдаленье.
Я пойду с тобою в миражи –
Не боюсь смешной тебе казаться.
Как любовь сберечь нам, подскажи...
Не спеши пока что расставаться...

Бажэна МАЦЮК

(оригинал)

НАПАМІНАК

У горадзе чужым, крыху варожым,
З бетонам між нябёсамі і мной,
Спыняецца разгублена прахожы,
Бо ўсюды пахне скошанай травой.

Ён, пэўна, і не здолее заўважыць
Духмянасць і атавы – і жыцця:
Муры тут больш за глыбы цвёрдзі важаць,
Пад імі ты знямоглае дзіця.

Ён, пэўна, і не можа здагадацца,
Што ў паху гэтым мноства таямніц:
Увішная настойлівая праца –
І вольная часіна ля крыніц.

Ён, пэўна, і не ведаў бы ніколі
За кратамі шкляннымі гарадоў

Пра гэты водар чысціні і волі,
Прынесены з квітнеючых садоў.

І вось цябе, чужы мне і варожы,
Прыму без слоў у сэрца і душу
За гэты пах травы – людскі і Божы –
І цэлы свет я ім закальшу.

Бажена МАТЮК
(перевод)

НАПОМИНАНИЕ

В том городе чужом, на ад похожем,
С бетоном между космосом и мной,
Растрянно глядит вокруг прохожий,
Повсюду пахнет скошенной травой.

Наверное, не сможет он заметить
Душистый запах жизни и травы:
Строения здесь, словно горы, весят,
Под ними ты дитя без головы.

И он пока не может догадаться,
Что в запахе – секреты тайника:
Настойчиво трудиться и стараться,
Чтоб отдохнуть потом у родника.

И никогда не знал он поневоле
За стенами стеклянных городов
Про этот запах чистоты и воли,
Родившийся из цветени садов.

И вот тебя, чужой мне, непогожий,
Приму без объяснений в сердца келью
За этот запах трав – людской и Божий –
И целый мир представлю колыбелью.

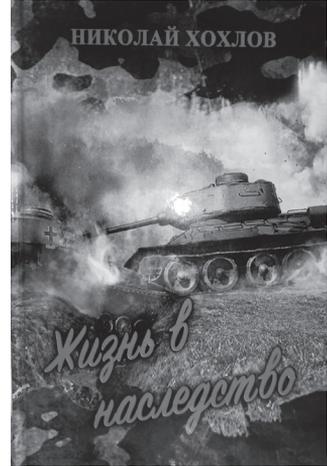
Хохлов Н.М. «Жизнь в наследство».

Художественно-документальная трилогия.

Минск, Литературный свет, 2021. – 328 с., тираж 1000 экз.

ISBN 978-985-6943-66-2

В художественно-документальной трилогии «Жизнь в наследство», объединившей повести «Полоцк-крепость», «Сенненская Прохоровка», «Полоцкое направление», рассказывается о драматических событиях первых недель Великой Отечественной войны. Повествование охватывает промежуток времени с 27 июня по вторую половину июля 1941 года, когда части советской 22-ой армии, выдвинутой командованием на линию железной дороги Дрисса – Витебск, успели занять оставленные и брошенные с сентября 1939 года, то есть со времени перенесения границы на запад, приграничные укрепления в окрестностях Полоцка (Полоцкий укрепрайон).

Советские войска на этом направлении сумели остановить наступление Третьей танковой группы Вермахта, превосходившей их по численности и по всем видам вооружений в три раза и более, почти на три недели и отступили только ввиду угрозы полного окружения.

Командование Западного фронта и Западного направления Красной Армии в начале июля приняло решение поддержать части, оборонявшиеся под Полоцком, ударом соединений советской 20-й армии из района Орши. В наступление пошли 5-й и 7-й механизированные корпуса. Историки до сего дня спорят, какие силы реально смогли участвовать в боях, поскольку известно, что часть танков указанных корпусов нуждалась в ремонте. Удар двух больших масс боевой техники был плохо подготовлен, проводился впопыхах и сопровождался исключительно большими потерями. Самый главный недостаток этого наступления в том, что, скорее всего, его план был заранее известен противнику. Цели контрудара достигнуты не были.

С другой стороны, планы немецкого командования также были нарушены. Чтобы несколько оправдаться перед фюрером, в отчётах, посылаемых «наверх», стало употребляться словосочетание «крепость Полоцк».

Николай Хохлов описывает события с точки зрения рядовых бойцов и командиров Красной Армии, как «кадровых», отступавших от западной границы – уставших, зачастую голодных и плохо вооружённых, так и новобранцев, исполненных боевого духа, но неопытных. Автор считает, что

какие-то отдельные танки из тех, что шли на помощь Полоцку, всё-таки прорвались к городу. В книге приводятся многочисленные фотокопии документов штабов частей и соединений Красной Армии, которые оборонялись в окрестностях Полоцка или были направлены на выручку городу. Книга богато иллюстрирована и может быть полезна не только простым читателям, интересующимся историей Великой Отечественной войны, но также подрастающему поколению, учителям истории и краеведам.

Мельников О.И. «Цугцванг».

Пьесы.

**Минск, Медиа, 2021. — 264 с., тираж 110 экз.
ISBN 978-985-7229-45-1**

Сборник драматургии «Цугцванг» включает в себя восемь пьес: «Цугцванг», «Пьедестал», «Великая княгиня», «Скрученные параллели», «Клиника», «Дискретная математика, непрерывная жизнь», «Война собак и кошек», «Космонавты». Из «Цугцванга» читатель может узнать о взаимоотношениях власти и писателя в какой-то отдалённой латиноамериканской стране. «Пьедестал» — это почти до неузнаваемости переработанная евангельская история. В «Великой княгине» автор обратился к событиям конца первого века существования Киевской Руси как государства и дал свою версию описанных в летописях коллизий. «Скрученные параллели» повествует о невидимых на первый взгляд бурях, сотрясающих быт обыкновенной советской семьи. Абсурдистская пьеса «Клиника» прямо говорит о смерти, о том, с какими тенями в последние свои дни сталкивается заурядный, в целом, человек. Сюжет драмы «Дискретная математика, непрерывная жизнь», почерпнут автором из опыта работы университетским преподавателем. «Война собак и кошек» и «Космонавты» — это абсурдистские пьесы, наполненные ироничными намёками по поводу театральной жизни, взаимоотношений внутри творческих союзов и современных российских киношедевров. Разножанровость и широкий спектр тем, затронутых в пьесах О. Мельникова, возможно, привлечёт внимание как руководителей театральных трупп Беларуси, так и широкого круга читателей.

Ведущий рубрики Юрий КЛЕВАНЕЦ

